

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Ноябрь 2024 Том 23 № 4

Специальная тема номера:
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СУДЬБАХ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ РОССИИ

Приглашенный редактор **О.С. Поршнева**

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY

VOL. 23 No. 4 NOVEMBER 2024

Special Theme of the Issue:
**THE FIRST WORLD WAR IN THE DESTINIES
OF THE PEOPLES AND REGIONS OF RUSSIA**

Guest Editor **O.S. Porshneva**

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-4

**<http://journals.rudn.ru/russian-history>
RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY**

**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)**

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по трем научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее прежде всего в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 20.12.2024. Выход в свет 30.12.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,90. Тираж 500 экз. Заказ № 1718. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Alexander V. Chernykh, *Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Perm, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Natalia L. Pushkareva, *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimirska, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor Konstantin V. Zenkin

Translation Editors Tatiana V. Dugina, Jonathan Sicotte

Layout Designer Marina N. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arсланov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Карамиджахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Пушкарева Н.Л., *Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия*

Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Черных А.В., *Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редакторы перевода Т.В. Дугина, Джонатан Сикотт

Компьютерная верстка: М.Н. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

THE FIRST WORLD WAR IN THE DESTINIES OF THE PEOPLES AND REGIONS OF RUSSIA

Semenova E.Yu. Leisure in the Daily Life of Various Ethnic Groups of the Urban Population of the Volga Region during the First World War 390

Kazakova-Apkarimova E.Yu., Porshneva O.S. Phenomenon of Church-Religious and Secular Charity in the Urals in 1914–1918: The Ethno-Confessional Aspect 403

Ponomareva M.A. Terek Region in Anthropological and Socio-Economic Dimensions of the First World War 415

Bendin A.Yu. Patriotic Mobilization of Orthodox Dioceses of the North-West Territory of Russia during the First World War (August 1914 – Early 1917) 427

HISTORY OF THE SOUTHERN FRONTIER

Linkova E.V., Evsyukov D.E. The Influence of Military Defensive Factor on the Process of Establishing Russia's Southern Frontier in the XVI–XIX Centuries..... 441

Arabadzhyan Z.A. Nikolai Notovich is an Enthusiast of Russian Railway Concessions in Persia 451

ARTICLES

Bezugolny A.Yu. Reorganization of Moscow Divisions of People's Militia into Rifle Ones in August – September 1941 463

Pushkareva N.L., Bogdashina I.V. There are no Foodstuffs in Grocery Stores, Everything is Very Difficult to Obtain: Women's Everyday Life in the Provincial Soviet City in the 1950–1960s 476

Malunova M.V. History of Scientific Contacts between Russian and French Plant Physiologists in the Late XIX Century – 1970s 490

Mironov B.N. The Opportunistic Nature of Soviet Jewish Policy 501

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СУДЬБАХ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ РОССИИ

Семенова Е.Ю. Досуг в повседневной жизни этнических групп городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны 390

Казакова-Апкаримова Е.Ю., Поршнева О.С. Феномен церковно-религиозной и светской благотворительности на Урале в 1914–1918 гг.: этноконфессиональный аспект 403

Пономарева М.А. Терская область в антропологическом и социально-экономическом измерениях Первой мировой войны 415

Бендин А.Ю. Патриотическая мобилизация православных епархий Северо-Западного края России в годы Первой мировой войны (август 1914 – начало 1917 г.) 427

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО ФРОНТИРА

Линькова Е.В., Евсюков Д.Е. Влияние военно-оборонительного фактора на продвижение южного фронта России в XVI–XIX вв. 441

Арабаджян З.А. Николай Нотович – энтузиаст российских железнодорожных концессий в Персии 451

СТАТЬИ

Безугольный А.Ю. Переформирование московских дивизий народного ополчения в стрелковые в августе – сентябре 1941 г. 463

Пушкарева Н.Л., Богдашина И.В. В магазине ничего нет, все очень трудно достать: из истории женской нестоличной повседневности советского города в 1950–1960-е гг. 476

Малунова М.В. История научных контактов отечественных и французских ученых в области физиологии растений в конце XIX в. – 1970-е гг. 490

Миронов Б.Н. Конъюнктурная природа советской еврейской политики 501

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СУДЬБАХ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ РОССИИ
THE FIRST WORLD WAR IN THE DESTINIES OF THE PEOPLES AND REGIONS OF RUSSIA

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-390-402>
EDN: OVFYOC

Научная статья / Research article

**Досуг в повседневной жизни этнических групп
городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны**

Екатерина Юрьевна Семенова

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия
Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
Самара, Россия

dashka129k@yandex.ru

Аннотация: Реконструированы виды досуга национальных общностей, постоянно проживавших и прибывших с началом Первой мировой войны на территорию Поволжья. Выявлены общие тенденции в досуге представителей этнических групп, а также досуговые практики, типичные для данного этноса. Проанализированы тенденции, появившиеся в досуговых практиках в связи с особенностями эпохи. Автор пришел к выводу, что представители национальных групп, постоянно проживавших на территории Поволжья, включались в повсеместно распространенные развлечения: общегосударственные праздники, посещали маскарады, лекции, спектакли, концерты. С учетом национального и конфессионального состава населения выделяются также отмечаемый татарами-мусульманами праздник Сабантуй, посещение концертов и спектаклей гастролировавших в городах Поволжья этнических трупп (еврейских, малороссийских). С военной эпохой был связан широко распространенный благотворительный контекст развлечений. Этнические общины, сформировавшиеся в условиях войны (литовские, латышские, эстонские, польские, еврейские), организовывали их на платформе национальных благотворительных обществ и с учетом этнической специфики.

Ключевые слова: история повседневности, досуговое пространство, национальные праздники, структура городской культурно-досуговой среды, пространство общедоступных культурно-просветительских мест досуга

Для цитирования: Семенова Е.Ю. Досуг в повседневной жизни этнических групп городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 390–402. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-390-402>

**Leisure in the Daily Life of Various Ethnic Groups of the Urban
Population of the Volga Region during the First World War**

Ekaterina Yu. Semenova

Samara State Technical University, Samara, Russia
Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Samara, Russia

dashka129k@yandex.ru

Abstract: The author reconstructs the leisure activities of national communities that permanently lived and arrived in the Volga region at the outbreak of the First World War. General trends in the leisure of representatives of ethnic groups, as well as leisure practices typical of this ethnic group, were

© Семенова Е.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

revealed in the text, and trends that appeared in leisure practices in connection with the peculiarities of the era are also analyzed. The author came to the conclusion that representatives of the various national groups that permanently lived in the Volga region actively participated in ubiquitous public entertainment: national holidays, attended masquerades, lectures, performances, and concerts. Taking into account the national and confessional composition of the population, the Sabantuy holiday celebrated by the Muslim Tatars, attendance at concerts and performances of ethnic troupes (Jewish, Little Russian) touring in the Volga cities are also major forms of public entertainment indicated by the author. During the war, there was also a widespread charitable context of public entertainment; various ethnic communities during the war (Lithuanian, Latvian, Estonian, Polish, Jewish) organized events through national charitable societies, which took into account ethnic specifics.

Keywords: history of everyday life, leisure space, national holidays, structure of urban cultural and leisure environment, space of public cultural and educational leisure places

For citation: Semenova, E.Yu. “Leisure in the Daily Life of Various Ethnic Groups of the Urban Population of the Volga Region during the First World War.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 390–402 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-390-402>

Введение

Актуальность. Тема досуга населения в условиях Первой мировой войны включает в себя часть повседневной жизни человека, позволяет выявить вовлеченность общества в культурный процесс, формы компенсаторных социальных практик.

Степень изученности проблемы. Данная тема разрабатывалась и на материалах Поволжья. Исследователи воссоздали структуру городской культурно-досуговой среды¹, выявили содержание культурно-досуговых программ народов Поволжья в годы Первой мировой войны².

На основе анализа круга чтения, библиотечной структуры и периодики установлены отличия в развитии части досугово-инфраструктурной среды в пределах поволжских губерний, между уездными и губернскими центрами³.

По локальным территориям рассмотрены вопросы участия органов местного самоуправления в формировании и развитии культурно-досуговых учреждений и организации мест досуга⁴.

Исследователи обратили внимание на национальный фактор в структуре и содержании культурно-досуговых практик по отдельным территориям Поволжья: выявлены издания, публиковавшиеся на национальных языках – татарском⁵, немецком⁶, рассмот-

¹ Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны: учеб. пособ. к курсу «История Саратовского Поволжья». Саратов, 2007. С. 106–119; Матвиевский И.Н. Повседневная жизнь костромичей в годы Первой мировой и Гражданской войн // Музейный хронограф. Сб. статей и исторических документов. Вып. 8. Кострома, 2020. С. 227–234; Семенова Е.Ю. Пространство общедоступных культурно-просветительских мест досуга губернского провинциального города в годы Первой мировой войны: возможности и проблемы инфраструктуры (на материалах Самары) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 4. С. 34–43. DOI: <https://doi.org/10.37313/2658-4816-2021-3-4-34-43>.

² Семенова Е.Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 г.). По материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара, 2007.

³ Семенова Е.Ю. Возможности чтения в условиях провинциального российского города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Научный диалог. 2021. № 1. С. 392–410. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-392-410>.

⁴ Солдатов Я.В. Культурно-просветительская деятельность земских органов самоуправления в период Первой мировой войны на примере Казанской губернии // Научный диалог. 2013. № 11 (23): История. Социология. Философия. С. 44–51.

⁵ Абызова Р.Р. Татарские детские журналы (1907–1918) и судьбы их создателей // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 4. С. 59–67; Ак Юл // Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань, 2002. Т. 1: А–В. С. 72.

⁶ Бичанина З.И. Немецкий компонент в культурной жизни Саратова (1870-е – 1930-е гг.): автореф. дис. ... к.и.н. Саратов, 2010. С. 21–22.

рены аспекты функционирования татарских театральных трупп⁷, проанализирована социально-экономическая деятельность этно-конфессиональных структур⁸.

Накопленный исторический материал позволяет достаточно подробно характеризовать общий ракурс досуговых возможностей горожан Поволжья. Однако его национальная специфика среди жителей Поволжья в условиях Первой мировой войны нуждается в более детальной проработке. Данная цель определена на основе учета традиционного к началу войны многонационального состава населения части поволжских территорий, а также миграционных процессов, приводивших к появлению новых этнических групп в составе жителей Поволжья, где до войны население было моноэтническим.

Источниковая база. Ценные сведения содержатся в материалах делопроизводственной документации. Данные документы находятся в архивных фондах губернских канцелярий: Канцелярии симбирского губернатора (Ф. 76) Государственного архива Ульяновской области, Канцелярии Ярославского губернатора (Ф. 73) Государственного архива Ярославской области, Канцелярии самарского губернатора (Ф. 3) Центрального государственного архива Самарской области.

Через канцелярии губернатора проходили разрешительные документы об открытии различных обществ, организации и проведении культурно-развлекательных программ. Ценную информацию содержит документация фонда структуры, занимавшейся вопросами публикаций, в Государственном архиве Республики Татарстан – Казанский временный комитет по делам печати (Ф. 420). В делах данного фонда представлен перечень и статистика изданий на национальных языках.

Имеющие значение для разрабатываемой проблематики сведения, включающие статистику по составу населения городов, представлены в фондах управлений, в том числе в Государственном архиве Ульяновской области – Симбирском губернском правлении (Ф. 88). Также они выявлены в фондах различных обществ, в том числе ориентированных на национальные группы: Казанского городского комитета по оказанию помощи беженцам (Ф. 406) Государственного архива Республики Татарстан и Самарского объединенного Латышско-Литовско-Эстонского комитета по оказанию помощи беженцам (Ф. 749) Центрального государственного архива Самарской области.

Аналогичного рода документы содержатся также в сборниках опубликованных документов. Они включают отчеты губернского руководства, статистические сведения о деятельности национальных общностей в городах поволжских губерний в годы войны.

Важным источником являются дореволюционные публицистические издания – адрес-календари, справочные и памятные книжки, в которых публиковался перечень действовавших на территории губернии обществ и выходивших здесь периодических изданий, а также региональная периодическая печать (газеты «Костромская жизнь», «Костромской телеграф», «Рыбинский листок», «Астраханский вестник», «Казанский телеграф» и другие) с данными о местных обществах, проводимых ими мероприятиях с участием представителей этнических групп.

Национальный состав населения городов Поволжья к началу и в годы Первой мировой войны

В ряде населенных пунктов поволжских губерний еще до войны в национальном составе населения преобладали русские, но присутствовали и иные этнические группы.

⁷ Габдрафикова Л.Р., Салихов Р.Р. Трудовая повседневность татарских артистов начала XX века // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 4. С. 18–23.

⁸ Кищенко М.С. Европейские диаспоры в Ярославской губернии (конец XIX в. – 1917 г.): автореф. дис. ... к.и.н. Ярославль, 2011 и др.

В городах, прежде всего губернских, функционировали этнические общины. Так, в Ярославле протестантская немецкая община сложилась еще в 1817 г.⁹ В Костроме к началу войны существовала маленькая еврейская община¹⁰. На территории Саратовской губернии немецкие колонисты стали расселяться еще со второй половины XVIII в.

К началу войны в составе населения Поволжских губерний этносы, без учета русского, были представлены неравномерно. В Костромской и Ярославской губерниях на иные народы¹¹ приходилось всего 0,4 % жителей (евреи, немцы, поляки, финно-угры, татары), в Нижегородской – 6,8 % (2,6 % – татары, 3,8 % – финно-угры), в Казанской – 61,6 % (54 % – татары, 7 % – финно-угры), в Симбирской – около 32 % (19 % – татары, 12 % – финно-угры), в Самарской – 31,1 % (14 % – татары, 9 % – финно-угры, 8 % – немцы), в Саратовской – 27 % (7 % – немцы, 5 % – финно-угры, 4,6 % – татары), в Астраханской – 46 % (30 % – татары, 14 % – монголы)¹².

На основе религиозных предпочтений населения имперского периода можно заключить, что в некоторых городах Поволжья этнический компонент, представленный не русским населением, к началу войны был весомым. Так, в Лукоянове Нижегородской губернии поляки составляли около 18 % населения, в Камышине Саратовской губернии немцы – 17 %. В Казанской губернии на татар приходилась 1/6 населения Казани, Мамадыша, Тетюшей, более 1/4 – Чистополя, а в Цивильске около 5 % являлись поляками и 5 % – немцами. Около 7 % жителей Астрахани составляли армяне, 1/10 – татары¹³.

С началом войны в тыловые губернии были перемещены эвакуированные и хлынул поток беженцев из западных районов страны. В Ярославской губернии в конце 1916 г. наиболее крупными диаспорами из переселенцев стали поляки (5,7 тыс. чел.), латыши (2,6 тыс. чел.) и литовцы (2 тыс. чел.)¹⁴. В Костроме к концу 1916 г. проживали более 5 тыс. беженцев¹⁵, как сообщалось в местной газете: «На улицах часто слышится польская и латышская речь»¹⁶. В Нижнем Новгороде к началу 1916 г. проживали 1,5 тыс. литовцев-беженцев¹⁷. В Самаре к началу октября 1915 г. было более 7 тыс. беженцев в составе 2,2 тыс. поляков, 2,7 тыс. украинцев, 542 латышей, 941 еврея, 180 литовцев и т.д., а к середине февраля 1916 г. поляков – 9,1 тыс. чел., латышей – 2,7 тыс., литовцев – 2,1 тыс., евреев – 3,3 тыс.,

⁹ Кищенко М.С. Немецкая диаспора в Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 312.

¹⁰ Костромская жизнь. 1914. 22 июля. С. 3.

¹¹ В статистических ежегодниках, издававшихся в Российской империи и в фондах статистических комитетов не представлена численность ряда народов в годы войны, поэтому раскрыть точно этнический состав населения не представляется возможным. Так, не выделены в самостоятельную группу чуваша, которые включены в состав «тюрко-татар», белорусы и украинцы помещены в группу «русские». К «финнам» отнесены эстонцы, мордва и марийцы. Отдельно фигурируют «монголы», с которыми соотнесены калмыки Астраханской губернии.

¹² Статистический ежегодник России 1913 год. СПб., 1914. С. 63–64.

¹³ Андес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. С. 780–781; Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 год. Ведомость № 2; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 г.; Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 61. Оп. 216. Д. 950. Л. 3–6.

¹⁴ Кищенко М.С. Европейские диаспоры в годы Первой мировой войны на территории Ярославской губернии. С. 330.

¹⁵ Матвиевский И.Н. Повседневная жизнь костромичей в годы Первой мировой и Гражданской войн. С. 170, 175.

¹⁶ Костромской телеграф. 1915. 4 июля. № 4. С. 3.

¹⁷ Нижегородская губерния в годы первой мировой войны... С. 334.

немцев – 1,5 тыс., эстонцев – 42 чел.¹⁸ В Симбирской губернии к концу января 1916 г. в городах осели 4,4 тыс. беженцев. Преобладающим этносом среди них являлись русские, но были также евреи и иные народы¹⁹. В Саратовской губернии к осени 1917 г. были размещены поляки (20 тыс. чел.), евреи (6 тыс.), латыши, переселенные немцы (20 тыс.)²⁰. В Астраханской губернии к концу 1916 г. были сосредоточены 43,8 тыс. беженцев и эвакуированных, в том числе евреев, поляков, немцев, латышей, русин²¹. В результате переселения представителей ряда этнических групп в губернию, например, в Черном Яре доля католиков (считаем прежде всего поляков и литовцев) с 0,2 % в 1914 г. возросла до 2,8 % в 1915 г. и 3,4 % в 1916 г., а лютеран (считаем немцев, эстонцев и латышей) увеличилась, соответственно с 0 % до 5,6 % и 8,5 %²².

Объединения этнических общностей в городах Поволжья

До войны локально проживавшие этносы объединялись в составе различных обществ и комитетов в целях совместной деятельности, ориентированной на взаимопомощь и совместное времяпровождение. Так, в Казанской губернии к началу войны функционировали Общество пособия бедным Римско-католического прихода, Общество пособия бедным мусульманам города Казани, Общество пособия бедным евреям города Казани²³.

В годы Первой мировой войны подобная практика продолжилась и обрела новые тенденции: этнические диаспоры сплачивались в составе национальных комитетов для помощи не только местным жителям, но и прибывшим беженцам, эвакуированным и иногда военнопленным – представителям данных этнических групп и единоверцам.

Так, в Ярославле активизировала свою работу в адрес перечисленных групп ярославская протестантская община²⁴, которая помогала теперь немцам и латышам, а католическая община в составе Благотворительного общества при римско-католической церкви заботилась о поляках и литовцах²⁵. Были созданы Латышский комитет по оказанию помощи беженцам-латышам, общество «Родина» по оказанию помощи латышам, Ярославское еврейское общество по оказанию помощи жертвам войны, отделение Литовского общества помощи беженцам, Ярославское отделение Центрального польского комитета помощи жертвам войны, Польский обывательский комитет²⁶, благотворительное общество при лютеранской церкви²⁷. В Рыбинске появились литовский и латышский благотворительные комитеты по оказанию помощи беженцам²⁸. В Казани Латышский комитет по оказанию помощи беженцам

¹⁸ Самарская губерния в годы Первой мировой войны... С. 490, 504–506.

¹⁹ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 88. Оп. 1. Т. 2. Д. 2094. Л. 17–18, 129, 144.

²⁰ Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны... С. 46.

²¹ Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии 1915–1918 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4 (41). С. 290.

²² Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 803. Л. 4; Д. 845. Л. 53, 67, 69, 75.

²³ Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. С. 343–348.

²⁴ Кищенко М.С. Немецкая диаспора в Ярославской губернии... С. 312.

²⁵ Кищенко М.С. Европейские диаспоры... С. 331–332; Обзор Ярославской губернии за 1914 год... С. 39.

²⁶ Гулин А.О. Провинциальное общество в условиях первой мировой войны (на материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). Дис. ... к.и.н. Кострома, 2016. С. 118; Критский П.А. Путеводитель-справочник по Ярославлю на 1916 год. Ярославль, 1916. С. 57; Справочная книжка Ярославской губернии на 1915 год. С. 32–37.

²⁷ Справочная книга Ярославской губернии на 1916 год. С. 54–55.

²⁸ Адрес-календарь // Справочная книга Ярославской губернии на 1916 год. С. 80–82.

был основан 10 августа 1915 г., его работа предполагала в том числе и «удовлетворение духовных нужд»²⁹. В Симбирске было образовано Симбирское отделение Петроградского общества вспомоществования беднейшим семьям участвующему в войне и бедствующему польскому населению³⁰, Латышский комитет по устройству беженцев. В Саратове учредили Саратовский латышский комитет для оказания помощи беженцам. В Самаре были созданы Самарский Латышский комитет по устройству беженцев³¹, Польский комитет о беженцах, сложившийся из членов местной польской общины под руководством ксендза Лапшиса, служившего в католическом костеле Самары, отделение Общества просвещения евреев, в задачи которого входило удовлетворение запросов «в области культурно-просветительных нужд»³². В Нижнем Новгороде функционировали Польский комитет помощи жертвам войны при Нижегородском отделении Римско-католического благотворительного общества, Нижегородский Еврейский комитет помощи беженцам и жертвам войны, комитет Нижегородского отделения Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны, Нижегородский отдел Латышского общества вспоможения беженцам «Родина»³³. Польский, литовский, латышский, еврейский комитеты помощи беженцам работали практически в каждом губернском городе, поскольку на территорию Поволжья прибывали беженцы и переселенцы – представители данных этносов.

Инициатива открытия таких объединений обычно исходила от местных этнических общин. Так, в Самаре представители еврейской общины (купец Ефим Яковлевич Вайнштейн и доктор медицины Александр Сергеевич Шоломович) в связи с прибытием в город беженцев-евреев обратились к губернатору с предложением открыть Еврейский комитет помощи жертвам войны, что и было разрешено уже 31 августа 1915 г.³⁴ В Бугуруслане Самарской губернии, состав населения которого включал татар-мусульман, ахун (глава городской мусульманской общины) Мухамет Рахманкулов в марте 1915 г. инициировал перед губернатором созыв общего собрания мусульман города для решения вопроса об открытии местного отдела Временного Мусульманского Комитета по оказанию помощи воинам и их семьям, центральный штаб которого работал в Петрограде и уже в июне получил положительный ответ³⁵.

Процесс объединения близких этнических общностей в условиях войны демонстрирует история создания Самарского объединенного Латышско-Литовско-Эстонского комитета по оказанию помощи беженцам. В Самаре еще до войны проживали эстонцы и латыши. В годы войны образовались эстонская и латышская общины. В декабре 1914 г. в связи с прибытием в город беженцев-литовцев в Самаре открылся отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны. Центральный комитет данного общества работал в Петрограде, 7 декабря официально самарский отдел был структурирован в его состав. При этом данная структура на местном уровне заявляла себя как Латышско-Литовско-Эстонский комитет, имела свое помещение в доме Нестерова по адресу Николаевская улица, дом 151 и осуществляла помощь представителям всех трех народов. 28 июля 1915 г. под председательством уполномоченного Латышского комитета в г. Риге Яна Яновича Штрауберга состоялось собрание 25 латышей, проживавших в Самаре, и был учре-

²⁹ Государственный архив Республика Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. 406. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 9, 58.

³⁰ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1279. Л. 73–78.

³¹ ЦГАСО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 30, 56.

³² Самарская губерния в годы Первой мировой войны... С. 488, 511.

³³ Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны... С. 294, 317.

³⁴ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 75. Л. 1–2.

³⁵ Там же. Оп. 130. Д. 16. Л. 1.

жден Самарский Латышский комитет под руководством инженера Р. Пивеля. В августе 1915 г. самарские эстонцы и эстонцы-беженцы из Прибалтийского края, проживавшие в городе, провели собрание в целях организации Эстонского комитета помощи беженцам. В его состав вошли представительные лица: преподаватель самарского реального училища Вильгельм Петрович Тидеман, бухгалтер самарской конторы Зингер Иоанн Янович Гнадентейх, купец Владимир Михайлович Нигголь, помощник ревизора самарской контрольной палаты Константин Христофорович Бетхер, посмошник начальника конторы движения Самаро-Златоустовской железной дороги Иосиф Фомич Рейсберг, управляющий самарским аптекарским магазином «М.М. Позерн» Аксель Германович Майбах, заведующий самарской городской электроосветительной сетью инженер-электрик Ганс Яковлевич Ярв (председатель) и другие. Поскольку к данному времени эстонским беженцам помогал на добровольной основе самарский Латышский комитет, это определило решение собравшихся – объединиться с Латышским комитетом, а также и с Литовским, что было осуществлено к 31 августа. Осознание близости этнических групп отражено в формулировке целей комитета – для «совместной работы в пользу беженцев с общей родины – Прибалтийского края». Знаковым стало и место проведения собрания – евангелически-лютеранская церковь, которую посещали латыши и эстонцы³⁶.

Общероссийский контекст и национальная специфика в досуге этнических групп поволжского общества

Досуговые практики национальных общностей, проживавших и оказавшихся в годы войны в городах Поволжья, во многом пересекались с распространенными среди населения в целом, в том числе русского. Так, в декабре 1915 г. в Рыбинске в преддверии Нового года местный отдел латышского общества «Родина» организовал елку для детей-латышей. На празднование собрались порядка 100 чел.³⁷

Входя в состав различных структур, ориентированных на организацию досуга, представители национальных общностей принимали участие в общегородских развлечениях. Например, среди учредителей всесословного общественного собрания в Бугульме Самарской губернии присутствовали поселянин Фридрих Фридрихович Кириш, крестьяне Салих Садриг Рахманкулов и Якуп Иманович Ильясов, потомственный почетный гражданин Сергей Карлович Люрс, мещанин Хусаин Хасынович Латыпов. Устав общества предполагал «проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой», в том числе организовывать балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, спектакли, не азартные игры в карты, домино, шашки, шахматы, бильярд³⁸.

Часть досуговых практик этнических групп отличалась наличием языковой специфики. В Казанской губернии, прежде всего в Казани, еще до войны сложился представительный формат досугового пространства с национальным контекстом. До 1915 г. в помещении «Восточного клуба», располагавшегося на Евангелистской улице, для общения и развлечений приходили представители мусульманской (татарской) интеллигенции³⁹.

В крупных городах Поволжья работали библиотеки и выпускались периодика и книжная продукция, ориентированные на потребности национальных общностей. На территории Казанской губернии в Казани, Тетюшах, Чистополе, Мамадыше значимый процент жителей, как отмечалось выше, приходился на татарское насе-

³⁶ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 59. Л. 1, 2; Д. 87. Л. 1–8; Д. 211. Л. 3; Д. 141. Л. 1, 3; Ф. 429. Оп. 1. Д. 8. Л. 17; Волжский день. 1915. № 166. С. 3.

³⁷ Рыбинский листок. 1915. 23 декабря. С. 3.

³⁸ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 260. Л. 1–12, 16, 21.

³⁹ Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. С. 695.

ление. Возможности в чтении для него обеспечивали издания на татарском языке. Они печатались в Казани. Татары были одним из немногих народов Поволжья, грамотные представители которого могли читать не только как таковую, но и относительно тематически и численно разнообразно представленную периодику и книги на родном языке. Статистика по изданию печатной продукции позволяет заключить, что книг и периодики на иных языках народов Поволжья выходило мало.

На протяжении 1915 г. по Казанскому временному комитету по делам печати, в сферу деятельности которого входила значительная часть территории Поволжья, было выпущено 3020 неповрежденных изданий на нескольких языках народов Поволжья. Они распределялись в том числе по следующим направлениям: сочинения популярного характера – 60 (на татарском языке – 49, на русском – 8, на чувашском – 2, на черемисском – 1); книги для народного чтения – 166 (на татарском языке – 62, на русском – 36, на арабо-тюркском – 35, на киргизском – 22, на чувашском – 6, на черемисском – 1, прочих – 4); сочинения религиозно-нравственного характера – 191 (на русском языке – 89, на татарском – 28, на арабском – 21, на чувашском – 19, на черемисском – 14, на вотякском (удмуртском) – 11, на турецком – 5, на киргизском – 2, на церковно-славянском и русско-татарском – по 1); книги для детского чтения – 2 (на русском языке); календари – 30 (на татарском языке – 16, на русском – 14); беллетристика – 145 (на татарском языке – 89, на русском – 51, на чувашском, болгарском, киргизском и турецком – по 1); научные сочинения – 346 (на русском языке – 338, на татарском – 6, на немецком и турецком – по 1); музыкальные сочинения – 13 (на татарском языке – 11, на русском и чувашском – по 1); прочие – 1899 (на русском языке – 1825, на татарском – 52, на русско-татарском – 13, на киргизском – 5, на арабском – 4)⁴⁰.

К началу и в годы войны на татарском языке в Казани выходили следующие газеты: «Русия саудаси [Торгово-промышленная Россия]», «Баянулхак [Разъяснительные истины]» (редактор – Ш.А. Иманаев), «Кояш [Солнце]» (редактор – З. Садреддинов), «Юлдуз [Звезда]» (редактор-издатель – А.-Г. Н. Максудов) и журналы: «Адин-ва-Адаб [Вера и нравственность]» (редактор-издатель – Г.М. Галлеев), «Анг [Понимание]» (А.Г.С. Хасанов), «Ак-Юл [Светлый путь]» (редактор – Ф.-И. Н. Агеев), «Сеюм-бика» (редактор – Я.И. Халиуллин), «Ялт-Юлт [Сверкание]» (редактор – А.Ш. Урманчеев), «Хукук-ва-Хоят [Право на жизнь]»⁴¹ (редактор – Ш.-А. Х. Иманаев), «Мектеб [Школа]» (редактор – Ш.Ш. Ахмеров)⁴².

Тематика изданий свидетельствует о том, что чтение на национальном языке являлось одной из форм досуга не только с предпочтением жанровой направленности, но и с учетом гендерной специфики (свои читательские ориентиры были у мужчин, у женщин, у детской аудитории)⁴³.

Среди библиотек, ориентированных на этнические общности, можно отметить казанские библиотеки-читальни: Общества распространения просвещения между евреями в России, Мусульманскую библиотеку и читальню (филиал Казанской городской библиотеки), Русско-мусульманскую библиотеку и читальню Восточного клуба, библиотеку без читального зала немецкого женского общества⁴⁴. Таким образом, библиотечная сеть губернского города позволяла осуществлять

⁴⁰ ГА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 274. Л. 2–3.

⁴¹ Название ряда изданий в правописании на русском языке отличается при сравнении информации в «Адрес-календаре» и по архивным документам.

⁴² Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. С. 676–678; ГА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 274. Л. 4–8.

⁴³ Абызова Р.Р. Татарские детские журналы (1907–1918) и судьбы их создателей... С. 62–64; Ак Юл... С. 72.

⁴⁴ Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. С. 680.

культурно-просветительный досуг на родном языке представителям еще трех национальных групп, помимо русского населения.

На национальных языках проводились литературные вечера, осуществлялись постановки спектаклей и концертные программы. Например, в Казани функционировала татарская драматическая труппа «Сайяр»⁴⁵. В Симбирске 9 февраля 1915 г. в помещении театра Д.С. Булычевой прошел благотворительный спектакль, поставленный любителями-татарами в «строго восточном стиле»⁴⁶. В Самаре Латышско-Литовско-Эстонским комитетом в Городском театре 6 сентября 1915 г. была организована лекция, а 8 сентября – концерт при участии латышского хора⁴⁷. В Рыбинске 30 сентября 1916 г. в Городском театре члены местного общества «Ипдрани» представили спектакль на латышском языке⁴⁸. В Ярославле 20 декабря 1916 г. членами Ярославского еврейского общества оказания помощи жертвам войны в Городском театре имени Волкова был поставлен спектакль, после которого состоялось кабаре на русском и еврейском языках, а 26 декабря члены Ярославского отделения польского общества помощи жертвам войны в помещении реального училища показали любительский спектакль на польском языке⁴⁹. В Астрахани 1 февраля 1917 г. в здании армянской семинарии был организован вечер общества любителей армянской литературы и искусства⁵⁰.

Просмотр спектаклей на родном языке или по произведениям национальных авторов был доступен представителям этнических общностей поволжских городов и благодаря гастролям национальных трупп. Так, в начале ноября 1914 г. в Казани в Новом клубе шли постановки гастрوليрующей мусульманской труппы Кудашева-Ишкадарского⁵¹. Еврейские опереточные и драматические труппы выступали в Самаре в феврале 1916 г., в марте 1917 г., в Симбирске – в июле 1917 г. Украинские труппы представляли национальный репертуар в Самаре в январе 1915 г., в Саратове – в марте 1915 г. и в ноябре 1916 г., в Симбирске – в августе 1915 г.⁵²

Исследователи отмечают в досуге военных лет широко распространенную тенденцию – благотворительный контекст в пользу беженцев, раненых, фронтовиков и иных нуждающихся групп общества⁵³. Так, 1 апреля 1915 г. в Симбирске прошел вечер «Польская цукерня», организованный Симбирским отделением Петроградского общества вспомоществования беднейшим семьям, участвующим в войне, и бедствующему польскому населению в поддержку поляков, проживавших в городе⁵⁴.

Благотворительный контекст при организации досуга внес коррективы в развлечения национальных групп. Л.Р. Габдрафикова выявила, что для татарского мусульманского населения стали более доступными веселые театральные постановки и концерты, поскольку под эгидой благотворительной акции они формально не противоречили устоям ислама⁵⁵.

⁴⁵ Габдрафикова Л.Р., Салихов Р.Р. Трудовая повседневность татарских артистов... С. 21.

⁴⁶ Симбирские страницы Первой мировой... С. 49.

⁴⁷ Самарская губерния в годы Первой мировой войны... С. 621–622.

⁴⁸ Рыбинец. 1916. № 2. 28 сентября. С. 3.

⁴⁹ Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 73. Оп. 7. Д. 1331. Л. 9 об., 13–14, 120, 124, 126, 129, 132–136, 138, 144.

⁵⁰ Астраханский вестник. 1917. 1 февраля. С. 3.

⁵¹ Казанский телеграф. 1914. 2 ноября. С. 1.

⁵² Семенова Е.Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны... С. 195–199.

⁵³ Матвиевский И.Н. Повседневная жизнь костромичей... С. 228.

⁵⁴ ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1950. Л. 127.

⁵⁵ Габдрафикова Л.Р. Татарское общество в годы Первой мировой войны: актуальные проблемы изучения // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны: сб. мат. Всерос.

Узконациональный контекст досуга был связан прежде всего с религиозной идентичностью. Так, мусульмане (в городах Поволжья в основном татарское население) отмечали Сабантуй. В Самаре мусульманская община арендовала для этого ипподром, где организовывались скачки с призами, борьба, бега и другие развлечения, приглашала оркестр для музыкального сопровождения, организовывала буфет, распространение билетов, доступных для лиц с разным уровнем достатка (от 15 коп. до 3 руб.)⁵⁶.

В повседневной-досуговой практике на национальном языке осуществлялось пение, служившее разрядкой и возможностью скоротать время. Иногда это приводило к курьезным последствиям. Например, новобранцы из числа немецких колонистов во время переправки из Саратова в Симбирск в августе 1915 г. «распевали на немецком языке песни», за что были после высадки с парохода препровождены на сборный пункт в сопровождении полицейского конвоя⁵⁷.

Важным событием в жизни верующих было посещение культовых мест. Так, в Нижнем Новгороде в еврейском молитвенном доме представители местной еврейской общины, например, в августе 1914 г. собирались для молитв «о здравии Государя Императора», «даровании победы русскому воинству», в марте 1915 г. – «по поводу взятия крепости Перемышль и... даровании дальнейших побед русскому оружию». На молитвы приходило много людей (к сентябрю 1915 г. в городе проживали уже порядка 2,6 тыс евреев-беженцев), и в местной прессе даже сообщалось, что по «случаю переполнения еврейской синагоги, вследствие значительного наплыва евреев, среди которых много больных и раненых воинов», поступило обращение «устраивать параллельные пасхальные богослужения в доме Поляк»⁵⁸.

Среди форм досуга, связанных с национальной идентичностью, отметим деятельность по сохранению памяти о данном народе. В этой связи члены самарского эстонского общества занимались сбором финно-угорских костюмов и памятников старины. Эту практику сотрудники общества осуществляли по поручению Эстонского национального музея города Юрьевца и даже стали сотрудничать в данном вопросе с Самарским археологическим обществом⁵⁹.

Для некоторых этносов привычные формы досуга в условиях войны были ограничены или ликвидированы. З.И. Бичанина пришла к заключению о том, что в Первую мировую войну культурно-досуговая деятельность немецкой диаспоры в Саратове была свернута из-за пропаганды и гонений на немецкое общество в столицах⁶⁰.

В период революционного процесса, развернувшегося в годы войны, в досуг населения, в том числе этнических групп, включается политизированный контекст. Так, в июне 1917 г. в Нижнем Новгороде культурно-просветительская комиссия при комитете «Бунда» организовала вечер, на котором присутствовала «почти вся еврейская демократия», в отличии от местной буржуазии, а в программе фигурировали доклад «Наши культурные задачи», чтение реферата «Ш. Алейхем, как народный писатель», произведений Ш. Алейхема, музыкальные номера, среди которых были и революционные «Марсельеза» и «Швэ»⁶¹.

науч. конф. с международным участием, приуроченной к 100-летию начала войны (г. Казань, 10-11 октября 2014 г.) / под общ. ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань, 2014. С. 71.

⁵⁶ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 72. Л. 1 б – 2.

⁵⁷ Самарская губерния в годы Первой мировой войны... С. 191.

⁵⁸ Евреи в общественно-политической жизни... С. 39, 41, 43.

⁵⁹ ЦГАСО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 8. Л. 3, 17.

⁶⁰ Бичанина З.И. Немецкий компонент в культурной жизни Саратова (1870-е – 1930-е гг.): автореф. дис. ... к.и.н. Саратов, 2010. С. 23.

⁶¹ Евреи в общественно-политической жизни... С. 86.

К сожалению, не представляется возможным раскрыть досуг ряда народов, проживавших в Поволжье, в том числе калмыков, которые размещались на территории Калмыцкой степи в Астраханской губернии в составе более 143,7 тыс. чел. к началу 1914 г., а также чувашей, мордвы, которые отдельно в статистике населения вовсе не фигурировали. Представительность данных народов в составе городского населения, очевидно, не позволяла создавать им самостоятельные сообщества и реализовывать меры по сохранению национальных традиций. Данные этносы компактно проживали в населенных пунктах сельской местности. История их повседневности представляет интерес в рамках отдельного исследования.

Выводы

К началу Первой мировой войны во многих городах Поволжья большую часть населения составляли русские. В некоторых городах значимая доля в составе местного общества приходилась на иные этнические группы – татар (Астрахань, Казань, Мамадыш, Тетюши, Чистополь, Цивильск), поляков (Лукоянов, Цивильск), немцев (Камышин). Отличалось этническое пространство сельской местности, окружавшей города. В Ярославской и Костромской губерниях оно являлось моноэтническим, и присутствие других, кроме русского, народов было редким явлением. В Самарской и Саратовской губерниях проживало достаточно много немцев. Наиболее представительным по численности народом, кроме русских, в губерниях Среднего и Нижнего Поволжья и в Казанской губернии являлись татары, а в Астраханской губернии еще и калмыки. Народы финно-угорской группы в статистике населения как самостоятельные не выделялись, что осложняет их статистическую идентификацию.

В годы войны состав населения города пополнили беженцы разных национальностей – поляки, евреи, немцы, эстонцы, латыши, литовцы и другие, «экзотические» для ряда населенных пунктов или привычные в городской среде части Поволжья, но значительно расширившие свое присутствие в период беженства, эвакуации и переселения.

Перечисленные факторы повлияли, соответственно, на формирование в довоенный период или складывание в условиях войны национальных общин в составе городского населения. Наличие национальных корней в пределах городских центров позволяло объединяться, выступать с инициативами образования национальных комитетов, благотворительных национальных обществ, деятельность которых охватывала и досуговую сферу жизни этнических групп. Инициатива создания таких объединений, исходящая от местных обывателей-старожилов, свидетельствовала о консолидации на основе национальной идентичности местного общества и прибывавшего населения.

Как и для русских, для иных этнических групп, проживавших в городе, были доступны различные формы досуга – общеимперские праздники, весь спектр развлекательных услуг. Однако для одного из народов Поволжья, немцев, реализация досуга в условиях войны была сопряжена с вероятной огульной критикой со стороны местного общества.

Досуг с национальным колоритом предполагал посещение культовых учреждений, в зависимости от приверженности к определенной религии, что было возможно в губернских и уездных центрах для иудеев, лютеран, католиков, мусульман. Культурно-досуговые практики с национальным форматом включали чтение на родном языке книг и периодики для некоторых народов Поволжья, прежде всего для татарского общества, отчасти для немецкого и достаточно ограниченно для других тюркских и финно-угорских народов Поволжья. Также обыватели, организованные в общины, развлекали себя литературными вечерами, спектаклями,

концертами, беседами, позволявшими ощущать национальное родство. Статистика данных мероприятий, фигурирующая в публикациях прессы и делопроизводственных материалах административных структур и национальных обществ, довольно малочисленна в сравнении с аналогичными программами на русском языке, государственном. По нашему мнению, это отражает проблему малой консолидации национальных групп в вопросах культурно-развлекательного плана, а также отсутствие специальных государственных и региональных программ по развитию национальной культуры. Данная тенденция была связана с неодинаковой численностью народов в составе городского общества Поволжья, исторически сложившегося к началу войны. Более многочисленная этническая группа, татары, проявляла себя активнее. Малочисленные этносы, присутствие которых в городе было подкреплено беженцами (латыши, поляки, литовцы, евреи, эстонцы) осуществляли культурно-просветительский досуг преимущественно под эгидой благотворительных мероприятий.

Первая мировая война повлияла на формирование в городах Поволжья национальных обществ. Поскольку переселенцам требовалась поддержка на новом месте проживания, культурно-досуговые практики часто организовывались в благотворительных целях, одновременно выполняя несколько функций – развлекательную, просветительскую, сбора материальной помощи для пострадавших от войны переселенцев.

Поступила в редакцию / Submitted: 27.02.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.04.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.08.2024

References

- Abyzova, R.R. “Tatar children's magazines (1907–1918) and the fate of their creators.” *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva* 1, no. 4 (2020): 59–67 (in Russian).
- Bichanina, Z.I. “German component in the cultural life of Saratov (1870s – 1930s).” PhD thesis, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, 2010 (in Russian).
- Gabdräfikova, L.R. “Tatarskoe obshchestvo v gody Pervoi mirovoi voyny: aktual'nye problemy izucheniia [Tatar Society during the First World War: actual problems of study].” In *Tatarskii narod i narody Povolzh'ia v gody Pervoi mirovoi voyny: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, priurochennoi k 100-letiiu nachala voyny (g. Kazan', 10-11 oktiabria 2014 g.)*, 67–76. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2014 (in Russian).
- Gabdräfikova, L.R., and R.R. Salihov “The Everyday Working Life of Tatar Actors on the Early 20th Century.” *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 4 (2020): 18–23 (in Russian).
- Gulin, A.O. “Provincial society in the conditions of the First World War (based on materials from the Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces).” PhD thesis, Kostroma State University, 2016 (in Russian).
- Kischenkov, M.S. “European diasporas during the First World War on the territory of the Yaroslavl province.” *Yaroslavl Pedagogical Bulletin* 1, no. 1 (2011): 329–333 (in Russian).
- Kischenkov, M.S. “European diasporas in the Yaroslavl province (late XIX century – 1917).” PhD thesis. Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (in Russian).
- Kishchenkov, M.S. “The German diaspora in the Yaroslavl province in the late XIX – early XX centuries.” *Yaroslavl Pedagogical Bulletin* 1, no. 2 (2011): 310–312 (in Russian).
- Maksimov, E.K., and V.P. Totfalushin “Saratovskoe Povolzh'e v gody Pervoi mirovoj voyny: Ucheb. posob. k kursu 'Istoriia Saratovskogo Povolzh'ia' [Saratov Volga region during the First World War: Study. Method. to the course 'History of the Saratov Volga Region'].” Saratov: Scientific Book Publ., 2007 (in Russian).

- Matvievsky, I.N. "Povsednevnaia zhizn' kostromichei v gody Pervoi mirovoi i Grazhdanskoi voyn [Everyday life of Kostroma residents during the First World War and the Civil War]." In issue 8 of *Muzeinyi khronograf. Sbornik statei i istoricheskikh dokumentov.*, 143–301. Kostroma: Kostroma Museum-Reserve, 2020 (in Russian).
- Semenova, E. Yu. "Reading Opportunities in a Provincial Russian City during the First World War (Materials from the Volga Region)." *Nauchnyi dialog*, no. 1 (2021): 392–410 (in Russian), <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-392-410>
- Semenova, E. Yu. "The space of publicly accessible cultural and educational places of leisure of the provincial provincial city during the First World War: opportunities and problems of infrastructure (based on Samara materials)." *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical sciences* 3, no. 4 (2021): 34–43 (in Russian).
- Semenova, E. Yu. *Kul'tura Povolzh'ia v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – nachalo 1918 g.). Po materialam Samarskoi, Simbirskoi, Penzenskoi i Saratovskoi gubernii* [Culture of the Volga region during the First World War (1914 – early 1918). According to the materials of the Samara, Simbirsk, Penza and Saratov provinces]. Samara: Samara State Technical University Publ, 2007 (in Russian).
- Soldatov, Y. V. "Kul'turno-prosvetitel'skaia deiatel'nost' zemskikh organov samoupravleniia v period Pervoi mirovoi voiny na primere Kazanskoi gubernii [Cultural and educational activities of zemstvo self-government bodies during the First World War on the example of the Kazan province]." *Nauchnyi dialog*, no. 11 (2013): 44–51 (in Russian).
- Timofeeva, E. G., and S. V. "Bezhtensy Velikoi voiny v Astrakhanskoi gubernii 1915–1918 gg. [Lebedev Refugees of the Great War in the Astrakhan province 1915–1918]." *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 4 (2014): 288–295 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Екатерина Юрьевна Семенова, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет; Россия, 443100, Самара, ул. Молодогвардейская, 244, Главный корпус; старший научный сотрудник Самарского федерального исследовательского центра РАН; Россия, 443001, Самара, Студенческий переулок, 3 а; dashka129k@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6509-0746>; SPIN: 1935-8243

Ekaterina Yurieva Semenova, Dr. Habil. Hist., Professor, Department of Philosophy and Social and Humanities, Samara State Technical University; maim bilding, 244, Molodogvardeiskaya Str., Samara, 443100, Russia; Senior Researcher Fellow of History and Archeology Department, Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Science; 3 a, Studencheskii pereulok Str., Samara, 443001, Russia; dashka129k@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6509-0746>; SPIN: 1935-8243

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-403-14>
EDN: OVZBJL

Научная статья / Research article

Феномен церковно-религиозной и светской благотворительности на Урале в 1914–1918 гг.: этноконфессиональный аспект

Елена Юрьевна Казакова-Апкаримова ^a, Ольга Сергеевна Поршнева ^b

^a Уральское отделение РАН, Екатеринбург, Россия

^b Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

o.s.porshneva@urfu.ru

Аннотация: Рассматривается церковно-религиозная и светская благотворительность в этноконфессиональной среде Урала в условиях Первой мировой войны. Показано, что значимым проявлением взаимодействия власти и общества в этот период была высокая активность и сотрудничество представителей разных этноконфессиональных групп в деле помощи фронту, нуждающимся, жертвам войны. Институциональные формы и социальные практики, характеризующие церковно-религиозную и светскую благотворительность на Урале, рассмотрены с позиции акторного подхода, выявляющего роль ее коллективных и индивидуальных участников. Показан вклад этноконфессиональных общественных организаций Урала в развитие благотворительности, охарактеризованы ее основные направления. Определена роль православных церковных структур и паствы, мусульманских общин, других этноконфессиональных сообществ, женских объединений, отдельных личностей в благотворительной деятельности военного времени. Выявлена специфика церковно-религиозной благотворительности в этноконфессиональной среде, которая включала материальную помощь и моральную поддержку нуждающимся, меры, направленные на решение социальных вопросов и поддержание стабильности в обществе. Показано, что в условиях войны происходило расширение функций существовавших ранее благотворительных организаций, появлялись новые этноконфессиональные структуры благотворительной направленности, отвечавшие на вызовы чрезвычайного времени. Авторы приходят к выводу, что этноконфессиональные благотворительные организации взаимодействовали с органами местного самоуправления, с общественными и государственными институтами, что усиливало эффективность их деятельности в регионе в военный период.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Урал, благотворительность, Русская православная церковь, мусульмане, этноконфессиональная среда

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Для цитирования: Казакова-Апкаримова Е.Ю., Поршнева О.С. Феномен церковно-религиозной и светской благотворительности на Урале в 1914–1918 гг.: этноконфессиональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 403–414. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-403-14>

Phenomenon of Church-Religious and Secular Charity in the Urals in 1914–1918: The Ethno-Confessional Aspect

Elena Yu. Kazakova-Apkarimova ^a , Olga S. Porshneva ^b

^a Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

^b Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

 o.s.porshneva@urfu.ru

Abstract: Within their article, the authors consider the influence of church-religious and secular charity in the ethno-confessional environment of the Urals under the ongoing conditions of the First World War. Through their research, they have shown that there was clear interaction between the government and society in this regard, and that cooperation by representatives of ethno-confessional groups of the Urals were instrumental in helping the front, the needy, and the victims of the war. The institutional forms and social practices characterizing church-religious and secular charity in the Urals are considered from the perspective of the actor themselves, revealing the role of both collective and individual participants. The contribution of ethno-confessional public organizations of the Urals to the development of charity is also clearly shown; its main directions are characterized. The role of the Orthodox Church structures and congregations, Muslim and other ethno-confessional communities, women's associations, and individuals in wartime charitable activities is further considered as well. While the specificity of church-religious charity in the ethno-confessional environment is revealed, this charity included: material assistance, moral support to those in need, as well as measures aimed at solving social issues and maintaining stability in society. The authors, through their research, they have shown that through conditions of war, that the functions of previously existing charitable organizations expanded and that new ethno-confessional structures of charitable character appeared which responded to the challenges of the emergency period. The authors conclude that the ethno-confessional charitable organizations regularly interacted with local governments, public and state institutions, interactions which increased the effectiveness of their activities in the region during the period of the war.

Keywords: World War I, Russia, the Urals, charity, Russian Orthodox Church, Muslims, ethno-confessional environment

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

For citation: Kazakova-Apkarimova, E.Yu., Porshneva O.S. “Phenomenon of Church-Religious and Secular Charity in the Urals in 1914–1918: the Ethno-Confessional Aspect.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 403–414. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-403-414>

Введение

Актуальность. В годы Первой мировой войны в России наиболее заметно проявилась значимость сотрудничества власти и общества в решении задач военного времени. Одним из его аспектов в условиях многонациональной и многоконфессиональной страны стало участие народов разных национальностей в военных усилиях государства.

Степень изученности проблемы. Многогранные проявления военного опыта народов страны периода Первой мировой войны стали в современной историографии актуальной темой исследований. В разных ракурсах она разрабатывается в трудах, посвященных истории национальных и этноконфессиональных сообществ, регионов России, государственной национальной политики, боевых действий Восточного фронта, повседневности и антропологии войны, благотворительности¹. Несмотря на

¹ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; Арсанукаева М.С. Национальные формирования народов Кавказа в Первой мировой войне (1914–1918 годы) // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 5–11; Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной к 100-летию начала войны (г. Казань, 10–11 октября 2014 г.). Казань, 2014; Габдрафикова Л.Р. Первая мировая война глазами татарских

значительное количество работ, посвященных проблемам взаимодействия власти и российского общества в условиях Первой мировой войны, вклад народов разных этносов и конфессий в решение задач военного времени до сих пор изучен недостаточно. Проблема его реконструкции может быть решена на основе проведения и обобщения результатов специальных тематических и региональных исследований.

Участие в благотворительной деятельности стало главным проявлением вовлечения гражданского населения в военные усилия страны. Исследование российской благотворительности периода Первой мировой войны, рассматриваемое в этноконфессиональном аспекте, позволяет более глубоко осмыслить исторический опыт сотрудничества народов России в условиях военных испытаний.

В экстремальных условиях военного времени резко возросли спектр социальных категорий нуждающихся и их численность, возникли новые благотворительные организации как универсального характера, так и специализированные². Исследования благотворительности, выполненные на общероссийском и региональном материалах, содержат данные об участии в ней представителей разных народов и конфессий страны³. Что касается Урала, приходится констатировать, что обобщающих работ, показывающих картину благотворительности в обширном многонациональном регионе, включавшем четыре губернии (Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую, Вятскую), пока не создано. Проблема благотворительности нерусских народов Урала также нуждается в дальнейшем изучении, освещается в литературе, несмотря на наличие отдельных работ, посвященных мусульманской благотворительности⁴, в основном фрагментарно. Важными сюжетами историографии темы являются мотивы и многообразие личностных стратегий реализации благотворительной деятельности (от патриотизма до жажды наживы), при преобладающем влиянии ее религиозных и альтруистических духовных основ, что также обуславливает актуальность обращения к этноконфессиональному аспекту темы⁵.

Предпосылкой, позволяющей изучать региональные особенности благотворительности на Урале, является реконструкция этноконфессиональной структуры его населения, проведенная в ряде исследований⁶.

солдат // Историческая этнология. 2016. Т. 1. № 2. С. 328–348; Суржикова Н.В. Российское общество vs российское беженство – 1914–1922 гг. // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 88–98.

² Грицаева А.Н. Испытания отечественной благотворительности в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Преподаватель XXI в. 2008. № 2. С. 119–120.

³ Семенова Е.Ю. Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.). Самара, 2000; Зимина Н.П. Епископ Уфимский и деятельность Восточно-русского культурно-просветительского общества в г. Уфе (1916–1919 гг.) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: Сб. науч. тр. М., 2005. С. 211–227; Казакова-Анкаримова Е.Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2008; Судовиков М.С. Благотворительные инициативы купечества Вятской губернии в период войн XIX – начала XX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 12. С. 62–65; Овсейко В.П. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в Оренбургской епархии в годы Первой мировой войны // Вестник ОГУ. 2012. № 5. С. 102–108; Кайдышева Н.Н. Благотворительная деятельность в Пермской губернии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральский федеральный университет, 2016; Леонтьева Т.Г. Церковная благотворительность в годы Первой мировой войны // Российская история. 2023. № 4. С. 153–164. <https://doi.org/10.31857/S2949124X23040119>

⁴ Денисов Д.Н. Основные направления и формы деятельности мусульманских благотворительных организаций в Оренбургской губернии (1898–1918 гг.) // Форумы российских мусульман. Н. Новгород, 2008. № 3. С. 66–69; Ямаева Л.А. Мусульманские благотворительные общества начала XX века // Ватандаш. 2013. № 7. С. 182–190.

⁵ Грицаева А.Н. Испытания отечественной благотворительности... С. 120–122.

⁶ Главацкая Е.М. Эволюция религиозного ландшафта Урала в конце XIX–XX в.: историко-культурный атлас // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 305–309; Сафронов А.А. Особенности национального состава населения Урала

Цель исследования – показать особенности поведенческих стратегий основных акторов региональной благотворительности, специфику ее реализации в смешанной этноконфессиональной среде Урала, характер благотворительной деятельности местных православных и других этноконфессиональных региональных сообществ.

Методы исследования. Не претендуя на комплексную разработку проблемы благотворительности народов Урала в условиях Первой мировой войны, в рамках статьи предлагается использование акторного подхода к ее рассмотрению. В трудные переломные эпохи, в чрезвычайных военных условиях человек рельефнее становится актором и демиургом истории. Акторный подход предусматривает рассмотрение как индивидуальных, так и коллективных участников исторического процесса в контексте трансформации организационно-институциональных структур, исследование поведения отдельных социальных групп⁷.

Благотворительность Русской православной церкви

Среди акторов благотворительности периода Первой мировой войны следует выделить Русскую православную церковь, определявшую духовные основания и организационные формы данного вида деятельности. В соответствии с распоряжением Св. Синода епархиальным преосвященным поручалось образовать во всех приходах особые попечительные советы из выборных прихожан с участием духовенства и церковных старост для оказания помощи семьям призванных в армию. Монастырям, общинам, всем духовным учреждениям предлагалось отвести и приготовить под лазареты для раненых и больных воинов все свободные помещения, заготавливать «предметы лазаретного инвентаря». Духовенство уральских епархий (Вятской, Пермской, Екатеринбургской, Оренбургской, Уфимской) с энтузиазмом восприняло патриотические инициативы Св. Синода⁸. Для объединения, координации деятельности церковно-приходских попечительств и материальной помощи беднейшим из них создавались епархиальные попечительные советы⁹.

Приходские попечительные советы стали важнейшими организационными ячейками благотворительности православного духовенства и прихожан, объединяя и аккумулируя инициативу местного городского и сельского населения. К концу 1915 г. попечительные советы были созданы во всех 438 приходах Пермской епархии и 445 приходах Екатеринбургской епархии (всего здесь действовал 471 приход). Попечительные советы занимались не только выдачей дополнительных к казенным пособиям семьям призванных, но и помощью в уборке урожая, сбором и изготовлением белья и теплой одежды для воинов действующей армии, помогали беженцам, сиротам¹⁰.

Епархиальное руководство, православное духовенство играли значимую роль в работе светских благотворительных организаций. Так, в деятельности Екатеринбургского отдела Всероссийского общества попечения о беженцах, решении его «текущих дел» важную роль играл епископ Екатеринбургский Серафим. Отделом была открыта церковно-приходская школа для детей беженцев, осуществлялась заготовка

в конце XIX в.: по материалам первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Научный Вестник Крыма. 2019. № 3 (21). С. 1–10.

⁷ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / отв. ред. И.В. Побережникова. Екатеринбург, 2016.

⁸ *Нечаев М.Г.* Церковь на Урале в годы Первой мировой войны // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. Вып. 2 (32). С. 175–176.

⁹ Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. № 26. С. 732; Пермские епархиальные ведомости. 1914. № 25. С. 468.

¹⁰ *Кайдышева Н.Н.* Благотворительная деятельность... С. 17.

беля. С приближением зимы остро встала проблема теплой обуви для беженцев, ее решением занимался лично сам епископ¹¹.

Екатеринбургское общественное собрание, не оставшееся в стороне от дел благотворительности, пожертвовало свое помещение для нового лазарета. Его освящение епископом Серафимом состоялось 8 сентября 1916 г. В конце молебна епископ произнес речь, подчеркивавшую изменения повседневной жизни тыла в условиях военного времени:

Где был клуб, где были старшины и гости, там теперь представители от Всероссийского союза городов, там врачи и врачующие. Где были лакеи и прислуга к услугам посетителей, там теперь сестры милосердия к услугам раненых и больных воинов. <...> Пусть не жалеют помещения учредители. За это святое дело простится и завсегдашним развлечениям множество грехов¹².

Органы земского и городского общественного самоуправления, получая из государственного казначейства средства на помощь беженцам, организуя сбор добровольных пожертвований, активно привлекали к этой работе «лиц полезных для дела», включая их в состав местных комитетов. В подавляющем большинстве случаев в представители волостных комитетов избирались сельские священники и некоторые диаконы. По свидетельству членов Камышловской земской управы,

только благодаря самоотверженному и бескорыстному труду сельского духовенства удалось более или менее сносно расселить беженцев и устроить им продовольствие¹³.

От инициативности и предприимчивости священников зависела эффективность благотворительной работы того или иного прихода. Многое при этом значил личный пример, о чем свидетельствует, в частности, письмо в редакцию газеты «Екатеринбургские епархиальные ведомости», подписанное прихожанами Дерябинской церкви Н.Г. Вурлевым и Е.Е. Дерябиным. В письме говорилось:

Читая епархиальные ведомости за 1915 год, мы, между прочим, вычитали, что отмечается [епископом] деятельность священников, работающих для нужд войны. Нам, как прихожанам Дерябинской церкви, известно, что наш священник Василий Старцев, с самого начала военных действий и по сию пору работает для нужд войны... Считаем нужным упомянуть, что Старцев уже от склада сего императорского величества государыни императрицы Александры Феодоровны имеет четыре «благодарности» за посылку пожертвованных им вещей и денег на нужды войны¹⁴.

Заканчивалось письмо так: «если найдете возможным, то просим отметить деятельность Старцева»¹⁵.

Священники не только возглавляли и направляли работу приходских попечительных советов, но и заботились о поддержке в народе патриотических чувств, разъясняли христианские взгляды на войну. На страницах уральской епархиальной периодики в разделе «Хроника» можно встретить немало свидетельств подобной активности. Так, 24 июля 1916 г. Нижне-Тагильским Выходо-Иерусалимским приходским попечительным советом

в молитвенную помощь христоролюбивым воинам была торжественно отправлена на передовые позиции австро-германского фронта Св. Икона Божией Матери «Неопалимая Купина», сооруженная на пожертвования благочестивых жителей Н.-Тагила¹⁶.

¹¹ Попечение о беженцах // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. № 39. 25 сентября. С. 324–325.

¹² Освящение лазарета // Там же. С. 326–327.

¹³ Камышловское земство о работе духовенства по призрению беженцев // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 8 мая. № 19. С. 145.

¹⁴ Вурлев Н.Г., Дерябин Е.Е. Письмо в редакцию // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 10 июля. С. 232.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Н.-Тагиль, 24 июля с. г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 20 ноября. С. 417.

В этот день был устроен крестный ход:

В час дня из соборного храма, по совершении краткого молебна с поучением о. настоятеля о христианском взгляде на войну и о силе молитвы в борьбе с врагами, двинулся крестный ход для сопровождения св. иконы на станцию железной дороги «Тагил». <...> Во время прощального лобзания Св. Иконы Божией Матери народу раздавались патриотические листки¹⁷.

По свидетельству очевидцев, было изготовлено несколько сотен таких патриотических листов, однако их не хватило всем собравшимся¹⁸.

Приходские попечительные советы заботились о семьях призванных на войну ратников. Так, за два года войны Верхне-Тагильским попечительным советом было

изыскано на месте и выдано семьям призванных на войну запасных и ратников ополчения денежных пособий наличными 5 086 руб. 25 коп.¹⁹

В 1915 г. Верхне-Тагильский попечительный совет стал содержать приют-ясли, на что ушло 514 руб., а в следующем году «дело дневного призрения детей пришлось поставить несколько шире» (ежедневно в приюте насчитывалось от 45 до 100 детей), что потребовало увеличения средств на его содержание (до тысячи рублей)²⁰. Благотворительная деятельность Верхне-Тагильского попечительства не ограничивалась пределами прихода. Совет посылал свои, преимущественно вещевые, пожертвования на нужды воинов, получая за свою деятельность благодарность от различных организаций: Комитетов складов ея Величества, совета Славянского благотворительного общества, полевого подвижного госпиталя²¹.

Всплеск благотворительности на Урале (как и в России в целом) приходился на канун православных праздников. Так, в Екатеринбурге попечительный совет при Александро-Невской (Лузинской) церкви с самого начала войны посылал рождественские и пасхальные подарки воинам «то на тот, то на другой фронт». Современник отмечал:

надо отдать справедливость: население Мельковки – этой окраины города, – несмотря на свою материальную необеспеченность и все возрастающую дороговизну жизни, весьма охотно жертвует на это святое дело²².

В 1916 г. попечительным советом Александро-Невской (Лузинской) церкви ко дню Пасхи были отправлены с уполномоченным екатеринбургского Дамского кружка Ардашевым

пасхальные подарки нашим доблестным воинам на южном фронте, в количестве 202 посылок с съестными и другими припасами²³.

Таким образом, социальная ситуация, обусловленная тяготами военного времени, стала фактором расширения масштабов благотворительности РПЦ, активизации деятельности в этом направлении существовавших православных обществ и появления новых. Благотворительную работу проводили церковно-приходские по-

¹⁷ Н.-Тагиль, 24 июля с. г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 20 ноября. С. 417.

¹⁸ Там же. С. 418.

¹⁹ Деятельность Верхне-Тагильского попечительного совета // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 21 августа. С. 283.

²⁰ Там же.

²¹ Деятельность Верхне-Тагильского попечительного совета // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 21 августа. С. 283–284.

²² Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 29 мая. С. 201–202.

²³ Л.З. Из деятельности попечительных советов // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 29 мая. С. 178–180.

печительства, монастыри, православные братства и другие православные организации.

Церкви и монастыри, выполняя распоряжения Синода, во многом являлись проводниками аккумулированной воли Церкви и государства. Вместе с тем представители духовенства действовали и по собственному побуждению, движимые чувством патриотизма, сострадания и гражданской ответственности. Их инициатива, активная гражданская позиция являлись примером для представителей других слоев российского общества. Важным в деятельности православных структур было и то, что они компенсировали недостаток отделений других общественных организаций в сельской местности и вовлекали в благотворительность не только средние, но и более широкие слои городского и сельского населения.

Благотворительные общественные организации в смешанной этноконфессиональной среде

В соответствии со Всеобщей переписью населения 1897 г. из общей численности населения четырех губерний Урала в 9 821 920 чел. русские составляли более 71 % всех жителей (свыше 7 млн чел.). На втором месте по численности находились башкиры (более 1,25 млн чел., или почти 13 %). Группы татар и удмуртов имели почти равное число жителей – свыше 400 тыс. (более 4 % от общей массы населения Урала). Три национальные группы – башкиры, татары и удмурты составляли 21,5 % жителей региона. Во всех четырех уральских губерниях самыми многочисленными народами были русские, башкиры и татары, малые народы зачастую были расселены на территории только одной или двух губерний²⁴.

Объектом помощи этноконфессиональных благотворительных организаций традиционно являлись беднейшие слои населения, однако в годы войны к ним добавились новые социальные категории: фронтовики, члены их семей, беженцы, военнопленные, дети-сироты. В годы войны продолжали действовать уже существовавшие и появились новые этноконфессиональные благотворительные общества. Это было связано с расширением круга нуждавшихся, массовым притоком в уральские губернии беженцев. Забота о беженцах-евреях, представителях народов католического, мусульманского вероисповедания стала важнейшим направлением деятельности этноконфессиональных благотворительных организаций. В 1915 г. был создан Оренбургский комитет по оказанию помощи мусульманским беженцам из Польши и Литвы²⁵. В Кунгуре местное еврейское общество оказывало помощь беженцам-евреям. В 1915 г. в город прибыло 206 евреев (44 семьи и 5 одиноких) из Виленской, Ковенской и Курляндской губерний. Часть из них проживала в дешевых квартирах, часть – в общежитиях за городом. Беженцам оказывалась помощь в трудоустройстве и обеспечении продовольствием, снабжении их «платьем и обувью». Еврейское общество Кунгура активно взаимодействовало в решении этих вопросов с еврейским комитетом Перми. Для детей беженцев была устроена школа, в которой училось 30 мальчиков, девочки были частично устроены в начальные городские училища. В содержании школы участвовала благотворительная еврейская организация Кунгура²⁶.

С началом войны активизировалась благотворительность римско-католических приходов, направленная на материальную и духовную помощь нуждавшимся католикам. Общество выдавало пособия бедным прихожанам Екатеринбургского римско-католического костела после начала военных действий более активно по

²⁴ Сафронов А.А. Особенности национального состава... С. 4, 8–10.

²⁵ Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 242.

²⁶ Кунгур. Беженцы – евреи // Пермская жизнь. 1915. 31 декабря. С. 3.

сравнению с периодом 1911–1913 гг., занималось сбором пожертвований. При этом Общество взаимодействовало с благотворительными католическими организациями уездного, губернского уровней, Петроградским комитетом, оказывало посильную помощь населению Польши²⁷.

В годы войны на Урале действовало около двух десятков мусульманских благотворительных организаций, в той или иной степени вносивших свой вклад в решение социальных вопросов чрезвычайного времени. Для координации мусульманской общественной благотворительности создавались специальные мусульманские бюро: сначала появилось Оренбургское мусульманское бюро, затем – Орское, Троицкое. Созданные в довоенное время мусульманские общества скорректировали свою деятельность в соответствии с задачами военного времени. Так, Оренбургское мусульманское общество уступило собственное здание под лазарет на 30 коек, открывшийся в сентябре 1914 г. На его содержание ежегодно требовалось не менее 8 тыс. руб. Мусульманское общество Сеитовского посада в феврале 1915 г. открыло лазарет на 10 коек, но из-за сложностей с перевозкой больных и раненых воинов разместило лазарет в Оренбурге, арендуя для этого помещение²⁸.

Мусульманские общества совершали финансовые жертвования на нужды войны. Так, Екатеринбургское мусульманское благотворительное общество в 1914 г. выдало 300 руб. местному попечительному комитету по призрению семей запасных и ратников ополчения²⁹. Общество поддерживало учащихся мусульман, отцы которых были призваны на фронт. В июле 1915 г. на базе Екатеринбургского мусульманского благотворительного общества был сформирован отдел Петроградского Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям под председательством ахуна Г.Ш. Рахманкулова³⁰. Важную роль в деле мусульманской благотворительности также, как и представителей других конфессий, играл личностный фактор³¹.

Следует отметить, что представители мусульманской общественности Урала активно участвовали в общероссийских съездах, занимавшихся вопросами благотворительности в военное время. Так, в декабре 1914 г. депутат IV Государственной Думы от Уфимской губернии И. Ахтямов стал председателем президиума съезда представителей мусульманских благотворительных обществ, проходившего в Петрограде. Уральцы совершали жертвования на нужды созданного по итогам съезда Временного комитета мусульманских общественных организаций по оказанию помощи раненым воинам³².

Этноконфессиональные общества, светские благотворительные организации сотрудничали с органами местного самоуправления, Земским и Городским союзами, которые на Урале не только институционально и финансово поддерживали региональную благотворительность, но и выступали с рядом инициатив в этой сфере. Так, Уфимская городская дума выступила синхронно со столичными думами за созыв общегородского съезда по вопросу об организации помощи пострадавшим

²⁷ Гавриленко К.М. Доклад о реорганизации дела призрения бедных в г. Екатеринбурге. С. 49.

²⁸ Там же. С. 254–255.

²⁹ Там же. С. 47.

³⁰ Ислам на Урале. Энциклопедический словарь / сост. и отв. редактор Д.З. Хайретдинов. М., 2009. С. 111.

³¹ Старостин А. Ахун Гирфан Рахманкулов – жизнь во имя ислама // Региональное духовное управление мусульман Свердловской области [сайт]. URL: <https://rdums.ru/stati/10041905/> (дата обращения 16.12.2023).

³² Ямаева Л. Мусульманские благотворительные общества начала XX века // Ватандаш. 2013. № 7. С. 188.

на войне воинам³³. Состоявшийся 8 августа 1914 г. в Москве съезд городских голов пришел к идее создания Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам. Тогда же было решено проводить выборы городскими думами местных комитетов Всероссийского союза городов³⁴. Земский и Городской союзы, занимаясь благотворительностью, не ограничивались ею, обладая гораздо большими полномочиями и возможностями помощи нуждающимся, чем чисто благотворительные общества, ограниченные в своих действиях уставом³⁵. На практике общественные организации разных типов дополняли друг друга, зачастую объединяли усилия в деле благотворительности. Так, при местных комитетах Всероссийского союза городов (ВСГ) создавались вспомогательные структуры для оказания помощи жертвам войны, в работе которых участвовали различные благотворительные организации, население. При Уфимском комитете ВСГ действовали мастерская для заготовки госпитального белья, Попечительство для обслуживания и удовлетворения духовных нужд эвакуированных в Уфу воинов. Современники отмечали энтузиазм председателя этого попечительства Н.Н. Хасабовой, а после ее отъезда – З.А. Бехтеревой. Кроме того, при комитете действовало Отделение по заготовке теплых вещей для армии под руководством Е.Г. Килюшко, которое занималось также изготовлением противогазов, потребность в которых была особенно велика с весны 1915 г.³⁶ Благодаря деятельности Отделения теплые вещи и подарки были отправлены в 190-й Очаковский и 330-й Златоустовский полки в адрес ушедших на войну уфимцев. За период с начала войны по 1 ноября 1915 г. было отправлено 17 ящиков с вещами, 1500 кисетов с табаком и гостинцами и другие предметы. Отделение сумело заготовить 1066 противогазов старого и 1300 противогазов нового образца и направить их в распоряжение Главного комитета.

Современники особо отмечали самоотдачу заведующего отделением Е.Г. Килюшко и ее соратниц. В шитье противогазов помогал также Уфимский женский монастырь³⁷. Наряду с частными пожертвованиями в отделение поступали средства от общественных организаций города. Самым весомым из них было пожертвование Уфимского общественного собрания «в размере 10 000 руб. процентными бумагами»³⁸.

Как видим, активными участниками благотворительности в годы войны были женщины. При различных светских и церковно-религиозных организациях была создана целая сеть женских комитетов и кружков в губернских, уездных центрах, малых городах и крупных селах. Уже в 1914 г. на Урале формируются мусульманские женские комитеты по оказанию помощи раненым воинам.

Важную роль в общественной поддержке дамской благотворительности играли отечественные традиции милосердия, покровительство и руководство благотворительными организациями со стороны женщин – членов императорской фамилии, активное участие супруг губернаторов и жен глав местного самоуправления в создании общественных объединений³⁹.

³³ Отчет Уфимского комитета Всероссийского союза городов с начала войны по 1 ноября 1915 г. Уфа, 1916. С. 3.

³⁴ Баженова К.Е., Поршнева О.С. Эволюция деятельности организаций Всероссийского земского Союза и Всероссийского Союза городов на Среднем Урале в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Саарбрюккен, 2011. С. 74–75.

³⁵ Грицаева А.Н. Испытания отечественной благотворительности в годы Первой мировой войны (1914–1917). С. 119.

³⁶ Отчет Уфимского комитета Всероссийского союза городов... С. 3–5.

³⁷ Там же. С. 48–52.

³⁸ Там же. С. 52.

³⁹ Пермские губернские ведомости. 1915. № 277. С. 4; Пермская земская неделя. 1915. № 8. С. 20.

Средства дамских кружков формировались из денежных пожертвований и взносов их членов, различных сборов, поступали от спектаклей, лотерей, других благотворительных мероприятий. Так, Екатеринбургский дамский кружок с 5 октября 1914 г. по 25 апреля 1916 г. собрал таким образом на нужды благотворительности 26 443 руб. 73 коп.⁴⁰

Многоплановую работу вел Дамский благотворительный комитет, созданный в Вятке 6 сентября 1915 г. под председательством супруги кафедрального протоиерея М.Э. Израилевой. Комитет состоял преимущественно из жен духовенства и учителей духовных учебных заведений, педагогического штата епархиального училища, казначеев женского монастыря, светских дам (всего 184 члена)⁴¹. По данным на 21 мая 1916 г., комитет собрал на нужды благотворительности 7 224 руб. 67 коп.⁴². На эти средства были приобретены материалы и налажена работа по пошиву одежды, закупке продуктов и других необходимых предметов, организована их отправка воинам, военнопленным и беженцам⁴³.

Благотворительность развивалась в рамках светских общественных объединений, созданных по инициативе самих женщин. Ярким примером такого рода являлась деятельность дамского педагогического кружка при управлении Оренбургского учебного округа, который был создан 22 октября 1914 г. по инициативе супруги бывшего попечителя учебного округа М.П. Тихомировой. Объединение ставило перед собой задачи оказания помощи действующей армии, больным и раненым воинам, военнопленным. Кружок наладил работу мастерской, где на безвозмездной основе трудились педагоги, учащиеся, другие добровольцы, изготавливавшие белье и теплую одежду, направлявшуюся в действующую армию⁴⁴.

Выводы

Говоря об истории российской благотворительности в годы войны и проявлениях ее региональной специфики, следует подчеркнуть историческое значение многочисленных этноконфессиональных общественных организаций на Урале. При этом сама благотворительность их членами понималась весьма широко, предполагая не только материальную, но и многоплановую духовную помощь нуждающимся. Это позволяет интерпретировать благотворительность как сложный социокультурный феномен, предполагающий функционирование системы норм поведения и социальных практик, основанных на ценностях милосердия, патриотизма и сотрудничества, направленных на решение социальных вопросов чрезвычайного времени и поддержание стабильности в обществе.

В условиях войны происходило расширение функций существовавших ранее благотворительных общественных организаций, появлялись новые, созданные на этноконфессиональной основе, компенсировавшие недостатки в деятельности государственных институтов социального призрения и дополнявшие их возможности.

Благотворительность этноконфессиональных сообществ Урала, осуществлявшаяся под руководством их духовных лидеров, выражалась в целом ряде направлений деятельности. К основным из них можно отнести попечительство

⁴⁰ Очерк о деятельности Екатеринбургского Дамского Кружка по сбору пожертвований на передовые позиции, за время с 5 октября 1914 г. по 25 апреля 1916 г. Екатеринбург, 1916. С. 5.

⁴¹ *Израилева М.* Краткий отчет о деятельности Дамского благотворительного комитета при Братстве Святителя Чудотворца Николая с 6 сентября 1915 г. по 1-е октября 1916 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1916. № 46-47. 17 ноября. С. 955.

⁴² Там же. С. 957.

⁴³ Там же. С. 956–958.

⁴⁴ Отчет о деятельности дамского педагогического кружка при управлении Оренбургского учебного округа за время с 1 октября 1915 г. по 1 октября 1916 г. Уфа, 1917. С. 3–6.

о беженцах, семьях, призванных в армию, помощь больным и раненым воинам, солдатам действующей армии, военнопленным, детям нуждающихся семей или оставшимся без родителей. При этом благотворительность выражалась как в добровольном безвозмездном труде, так и в денежных и имущественных пожертвованиях.

Специфика состава населения региона определила доминирование среди благотворительных организаций этноконфессионального характера православных и мусульманских, однако активно помогали единоверцам также численно возросшие еврейские и католические благотворительные общества. Этноконфессиональные организации на местах координировали свою деятельность и сотрудничали как с церковно-религиозными структурами разного уровня, так и с общественными и государственными институтами.

Поступила в редакцию / Submitted: 14.01.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.03.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.08.2024

References

- Arsanukaeva, M.S. “Natsional'nye formirovaniia narodov Kavkaza v Pervoi mirovoi voine (1914–1918 gody) [National formations of the peoples of the Caucasus in the First World War (1914–1918)].” *Iuridicheskaiia nauka*, no. 2 (2014): 5–11 (in Russian).
- Bakhturina, A.Iu. *Okrainy Rossiiskoi imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naiia politika v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [The Outskirts of the Russian Empire: Public Administration and National Policy during the First World War (1914–1917)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Bazhenova, K.E., and Porshneva, O.S. *Evolutsiia deiatel'nosti organizatsii Vserossiiskogo zemskogo soiuzia i Vserossiiskogo soiuzia gorodov na Srednem Urале v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917)* [The evolution of the activities of the organizations of the All-Russian Zemstvo Union and the All-Russian Union of Cities in the Middle Urals during the First World War (1914 – February 1917)]. Saarbrücken: Lambert Academic Publ., 2011 (in Russian).
- Denisov, D.N. “Osnovnye napravleniia i formy deiatel'nosti musul'manskikh blagotvoritel'nykh organizatsii v Orenburgskoi gubernii (1898–1918 gg.) [The main directions and forms of activity of Muslim charitable organizations in the Orenburg province (1898–1918)].” *Forumy rossiiskikh musul'man*, no. 3 (2008): 66–69 (in Russian).
- Gabdrifikova, L.R. “Pervaia mirovaia voina glazami tatarskikh soldat [The First World War through the eyes of Tatar soldiers].” *Istoricheskaiia etnologia* 1, no. 2 (2016): 328–348 (in Russian).
- Gabdrifikova, L.R., and Mironova, E.V., eds. *Tatarskii narod i narody Povolzh'ya v gody Pervoi mirovoi voiny: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, priurochennoi k 100-letiyu nachala voiny (g. Kazan', 10-11 oktyabria 2014 g.)* [The Tatar people and the peoples of the Volga region during the First World War: a collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the war (Kazan, October 10-11, 2014)]. Kazan': Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2014 (in Russian).
- Glavatskaia, E.M. “Evolutsiia religioznogo landshafta Urala v kontse XIX–XX v.: istoriko-kul'turnyi atlas [The Evolution of Ural Religious Landscape in Late XIX–XX Centuries: a Historic and Cultural Atlas].” *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*, no. 4 (2013): 305–309 (in Russian).
- Gritsaeva, A.N. “Isipyvaniia otechestvennoi blagotvoritel'nosti v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917) [The trials of domestic charity during the First World War (1914–1917)].” *Prepodavatel'*, no. 2 (2008): 118–122 (in Russian).
- Kaidysheva, N.N. “Blagotvoritel'naia deiatel'nost' v Permskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 gg.) [Charitable activities in the Perm province during the First World War (1914 – February 1917)].” PhD thesis, Ural Federal University, 2016 (in Russian).
- Kazakova-Apkarimova, E.Yu. *Formirovanie grazhdanskogo obshchestva: gorodskie soslovnye korporatsii i obshchestvennye organizatsii na Srednem Urале (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [Formation of a civil society: urban estate corporations and public organizations in the Middle

- Urals (the second half of the XIX – early XX century). Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 2008 (in Russian).
- Khairetdinov, D.Z., ed. *Islam na Urale. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam in the Urals. An encyclopedic dictionary]. Moscow: Medina Publ., 2009 (in Russian).
- Leontieva, T.G. "Church charity during the First World War." *Rossiiskaya istoriya*, no. 4 (2023): 153–164 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S2949124X23040119>
- Nechaev, M.G. "Tserkov' na Urale v gody Pervoi mirovoi voiny [The Church in the Urals during the First World War]." *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 2 (2011): 174–186 (in Russian).
- Osveiko, V.P. "Blagotvoritel'naia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Orenburgskoi eparkhii v gody Pervoi mirovoi voiny [Charitable activities of the Russian Orthodox Church in the Orenburg Diocese during the First World War]." *Vestnik OGU*, no. 5 (2012): 102–108 (in Russian).
- Poberezhnikov, I.V., ed. *Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie* [Actors of the Russian Imperial modernization (XVIII – early XX century): a regional dimension]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii Publ., 2016 (in Russian).
- Safronov, A.A. "Osobennosti natsional'nogo sostava naseleniia Urala v kontse XIX v.: po materialam pervoi Vseobshchei perepisi naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g. [Features of the national composition of the population of the Urals at the end of the XIX century: based on the materials of the first General Population Census of the Russian Empire in 1897]." *Nauchnyi Vestnik Kryma*, no. 3 (2019): 1–10 (in Russian).
- Semenova, E.Yu. *Blagotvoritel'nye uchrezhdeniia Samarskoi i Simbirskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – nachalo 1918 gg.)* [Charitable institutions of the Samara and Simbirsk provinces during the First World War (1914 – early 1918)]. Samara: Samarskii gos. ped. universitet Publ., 2000 (in Russian).
- Starostin, A. "Akhun Girfan Rakhmankulov – zhizn' vo imya islama [Akhun Girfan Rakhmankulov – life in the name of Islam]." Regional'noe dukhovnoe upravlenie musul'man Sverdlovskoi oblasti, accessed: December 16, 2023, <https://rdums.ru/stati/10041905/> (in Russian).
- Sudovikov, M.S. "Blagotvoritel'nye initsiativy kupechestva Viatskoi gubernii v period voyn XIX – nachala XX veka [Charitable initiatives of merchants of Vyatka province during the wars of the XIX – early XX century]." *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 12 (2010): 62–65 (in Russian).
- Surzhikova, N.V. "Russian society vs Russian refugeedom. The experience of 1914–1922." *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, no. 9 (2017): 88–98.
- Yamaeva, L.A. "Musul'manskii blagotvoritel'nye obshchestva nachala XX veka [Muslim charitable societies of the early XX century]." *Vatandash*, no. 7 (2013): 182–190 (in Russian).
- Zimina, N.P. "Episkop Ufimskii i deiatel'nost' Vostochno-russkogo kul'turno-prosvetitel'skogo obshchestva v g. Ufe (1916–1919 gg.) [Bishop of Ufa and the activities of the Eastern Russian Cultural and Educational Society in Ufa (1916–1919)]." In *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskii i sovremennyi aspekty* [Freedom of conscience in Russia: historical and modern aspects], 211–227. Moscow: [N.s.], 2005 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Елена Юрьевна Казакова-Апкаримова, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН; Россия, 620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; Apkarimova@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-7852-3539>

Elena Yurievna Kazakova-Apkarimova, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Leading Researcher at the Center for Methodology and Historiography of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 16, S. Kovalevskaya Str., Yekaterinburg, 620108, Russia; Apkarimova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7852-3539>

Ольга Сергеевна Поршнева, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19; o.s.porshneva@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3265-7010>; SPIN: 1890-6840.

Olga Sergeevna Porshneva, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the Ural Humanitarian Institute of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; 19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russia; o.s.porshneva@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3265-7010>; SPIN: 1890-6840.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-415-426>
EDN: PIGXSQ

Научная статья / Research article

Терская область в антропологическом и социально-экономическом измерениях Первой мировой войны

Мария Александровна Пономарева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ponomariya@sfedu.ru

Аннотация: Рассматривается несколько аспектов экономических изменений в Терской области во время Первой мировой войны: роль дорожно-транспортной сети, соотношение доходно-расходной статей бюджета, развитие основных отраслей (коневодство, земледелие, нефтяная и перерабатывающая промышленность). Акцентируется внимание на новых факторах экономического развития Терской области, присущих исключительно военному периоду, в частности, на развитии лечебной базы, лесозаготовительной промышленности. Рассматривается роль терского казачества, кавказской туземной конной дивизии в формировании антропологического портрета Северного Кавказа. Автор делает вывод о влиянии Первой мировой войны на развитие Терской области в антропологическом и социально-экономическом измерениях. Делается вывод, что Терская область представляла собой идеальную модель для преодоления военного кризиса, в том числе и потому, что ее жители обладали, с одной стороны, совокупной идентичностью, важное место в которой занимала военная служба и военные походы, с другой стороны, разрозненной идентичностью (автор выделяет коллективную идентичность терского казачества и коллективную и самобытную идентичность горских народов).

Ключевые слова: Терская область, народы Северного Кавказа, Первая мировая война, антропология войны, социально-экономическое измерение войны

Для цитирования: Пономарева М.А. Терская область в антропологическом и социально-экономическом измерениях Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 415–426. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-415-426>

Terek Region in Anthropological and Socio-Economic Dimensions of the First World War

Maria A. Ponomareva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ponomariya@sfedu.ru

Abstract: Through their article, the author considers several aspects of the economic changes in the Terek region during the First World War: the role of the road transport network, the ratio of income and expenditure items of the budget, and the development of the main industries (horse breeding, agriculture, oil and processing industries). Attention is focused on new factors of the economic development of the Terek region, typical exclusively of the war period, in particular, the development of a medical institution to support the logging industry. The role of the Terek Cossacks, the Caucasian native cavalry division in the formation of an anthropological portrait of the North Caucasus is also consi-

dered. The author draws the conclusion about the impact of the First World War on the development of the Terek region, that it had anthropological and socio-economic dimensions. It is noted that the Terek region was an ideal model for overcoming the military crisis, not least because its inhabitants had, on the one hand, a collective identity, in which military service and military campaigns occupied an important place, and on the other hand, they also had a fragmented identity (the author singles out the collective identity of the Terek Cossacks and the collective and original identity of the mountain peoples).

Keywords: Tersk region, peoples of the North Caucasus, World War I, anthropology of war, socio-economic dimension of war

For citation: Ponomareva, M.A. “Terek Region in Anthropological and Socio-Economic Dimensions of the First World War.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 415–426 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-415-426>

Введение

Актуальность. На рубеже XIX–XX столетий Северный Кавказ оставался крайне раздробленным в плане идентичностей: «они определялись не политическими структурами и не этническими группами, но родственными связями между племенами и кланами»¹. Действительно, запоминается то, что укрепляет коллективную идентичность группы, а идентичность группы, в свою очередь, укрепляет воспоминания². Годы Первой мировой войны оказали значительное влияние на развитие региона. Данная закономерность в полной мере проявилась в регионе в годы Первой мировой войны.

Терская область имела в 1914 г. численность населения в 1913 г. 1 235 223 чел., в том числе 241 161 чел. войсковых, то есть 19,52 % войскового сословия от общего количества населения. В 1914 г. население увеличилось, составив 1 272 354 чел., в том числе 251 553 чел. войскового населения (19,44 % войскового сословия), в 1915 г. – 1 321 328 чел., в том числе войскового 251 553 чел.³ К 1 января 1914 г. всего на войсковой территории проживало 123 738 чел. войскового населения мужского пола (100 %), из них 1008 чел. (0,81 %) – это были лица, имевшие офицерские и классные чины. Причем 44,95 % – это мужчины в возрасте от 17 до 60 лет⁴. В «Терском календаре» отмечалось, что «большое число их в самую цветущую пору жизни находится в строевых частях»⁵.

На территории Терской области проживало несколько категорий населения: казачество (т.н. «горское» – по Ф.А. Уварову (осетины, ингуши, кабардинцы, балкары, чеченцы, кумыки, караногайцы, составлявшее 335 527 чел. мужского пола⁶) и т.н. «пришлое население». Русское пришлое население насчитывало 122 048 чел. обоего пола; в его владении находилось 613 796,36 дес. земли⁷. Казенных земель, занятых курортами и лесами в нагонной полосе, насчитывалось всего 352 679,7 дес., при этом

¹ Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016. С. 200.

² Ассман А. Европейская мечта. Переизобретение нации. М., 2022. С. 335.

³ Терский календарь / изд. Терского обл. стат. ком. Владикавказ, 1891–1915. Имеет приложение: Терский сборник. ... на 1915 год. Вып. 24 (1) / под ред. С. П. Гортинского. Владикавказ, 1915. С. 3; Терское казачье войско. Наказной атамана. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска ... [по годам] / Терское казачье войско. Наказной атамана. Владикавказ, 1891–1916. Загл. с 1900 г.: Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска; Загл. за 1915 г.: Служебно-статистический отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска... за 1915 год. 1916. С. 3.

⁴ Терский календарь... С. 11.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Уваров Ф.А. К сознательному элементу населения Терской области, интересующемуся земельным вопросом в области. Кисловодск, 1919. С. 7–11.

⁷ Там же. С. 11.

большая часть земли, находившейся прежде в пользовании местного коренного населения, даже после войны оставалась в пользовании тех же горцев, хотя и считалась по-прежнему казенной⁸. В целом, во время Первой мировой войны население представляло чрезвычайно пеструю смесь национальностей, отличавшихся по языку, культуре, религии, обычаям и занятиям. Из «горского населения» (далее – коренное. – М.П.) самыми многочисленными являлись чеченцы, осетины и кабардинцы: чеченцы составляли 253 131 чел. (в 1915 г. – 271 151 чел.), осетины – 144 514 чел. (в 1915 г. – 148 811 чел.), кабардинцы – 102 897 чел. (в 1915 г. – 108 508 чел.)⁹. Гражданское и военное управление одновременно осуществлял начальник области и наказный атаман Терского казачьего войска. Из четырех полковых округов (Кизляр-Гребенского, Сунженско-Владикавказского, Волжского, Горско-Моздокского) пополнялись одноименные строевые и льготные полки Терского казачьего войска¹⁰.

Степень изученности проблемы. Участие народов Северного Кавказа на фронтах Первой мировой войны привлекает внимание исследователей и всех интересующихся историей кавказских народов, в первую четверть XX в. Формируется научный задел по изучению Терской области в период Первой мировой войны на новых методологических основаниях¹¹, проводятся научные конференции¹². Существуют исследования по истории кавказской туземной конной дивизии, ее составу, роли тех или иных полководцев в сражениях¹³, в том числе размещенные на информационных ресурсах¹⁴. Многие материалы, на которых выстроены доводы исследователей, впервые введены в научный оборот¹⁵.

Цель и методология исследования. Рассмотрение вопроса о влиянии Первой мировой войны на народы Северного Кавказа базируется на применении антропологического подхода Ф. Броделя, в частности, речь идет о влиянии социально-экономических и географических факторов на развитие общества в конкретный

⁸ Уваров Ф.А. К сознательному элементу населения Терской области...

⁹ Терский календарь... С. 13; Терское казачье войско... С. 3.

¹⁰ Терский календарь... С. 2.

¹¹ Атабиев, Х.А. Терская область в годы Первой мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Владикавказ, 2016; Засеев Г.А. «Терские ведомости» о мобилизационных мероприятиях в Терской области в начале Первой мировой войны // Всероссийские Миллеровские чтения. 2018. № 6. С. 314–317.

¹² Боевое братство и национальное единство народов Северного Кавказа в годы Первой мировой войны: материалы международной научно-практической конференции (Пятигорск 28–30 ноября 2014 г.). Ставрополь, 2015; Венков А.В., Мамсилов Х.Б. Кавказская конная туземная дивизия и ее командир князь Михаил Александрович в период Первой мировой войны // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 5. С. 38–45; Марзоев И.Т., Казаков А.В., Казаков К.А. Первая мировая и Гражданская войны в судьбах представителей народов Северного Кавказа: участники и воинские формирования (к 100-летию начала Гражданской войны в России). Владикавказ, 2018 и др.

¹³ Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия, 1914–1917: Возвращение из забвения. Нальчик, 1999; Сообцокова Н.И. Неустрашимая и легендарная Кавказская мусульманская конная дивизия. Первая мировая война 1914–1917 гг. Майкоп, 2018; Дикая дивизия. М., 2006.

¹⁴ «Дикая дивизия»: подвиг во славу Отечества. Военное обозрение // Партнер плюс [сайт]. URL: <https://right-partner.ru/projects/article/115> (дата обращения: 10.01.2024); «Дикая дивизия». Горцы на фронтах Первой мировой войны и в революционных событиях 1917 г. 24.12.2013 // Военное обозрение [сайт]. URL: <https://topwar.ru/37690-dikaya-diviziya-gorcy-na-frontah-pervoy-mirovoy-voyny-i-v-revolucionnyh-sobytyayah-1917-g.html> (дата обращения: 10.01.2024); Дикая дивизия. Энциклопедия Первой мировой. 31.07.2014. 17:51; Дикая дивизия была сформирована на территории Северного Кавказа и укомплектована добровольцами-горцами на основании высочайшего указа императора Николая II от 23 августа 1914 года // Парламентская газета [сайт]. URL: <https://www.rnp.ru/archive/2014/07/31/dikaya-diviziya.html> (дата обращения: 10.01.2024).

¹⁵ Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность: сб. статей. Владикавказ, 2014; Корниенко Т.А. Социальная повседневность населения Северного Кавказа в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. истор. наук. Армавир, 2001.

промежуток времени¹⁶. В рамках данного подхода возникает целый ряд важных деталей и тем, изучение которых позволит проследить изменения в социально-экономическом развитии Терской области накануне и в годы Первой мировой войны; определить, насколько скоротечны и глобальны были эти изменения; выявить существовавшие различия между влиянием этих изменений на жителей тыла и участников военных сражений.

При постановке проблемы мы опирались на следующие концептуальные положения. Во-первых, на концепт о свойстве неизгладимости из памяти поражений и потерь, понесенных нацией, как об одном из важнейших свойств коллективной идентичности¹⁷. Во-вторых, на представление о воображаемых сообществах (национальных и этнических) и тот факт, что траектории их развития многообразны в историческом и региональном отношении. Это многообразие обусловлено специфическим для разных стран и эпох сочетанием двух типов факторов – конструктивистских, порожденных воздействием политических акторов на культурные процессы, и примордиальных факторов культурной инерции, связанных с культурным наследием и традициями¹⁸.

Источниковая база. В данном контексте нам важно обратить внимание на целый ряд исторических источников (воспоминания и переписка, документы органов государственной власти, статистические материалы, периодическая печать), в наибольшей степени свидетельствующих о взаимосвязи между тремя составными частями изучаемого вопроса: коллективной идентичностью жителей Терской области, обусловленной фронтирным положением и локальными процессами; глобальностью изменений, вызванных в стране ведением Первой мировой войны¹⁹.

Дорожно-транспортная сеть Терской области в годы Первой мировой войны

Терскую область в период Первой мировой войны пересекали железная, шоссейные и грунтовые дороги. Общая протяженность железных дорог в области достигала 454, 4 версты, из которых 194,8 версты находились в 1914 г. под главной линией – Владикавказ – Ростов, 193,6 версты – под Петровской веткой и 66 верст – под Минераловодской веткой. Для расширения района деятельности Владикавказской железной дороги в течение 1914 г. производились работы по сооружению новых железнодорожных линий и ветвей: Терской линии от Прохладной до ст. Гудермес протяженностью 173,5 верст, нальчикской ветки от ст. Котляревской до слободы Нальчик протяженностью 38,9 верст, кумской – от города Георгиевска до слободы Прасковей (Св. Крест) протяженностью 88,5 верст, Незлобненской – от ст. Незлобная до города Георгиевска в 10,2 версты, а также проводились изыскания и подготовительные работы по постройке Кизлярской ветки от ст. Червленая – Узловая до города Кизляра протяженностью 77,2 версты²⁰.

Присоединение к сети Владикавказской железной дороги вновь построенных Терской линии, Нальчикской, Кумской и Кизлярской ветвей в 1915 г. в значительной степени способствовало усилению передвижения составов по области. В том

¹⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / 3-е изд. М., 2022. Т. 1–3.

¹⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

¹⁸ Паин Э.А. Этничность, нация и политика: критические очерки по этнополитологии. М., 2023. С. 352–353.

¹⁹ См. напр.: Арсеньев А.А. Воспоминания о службе в Кабардинской конном полку // Военная быль. // цит. по: Военная быль [сайт]. URL: <http://lepassemilitaire.ru/vospominaniya-o-sluzhbe-v-kabardinskom-konnom-polku-arsenev/> (дата обращения: 10.01.2024).

²⁰ Терское казачье войско... С. 14.

же году проводились работы по укладке путей и переводов на ст. Курсавка, ст. Георгиевск, Нальчик, ст. Беслан, Владикавказ и Грозный. Активность, вызванная необходимостью доставки военных и продовольственных товаров по данным железнодорожным веткам, привела к тому, что строились станции, пакгаузы и складские помещения. Для увеличения складских помещений производились работы по постройке кирпичных пакгаузов на ст. Ессентуки, Георгиевск, Виноградная, а также расширялись уже существующие пакгаузы на станциях Грозный и Хасав-Юрт; были построены новые деревянные амбары на ст. Георгиевск, Эрстовская и Владикавказ²¹. Шоссейные и грунтовые дороги и во время, и после войны находились в плачевном состоянии, что вело к значительному удорожанию товаров и длительности их доставки от места производства до железнодорожных складов хранения и транспортировки по железной дороге. Ф.А. Уваров писал:

Пути сообщения по области, в особенности нагорной ее полосе, находятся, как и вообще в России, в первобытном состоянии или их нет вовсе... вся сельскохозяйственная культура как в руках казаков, так и горцев, чрезвычайно низка, ведение хозяйства бессистемно...²²

Такая ситуация делала Терскую область скорее транзитным регионом, нежели чем областью, производящей и снабжающей армию собственными ресурсами и товарами. Как видно, и после войны сложная ситуация сохранилась, более того, сказалась на развитии сельского хозяйства. К этому прибавилось еще «хищническое» ведение хозяйства, вызванное как неустроенностью текущей экономической жизни, так и неуверенностью в завтрашнем дне, нестабильностью политической власти в России в целом.

Капиталы и население Терской области в контексте военных изменений

Вместе с тем к началу Первой мировой войны Терская область не только обладала необходимым земельным заделом, людскими ресурсами, но и отличалась значительным благосостоянием. Так, состояние общего войскового капитала к 1 января 1914 г. составляло 413 481,36 руб., т. е. по 3,34 руб. на душу мужского пола войскового сословия²³. Часть капиталов жертвовались специально для выдачи из получаемых процентов денежных пособий обедневшим казакам Терского войска на снаряжение к их службе – это т.н. специальные капиталы (в частности, капитал барона Андрея Петровича Бюллера, пожертвованный им в 1904 г., составил 3 322 руб. 96 коп.). Всего вместе с процентами капиталы специального назначения к 1915 г. составляли 17 689 574 руб. 99 коп.²⁴

К 1916 г. в состав специальных капиталов были введены расходы при мобилизации, так называемый «мобилизационный капитал». Расходы на снаряжение беднейших казаков и расходы при мобилизации, существовавшие в станицах Терского войска, складывались из денежного сбора с неспособных к службе, но способных к труду казаков, а также из отчислений 10 % станичных доходов. К 1 января 1916 г. состояние такого капитала составило 530 982,0 руб. По сравнению с 1915 г. капиталы на снаряжение беднейших казаков и на расходы при мобилизации увеличились на 19 887 руб.²⁵ Отдельную статью составляли доходы ста-

²¹ Терское казачье войско... С. 30.

²² Уваров Ф.А. К сознательному элементу населения... С. 12.

²³ Терский календарь... С. 44.

²⁴ Там же. С. 45.

²⁵ Терское казачье войско... С. 47.

ничных и сельских обществ Терской области, которые на 1 января 1914 г. составили 3 598 350,0 руб., а расходы – 3 310 123 руб.²⁶

Всего же капиталы Терской области складывались из войсковых, станичных, сельских и городских средств. Кроме того, существовали еще капиталы, принадлежавшие коренным народностям, в частности кабардинский (69 039,18 руб., что составило 1,35 руб. на душу мужского населения) и караногайский (77 171,0 руб. что составило 4,57 руб. на душу мужского населения) капиталы²⁷.

Тем не менее, за годы Первой мировой войны накапливались недоимки по налогам и сборам. Сумма недоимок к 1 января 1914 г. составила 206 580,61 руб. (государственный поземельный налог, налог с недвижимости, оброчная подать с горского населения, воинский налог с инородного населения)²⁸. По утвержденной Военным советом смете на 1915 г. доход только Терского казачьего войска был исчислен в сумме 5 100 405 руб., а в действительности составил 4 836 146,70 руб., т. е. в казну поступило менее сметного назначения на 261 958,30 руб. В частности, полностью не поступила сумма в 585 897,0 руб., назначенная по смете на возмещение расходов общегосударственного значения; пособий от частных обществ, а также из специальных средств Министерства внутренних дел в 4 681,80 руб. Также было получено на 5 121,93 руб. меньше процентов от капиталов, розданных в ссуду²⁹.

Изменилась статья доходов Терской области за счет увеличения производства и продаж природных ресурсов на нужды армии и государства, в частности, вследствие приобретения свидетельств 5 % внутреннего займа 1914 г. на 635 900,0 руб. и 5,5 % облигаций военного займа 1915 года на 2 105 000,0 руб. Кроме того, доход складывался от земельных оброчных статей, от лесных оброчных статей на 17 235,69 руб., так как лесные поляны часто использовались под выпас скота, увеличилась потребность армии и флота в лесном материале. Кроме того, доход предполагался от продажи обмундирования и снаряжения на 4 125,79 руб. Тем не менее, собственно, на нужды местного населения данные доходы не шли. В отчете за 1915 г. наказного атамана Терского казачьего войска, начальника Терской области отмечалось:

Нужды станичных обществ возросли настолько, что ... в некоторых станицах практикуются дополнительные сборы жителей по особой раскладке, которая чаще всего производится или по количеству скота, выпасаемого на общественных выгонах, или по числу распаханых десятин общественной земли³⁰.

Важное значение стали приобретать так называемый «продовольственные капиталы» и так называемые «хлебные запасы», которые имели своей целью обеспечение местных жителей на случай неурожая. Но таковые имелись к 1916 г. в основном в станицах. Этими капиталами можно было воспользоваться для засеивания полей либо для финансовой поддержки земледельцев. В нагорных же районах подобного рода запасы, как в денежном, так и натуральном виде, полностью отсутствовали. Это усугублялось малоземельем значительной части населения, особенно в Нагорной полосе, а также недостаточным уровнем развития обрабатывающей и добывающей промышленности. Так, в станицах продовольственные запасы составили 426 711,0 руб., в селениях – 473 249 руб. Для сравнения: остаток всего домашнего капитала караногайского народа составил на 1 января 1916 г. только

²⁶ Терский календарь... С. 47–48.

²⁷ Терское казачье войско... С. 47.

²⁸ Терский календарь... С. 57.

²⁹ Терское казачье войско... С. 36–37.

³⁰ Там же. С. 41.

24 116,0 руб.³¹ Сложная ситуация отражалась и на традиционных сферах жизни горского населения Терской области.

Коневодство как показатель благосостояния населения Терской области в период Первой мировой войны

Коневодство являлось одной из ведущих отраслей хозяйства Терской области. В 1913 г. было продано 3214 голов строевых лошадей на общую сумму 475 949,0 руб. Общее число лошадей, принадлежавших лицам войскового сословия Терского казачьего войска к 1 января 1914 г., составило 96 787 голов³². Несмотря на то, что данная цифра мало изменилась к 1 января 1916 г. (90 638 голов), тем не менее, к этому периоду уже не имелось особых табунов для строевых казачьих лошадей. Согласно статистическим данным, за 1915 г. хозяйствами Терской области было получено 311 жеребцов, из них 70 было отпущено безвозмездно Государственным коннозаводством, 133 – куплено за счет войсковых сумм Терского казачьего войска и 8 было приобретено на станичные средства. В Кизлярском районе имелись 23 частных табуна, в которых содержались молодые лошади – 1–3-летки, не представленные официально на конных ярмарках. Средняя цена на лошадь верхового сорта в 1915 г. составляла 250 руб.³³

В связи с тем, что во время войны потребность в лошадях значительно возросла, данная отрасль приобрела важнейшее значение для страны. Тем не менее, парадоксальным образом это привело к негативным последствиям в экономике области. После начала войны покупка лошадей в срочный ремонт кавалерии и артиллерии, т. е. для ежегодного нормального обновления их конского состава, была отменена. Потом, ввиду малого соответствия лошадей, набранных по военно-конской повинности, требованиям кавалерийской службы, появилась необходимость приобретать конный состав для формирования маршевых эскадронов кавалерии уже через посредство ремонтных комиссий по высокой средней цене в 425,0 руб. Артиллерийские срочные ремонты также расходовались для пополнения убыли на театре военных действий наравне с лошадьми, принятыми от населения в силу военно-конской повинности. Во время войны одновременно имели место и реквизиции лошадей по обязательной цене, и свободная продажа по ценам вдвое и втрое выше необходимой. Лошадь моложе четырех лет была освобождена от так называемой «военно-конской повинности», но в частных табунах Кизлярского района основную массу составляли именно такие лошади³⁴. Таким образом, у одного владельца четырехлетняя верховая лошадь могла быть реквизирована за 180–275 руб., в редких случаях – за 300 руб., у другого же – худшую лошадь могли продать так называемой «ремонтной комиссии» для тех же маршевых эскадронов за 625 руб., а в срочный ремонт даже за 1 100 руб. Кроме того, перекупщик, закупив, например, на ярмарке более молодых лошадей, поставлял их в комиссию по цене в 425 руб. При этом ремонтным комиссиям на период войны была дана особая инструкция, значительно пониженная в требованиях и с допуском существенных деталей пороков³⁵. В этой связи в «Военном обозрении» отмечалось:

³¹ Терское казачье войско... С. 52.

³² Терский календарь... С. 78.

³³ Терское казачье войско... С. 72.

³⁴ Шишко С. О пополнении действующей армии лошадьми // Военное обозрение. 1916. № 4. С. 74, 76, 84.

³⁵ Там же. С. 77.

Львиная доля из сумм, ассигнуемых на приобретение (лошадей) вольною продажей, попадает в руки барышников, самые крупные из которых уже давно успели образовать синдикаты³⁶.

В связи с тем, что во время Первой мировой войны потребность в лошадях значительно возросла, данная отрасль для Терской области приобрела важнейшее значение. Тем не менее, парадоксальным образом это привело к негативным последствиям как для состояния дел отдельных конезаводчиков, так и для экономики региона в целом.

Роль местного населения в добыче нефти и природных ископаемых в условиях «казенного голода»

Во время Первой мировой войны полезные ископаемые являлись залогом успеха на фронтах сражений. Так, при объяснении побед и поражений Германии на фронте, особое внимание уделялось наращиванию добычи железной руды и недостаточному производству других полезных ископаемых. Отмечалось, что еще при добыче в 1913 г. 19 млн т железа Германия переплавляла около 50 млн т собственных и привозных железных руд, при этом собственных руд Германия добыла в 1913 г. 28 млн т, а ввезла 22 млн т³⁷. В «Военном обозрении» за 1916 г. указывалось на недостаток в Германии производства хлопка, свинца, сурьмы и делался вывод, что «медный, цинковый и никелевый голод в Германии – вернейший наш союзник»³⁸.

Терская область вследствие своего географического расположения (хотя и частично) в горной местности являлась важнейшим регионом по добыче полезных ископаемых. Было добыто сырой руды 1 559 766 пудов (25 548,97 т). Обогащенная и обожженная руда была проплавлена на Владикавказском металлургическом заводе и на Мизурской обогатительной фабрике. Было получено 242 пуда (6,91 т) серебра, 178 940 пудов (2 931,04 т) цинка, 80 672 пуда (1 321,41 т) свинца³⁹. На этих предприятиях трудились в начале войны 784 рабочих.

Одной из тех отраслей, которая могла быть востребована и удержать на плаву экономику Терской области в период войны, являлась разведка и добыча нефти. На значительное превышение доходов над расходами в самом начале войны оказал влияние, главным образом, доход от нефтяной промышленности в 2 974 641,46 руб.⁴⁰ Действительно, к 1914 г. было заявлено под разведку нефти 18 433 площадей и было выдано 805 дозволильных свидетельств. Большинство свидетельств попало в руки крупных нефтепромышленных фирм – это обстоятельство оказало «медвежью услугу» отрасли, несмотря на, казалось бы, возросшие мировые цены на нефть, общий ее недостаток на рынке и, соответственно, высокие рыночные цены.

Изменения в экономической структуре и уровень жизни местного населения в Терской области

С продолжением Первой мировой войны в станицах неуклонно снижалось количество рабочей силы, рабочего скота и лошадей. Одновременно произошло резкое сокращение производства и продажи сельскохозяйственных орудий и машин вообще, при таком же резком подъеме на них цен, в особенности на машины для посева, уборки и обмолота хлебов. Результатом стало значительное сокращение площади посева хлебов. Размер этого недосева составил в среднем для озимой

³⁶ Шишко С. О пополнении действующей армии лошадьми... С. 74–84, 87.

³⁷ Военное обозрение. 1916. № 4. С. 67.

³⁸ Там же. С. 68.

³⁹ Терское казачье войско... С. 83.

⁴⁰ Терский календарь... С. 40.

пшеницы в 20–25 % от обычного объема посева, и в 15–20 % – для яровых. Хотя имелись станицы, такие как Луковская, Павлодольская, Новоосетинская, Черноярская – Моздокского отдела, Вознесенская – Сунженского отдела и т.д, где уменьшение площади посева озимых хлебов достигло только 8 %, и это был один из лучших показателей периода Первой мировой войны.

Уменьшение распашки и посевов требовало экстренного снабжения казачьего населения машинами на льготных условиях из войскового капитала, в первую очередь, уборочными и молотильными⁴¹. Для помощи семьям мобилизованных, испытывающим затруднения в успешном ведении хозяйства, зимой 1915 г. в станицах были образованы под председательством агрономов особые комиссии. Комиссии постановили, что для оказания помощи казачьему населению в 1916 г. было необходимо 391 тыс. руб. Данная сумма была истребована в установленном порядке к экстренному отпуску из войскового капитала Терского казачьего войска⁴². Кроме того, еще по закону от 25 июня 1912 г. семейства нижних чинов запаса и ратников ополчения, призванных по случаю войны на действительную службу, получали от казны пособие. Правом на пособие пользовались жена и дети призванного – во всех случаях, а также отец, мать, дед, бабушка, братья и сестры призванного, если они содержались его трудом. Размер денежного пособия каждому призревшему члену семьи призванного определялся для каждой местности по расчету стоимости продовольственного пайка, состоявшего из муки, крупы, соли и постного масла⁴³. В письме Л.Л. Лашкевич к А.С. Алферовой отмечалось:

Положение грознее грозного. Сейчас у нас нет хлеба, нет так называемых видимых запасов его. На пристанях Волги его нет, а через две недели закрывается навигация. Нет его отчасти из-за распутицы, отчасти от того, что крестьяне не хотят его продавать, нет из-за неурядицы нашей, от недосева, от недостатка рабочих рук <...>. Сердце щемит. Общее положение грозит катастрофой в недалеком будущем⁴⁴.

Сложная ситуация военного времени привела к тому, что даже в 1918 году земля, годная под земледельческие культуры и скотоводство на равнинных землях Терской области, не использовалась полностью⁴⁵.

Таким образом, социально-экономические изменения периода Первой мировой войны показали изменения устоявшихся общественных отношений между горскими народами, казачеством и иногородним населением в рамках социальной структуры Терской области.

«Единственная организованная сила, все еще опасная для революции»: жители Терской области на фронтах Первой мировой войны

Первая мировая война изменила структуру экономики региона, тем самым внесла некоторый хаос в стабильность отношений между разными группами населения. В противовес этому процессу участие терского казачества и кавказской туземной конной дивизии в Первой мировой войне стало способом сохранения коллективной идентичности.

⁴¹ Терское казачье войско. С. 56.

⁴² Там же. С. 57.

⁴³ Русское военное обозрение. 1914. №11. С. 198–199.

⁴⁴ В.В. Лашкевич, Петроград – А.С. Алферовой, Харьков. 4 октября, 1916 г. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056.Л. 690. // Цит. по: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / отв. ред., автор предисловия В.В. Шелохаев; сост. и автор коммент. и предисловия К.А. Соловьев. М., 2014. С. 475.

⁴⁵ Уваров Ф.А. К сознательному элементу населения... С. 15.

18 июля 1914 г. был издан высочайший Указ о необходимости призвать на действительную службу нижних чинов запаса армии и флота во всех остальных, не именованных в соответствующем Указе от 16 июля, губерниях и уездах Европейской России и Кавказа, за некоторым исключением, в которое не входила Терская область. Кроме того, в Указе предписывалось

...поставить в войска лошадей, повозки и упряжь согласно нарядов действующего мобилизационного расписания <...> вызвать со льготы казаков Донского, кубанского, Терского <...> Казачьих войск и, в числе, потребном для комплектования казачьих частей. Призвать всех офицерских и класных чинов из казачьих войск, в том числе и Терского⁴⁶.

Кроме того, на действительную военную службу призывались офицеры ополчения, не находившиеся ранее на военном учете⁴⁷. Наконец, 23 августа 1914 г. была создана кавказская туземная конная дивизия, которую возглавил великий князь Михаил Александрович. По воспоминаниям георгиевского кавалера Е.В. Тумиловича, она представляла собой уникальное явление:

Тут же, в хвосте, двигалась в пестрых расшитых кафтанах с кривыми, чеканенными серебром и золотом саблями кавалерия из так называемой туземной дивизии... Болтаясь по дорогам и селениям, наводила она животный страх на и без того напуганное население⁴⁸.

Полноту картины необходимо дополнить воспоминаниями А.Л. Маркова:

Племенной состав офицеров в полках был смешанный: например, в Ингушском, кроме русских и ингушей, было много грузин; в Кабардинском – были и кабардинцы, и осетины, и балкарцы, и грузины. В полковой офицерской среде все были равны, и никому в голову не могло прийти считаться каким-либо образом с национальностью другого – все были членами единой полковой семьи...⁴⁹

Находясь на фронтах сражений вплоть до октября 1917 г. и оказавшись в дальнейшем в эпицентре Гражданской войны, терское казачество и «дикая дивизия» вольно или невольно оказали значительное влияние на изменение политического устройства страны и ситуации на Северном Кавказе, в частности.

По воспоминаниям Н.Н. Брешко-Брешковского, Ингушский и Черкесский полки под командой А.В. Гагарина беспрепятственно дошли до Смольного: «Кучи солдат <...> кидались в первую попавшуюся подворотню <...> с криком: “Черкессы пришли!”»⁵⁰, но, вынуждены были повернуть обратно, в Гатчину. Д.П. Баграцион и А.Ф. Керенский, по мнению Н.Н. Брешко-Брешковского, считали, что «чем будет дальше (дикая дивизия), тем лучше для завоеваний революции»⁵¹. Н.Н. Брешко-Брешковский писал:

Туземцы проехали эшелонами своими в северо-восточном направлении всё взбаламученное море сумбурного российского лихолетья. Все это им было чуждо, как чужда была сама Россия. Ее горцы не знали и не понимали. Для них была Россия, куда был царь, которому они присягали <...> И когда не стало царя, рухнула и власть, коей они подчинялись⁵².

⁴⁶ Именные высочайшие Указы правительствующему Сенату. 18 июля 1914 г. Николай // Русское военное обозрение. 1914. № 11. С. 199–201.

⁴⁷ От управления воинской повинности // Русское военное обозрение. 1914. № 11. С. 212–213.

⁴⁸ «Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина Е.В. Тумиловича // Первая мировая: взгляд из окопа. М.; СПб., 2014. С. 77, 129–137.

⁴⁹ Марков А.Л. В Ингушском Конном Полку // Военная Быль. Париж, 1957. № 22–25 // Читалка [сайт]. URL: https://4italka.su/nauka_obrazovanie/istoriya/162482/fulltext.htm (дата обращения: 10.01.2024).

⁵⁰ Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. Роман в 2-х частях. Рига, 1920-е годы. С. 118.

⁵¹ Там же. С. 126.

⁵² Там же.

Выводы

Таким образом, влияние Первой мировой войны на жителей Терской области можно рассматривать в контексте антропологических и социально-экономических факторов. Во-первых, война оказала негативное влияние на социально-экономическое развитие области, что выразалось в падении доходности капиталов, сокращении людских ресурсов, упадке ведущих отраслей, включая нефтяную, сокращении транспортных магистралей. С другой стороны, война способствовала перераспределению форм собственности – от многообразной самостоятельности (станичной, сельской, городской, «туземной» и др.) – к единству и единоначалию, т.е. преобладанию казенной (государственной) собственности. Тем самым значительно усилилось влияние государства на происходившие на Северном Кавказе процессы.

Во-вторых, сокращение посевных площадей, коннозаводского хозяйства приводило к перераспределению структуры экономики области – на первый план выходит лесоперерабатывающая промышленность. Позитивными изменениям можно считать развитие лечебного дела в регионе, использование местных минеральных вод. Данный аспект изменил структуру занятости местного населения, что вело, в свою очередь, к дестабилизации социальной ситуации в области.

В-третьих, представители власти использовали потенциал Терской области для разрешения социально-экономического кризиса в стране: будь то добыча полезных ископаемых, обеспечение фронта продовольствием и трудовыми ресурсами, пополнение армии офицерами и солдатами. При этом местное население старалось сохранить самостоятельность и независимость от центральной власти. Этому способствовало усиление хаоса в экономике и управлении государством в условиях продолжавшейся Первой мировой войны. Политические изменения 1917–1918 гг. привели к новому витку противостояния, отягощенному оформлением социальной пропасти между коренным «туземным», пришлым населением и терским казачеством.

В-четвертых, участие «дикой дивизии» на фронтах Первой мировой войны показало процессы, связанные с сохранением единой коллективной идентичности горных народов, в ряде случаев, в противовес государственной политике. Данный фактор осложнялся противостоянием между «красными» и «белыми» периода Гражданской войны.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.01.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.03.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 30.08.2024

References

- Arsanukaeva, M.S. “Natsionalnye formirovaniia narodov Kavkaza v pervoi mirovoi voine (1914–1918 gg.) [National formations of the peoples of the Caucasus in the First World War (1914–1918)].” *Yuridicheskie nauki*, no. 2 (2014): 5–11 (in Russian).
- Arsenev, A. “Kavkazskaia Tuzemnaia Konnaya Diviziya [Caucasian Native Cavalry Division].” *Voeno-istoricheskii vestnik*, no. 12 (1958): 67–78 (in Russian).
- Assman, A. *Dlinnaia ten proshlogo: Memorialnaia kultura i istoricheskaia politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical policy]. Moscow: New Literary Review Publ., 2014 (in Russian).
- Assman, A. *Evropeiskaia mechta. Pereizobretenie natsii*. [The European Dream. Reinvention of the nation]. Moscow: New Literary Review Publ., 2022 (in Russian).
- Atabiev, Kh.A. “The Tersk region during the First World War”. PhD diss., North Ossetian State University, 2016 (in Russian).
- Breshko-Breshkovskii, N.N. *Dikaia diviziia* [Wild Division]. Riga: Mir Publ., 1920 (in Russian).
- Brode, F. *Materialnaia civilizaciia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material civilization, economics and capitalism, XV – XVIII centuries]. Moscow: Alma Matter Publ., 2022 (in Russian).

- Denikin, A.I. *Ocherki russkoi smuty. Polnoe izdanie v odnom tome*. [Essays on the Russian Troubles. The complete edition in one volume]. Moscow: Alfa-kniga Publ., 2020 (in Russian).
- Dyullen, S. *Uplotnenie granits: K istokam sovetskoi politiki. 1920–1940* [Towards the Origins of Soviet Politics. 1920–1940s]. Moscow: New Literary Review Publ., 2019 (in Russian).
- Khodarkovskii, M. *Gorkii vybor: vernost i predatelstvo v epokhu rossiiskogo zavoevaniia Severnogo Kavkaza* [Gorky's choice: loyalty and betrayal in the era of the Russian conquest of the North Caucasus]. Moscow: New Literary Review Publ., 2016 (in Russian).
- Kornienko, T.A. “The social daily life of the population of the North Caucasus during the First World War (August 1914 – February 1917),” PhD diss., Armavir University, 2001 (in Russian).
- Lor, E. *Rossiiskoe grazhdanstvo: ot imperii k Sovetskomu Soiuзу* [Russian citizenship: from the Empire to the Soviet Union]. Moscow: New Literary Review Publ., 2017 (in Russian).
- Markov, A.L. “V Ingushskom Konnom Polku [In the Ingush Cavalry Regiment].” *Voenmaia Byl*, no. 22–25 (1957), (in Russian), https://4italka.su/nauka_obrazovanie/istoriya/162482/fulltext.htm
- Marzoev, I.T., Kazakov, A.V., and Kazakov, K.A. *Pervaia mirovaia i Grazhdanskaia voiny v sudbakh predstavitelei narodov Severnogo Kavkaza: uchastniki i voinskie formirovaniia (k 100-letiiu nachala Grazhdanskoi voiny v Rossii)* [The First World War and the Civil War in the destinies of representatives of the peoples of the North Caucasus: participants and military formations (on the 100th anniversary of the beginning of the Civil War in Russia)]. Vladikavkaz: SOIGSI VNCz RAN Publ., 2018 (in Russian).
- Opryshko, O.L. *Kabardintsy i balkartsy v sostave Kabardinskogo konnogo polka v Pervoi mirovoi voine 1914–1918 gg.* [Kabardins and Balkars as part of the Kabardian Cavalry Regiment in the First World War 1914–1918]. Nalchik: KBIGI Publ., 2014 (in Russian).
- Opryshko, O.L. *Kavkazskaia konnaia diviziya, 1914–1917: Vozvrashchenie iz zabvenii* [Caucasian Cavalry Division, 1914–1917: Return from oblivion]. Nalchik: Elbrus Publ., 1999 (in Russian).
- Pain, E.A. *Etnichnost, natsiia i politika: kriticheskie ocherki po etnopolitologii*. [Ethnicity, Nation and Politics: Critical essays on ethnopolitology]. Moscow: New Literary Review Publ., 2023 (in Russian).
- Salikhova, L.B. “Kabardian Cavalry Regiment during the First World War.” *Bulletin of the Institute of IAE*, no. 3 (2014): 90–93 (in Russian), <https://doi.org/10.32653/CH10390-93>
- Soobczokova, N.I. *Neustrashimaia i legendarnaia Kavkazskaia musulmanskaia konnaia diviziia. Pervaia mirovaia voina 1914–1917 gg.* [The fearless and legendary Caucasian Muslim Mounted Division. The First World War of 1914–1917]. Maykop: Poligraf-YuG Publ., 2018 (in Russian).
- Telicyn, V.L. *Dikaia diviziia: sbornik materialov* [Wild Division: A Collection of Materials]. Moscow: Mamont Publ., 2006 (in Russian).
- Venkov, A.V., and Mamsirov, Kh.B. “The Caucasian Native Cavalry Division and its commander Prince Mikhail Alexandrovich during the First World War.” *North Caucasus region. Social sciences*, no. 5 (2014): 38–45 (in Russian).
- Zaseev, G.A. “Terskiye vedomosti” on mobilization measures in the Tersk region at the beginning of the First World War”. *Vserossiiskie Millerovskie chteniya*, no. 6 (2018): 314–317 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Мария Александровна Пономарева, доктор исторических наук, доцент, директор Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет; Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42; ponomariya@sfedu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8135-3067>; SPIN: 1030-7298.

Maria Alexandrovna Ponomareva, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Director of the Institute of History and International Relations of the Southern Federal University; 105/42, B. Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia; ponomariya@sfedu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8135-3067>; SPIN: 1030-7298.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-427-440>
EDN: PIMMLG

Научная статья / Research article

Патриотическая мобилизация православных епархий Северо-Западного края России в годы Первой мировой войны (август 1914 – начало 1917 г.)

Александр Юрьевич Бендин

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
bendin26256@yandex.by

Аннотация: Рассматриваются вопросы создания и функционирования механизма мобилизации институтов и средств православных епархий Северо-Западного края России для оказания помощи воюющей армии, нуждам тыла и беженцам в период от начала войны и до падения монархии. В статье анализируются особенности положения Русской православной церкви в епархиях Северо-Западного края. Эти особенности были обусловлены напряженными отношениями западнорусских православных с польским католичеством, что находило свое проявление в религиозно-этнических конфликтах и противоречиях. Исследуется процесс создания епархиальных механизмов помощи армии и тылу, которые были основаны сверху, на иерархически устроенной системе церковной власти и дисциплины, и снизу, на патриотической инициативе западнорусского духовенства, монашествующих и мирян в церковных учреждениях, институтах и православных братствах. В статье анализируются перемены, которые происходили в религиозно-нравственном состоянии западнорусской паствы под воздействием близости Западного фронта и социальных изменений в тылу. Автор приходит к выводу, что в западнорусских епархиях Русской православной церкви в годы войны в результате патриотической мобилизации сформировалась своеобразная военная «симфония» Церкви и государства, в основу которой были положены общие идейно-религиозные и национально-патриотические ценности защиты царя и Отечества.

Ключевые слова: Вторая Отечественная война, история Русской православной церкви, западнорусские епархии, духовенство, церковные учреждения и институты, православные братства

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 24-18-00294). Название проекта: «„Русский мир“ и „русская земля“: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в.». Руководитель А.Э. Котов.

Для цитирования: Бендин А.Ю. Патриотическая мобилизация православных епархий Северо-Западного края России в годы Первой мировой войны (август 1914 – начало 1917 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 427–440. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-427-440>

Patriotic Mobilization of Orthodox Dioceses of the North-West Territory of Russia during the First World War (August 1914 – Early 1917)

Alexander Yu. Bendin

Belarusian State University, Minsk, Belarus
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
bendin26256@yandex.by

Abstract: The author examines the issues of the creation and functioning of the mobilization mechanism of institutions and resources of the Orthodox dioceses of the North-West Territory of Russia to provide assistance to the Imperial Russian Army, and to meet the needs of the rear and refugees in the

© Бендин А.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

period from the beginning of the war to the fall of the monarchy. The article analyzes the peculiarities of the position of the Russian Orthodox Church in the dioceses of specifically the North-West Territory of Imperial Russia. These peculiarities were due to the tense relations of the Western Russian Orthodox people with Polish Catholicism, which manifested itself in religious and ethnic conflicts and contradictions within the area. The article examines the process of creation of diocesan mechanisms of assistance to the army and the rear, which were based on above on the hierarchically organized system of church authority and discipline, and from below on the patriotic initiative of the Western Russian clergy, monastics, and laity in church institutions and Orthodox brotherhoods. The article analyzes the changes that occurred in the religious and moral state of the Western Russian flock under the influence of the proximity of the Western Front, along social changes in the rear. The author comes to the conclusion that during the war years as a result of patriotic mobilization in the Western Russian dioceses of the Russian Orthodox Church, a kind of military "alliance" was formed between of the Church and the state which was based on common ideological-religious and national-patriotic values of protecting the tsar and the Fatherland.

Keywords: The Second Patriotic War, history of the Russian Orthodox Church, Western Russian dioceses, clergy, church institutions and institutes, Orthodox brotherhoods

Acknowledgements and Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00294). Project title: "The "Russian World" and the "Russian Land": Historical and Socio-Political Aspects of the Problem of National Identity in the Publicistic Discourse of the Mid-19th – Early 20th Centuries." Supervised by A.E. Kotov.

For citation: Bendin, A.Yu. "Patriotic Mobilization of Orthodox Dioceses of the North-West Territory of Russia during the First World War (August 1914 – Early 1917)." *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 427–440 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-427-440>

Введение

Актуальность. В последнее десятилетие в связи со столетием начала и завершения Первой мировой войны изучение событий этой эпохи как на фронте, так и в тылу, приобретает все больший общественный и научный интерес. Начавшаяся Великая война внесла существенные изменения в церковную жизнь западнорусского духовенства и его паствы, вызвав проблемы принципиально иного, чрезвычайного характера, которые пришлось решать в условиях приближения боевых действий, отступления Русской армии, массового беженства, эвакуации и последовавшей затем стабилизации Западного фронта.

Степень изученности проблемы. Отечественная историография о роли Русской православной церкви в Первой мировой войне весьма обширна. Уже в годы войны появились первые работы, которые содержали описание опыта служения православной иерархии, духовенства и монашества насущным нуждам военного времени, практическим и религиозным¹. К столетнему юбилею Первой мировой войны появился ряд публикаций российских исследователей о различных аспектах и проблемах церковного, общественного и государственного служения духовенства в период военных испытаний 1914–1917 гг.²

В них исследуется опыт патриотического служения духовенства и монашества, а также религиозно-нравственное состояние и социально-политические настроения мирян в условиях обширного и глубокого тыла, который представляла собой центральная Россия и ее восточные губернии. Существенно менее исследованным, а значит, по-прежнему актуальным остается изучение феномена социально-церковной жизни прифронтовой полосы и ближнего тыла действующей Русской армии на Северо-

¹ Рункевич С.Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Исторические очерки. Книга первая. Распоряжения и действия Святейшего синода в 1914–1915 гг. Пг., 1916.

² Леонтьева Т.Г. Православное духовенство в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 104–119; Борищукова Е.Д. Патриотическая деятельность Православной церкви в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2014. № 172. С. 67–73.

Западном и Западном фронтах, в частности, в губерниях Северо-Западного края России, куда входили епархии – Литовская, Гродненская, Полоцкая, Минская и Могилевская³.

На этих территориях, частично оккупированных германскими войсками в 1915 г., феномен социально-церковной жизни имел свои отличительные особенности не только в силу военного положения, близости фронта и его продвижения на восток. До войны для Западной России были характерны религиозно-этнические конфликты и противоречия, в первую очередь, между православными, принадлежавшими к «русской вере», и католиками, исповадевавшими «польскую веру», а также между христианами и иудеями, католиками польскими и литовскими⁴.

Ответственность за соблюдение церковных правил, солидарность с монархией, поддержание патриотизма духовенства и мирян, а также выполнение решений Святейшего синода о различных формах содействия воюющей армии, семьям мобилизованных, раненым и беженцам была возложена на правящих епархиальных архиереев. В связи с этим появляется новый ракурс видения феномена социально-церковной жизни в епархиях Северо-Западного края, представленный правящими архиереями Русской церкви и официальными «епархиальными ведомостями». Возникает проблема понимания перемен, происходивших в церковной жизни западнорусских епархий под непосредственным воздействием военных действий в ближнем тылу Северо-Западного, а затем Западного фронтов, которое было характерно для западнорусской иерархии и духовенства в период от начала войны и до падения императорской власти.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основании анализа отчетов Синоду западнорусских архиереев и материалов «епархиальных ведомостей» определить особенности оценок и представлений иерархов и официальной церковной прессы о войне и миссии Русской православной церкви в этот период, о церковном, государственном и общественном служении духовенства, монашества и мирян, а также о религиозно-нравственном состоянии и социально-политических настроениях православной паствы.

Источниковая база. Источниковую основу работы составили материалы периодической церковной прессы. В региональных церковных изданиях Северо-Западного края России (епархиальные ведомости Литовской, Гродненской, Минской, Полоцкой и Могилевской епархий, Вестник православного Виленского свято-Духовского братства) в официальных и неофициальных разделах содержатся не только данные о различных формах патриотического служения в епархиях, но и представлены взгляды духовенства и мирян на события военного времени. В свою очередь, видение состояния и проблем епархиальной жизни во время войны правящими архиереями изложено в ежегодных отчетах Синоду, хранящихся в фонде канцелярии Синода (Ф. 796) Российского государственного исторического архива.

Деятельность Святейшего Синода Русской православной церкви по мобилизации церковных ресурсов на военные нужды

1 августа (19 июля по старому стилю) 1914 г. Россия вступила в войну с Германией, а 20 июля император Николай II обратился с манифестом к своим подданным. В нем говорилось:

С глубокой верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска наши Божие благословение⁵.

³ Щеглов Г., иерей. Первый Серафимовский. История одного лазарета в событиях и лицах (1914–1918). Минск, 2014; Пашков Н., иерей. Православная и Римско-Католическая Церковь на территории Беларуси в 1914–1917 гг.: на пути к Февралю // Богослов [сайт]. URL: <https://bogoslav.ru/article/5338800> (дата обращения: 25.02.2024).

⁴ Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914). Минск, 2010.

⁵ Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914 года с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Вильна, 1915. С. 13–14.

Святейший Синод на заседании 20 июля принял Определение № 6502, в котором сообщалось об обнаружении манифеста государя-императора в церквях и совершения при этом молебствия ко Господу Богу о даровании победы российскому воинству. Синод обратился к православному духовенству с особым призывом, чтобы в своих поучениях оно направляло свою паству к содействию государству в деле обеспечения победы над врагом и содействию тем, кто потерпел урон от войны. Синод призывал монастыри, церкви и православную паству к пожертвованиям на лечение раненых и больных воинов.

Предписывалось также установить во всех церквях особые кружки для сбора пожертвований в пользу Красного креста и семей, пострадавших от войны. Синод призывал монастыри, общины и все духовные учреждения к подготовке свободных помещений для устройства и содержания госпиталей. Мужские и женские монастыри и общины призывались к поиску и подготовке лиц, способных ухаживать за ранеными и больными воинами как в самих обителях, так и в учреждениях Красного креста. Синод обращался ко всем православным с призывом следовать заповеди Христовой о братской любви к ближним и проявить особую заботу о духовной и материальной поддержке жен и детей солдат, мобилизованных на войну⁶.

Предписываемые Святейшим Синодом попечения о семьях лиц, призванных на военную службу, не имели соответствующей приходской организационной структуры. Необходимо было создать специализированный церковный институт, который бы взял на себя организацию помощи семьям мобилизованных воинов. В связи с этим Синод поручал епархиальным архиереям сделать распоряжение о немедленном образовании в каждом приходе особых попечительных советов, которые должны были заниматься организацией помощи семьям солдат, призванных на войну⁷.

В тот же день, 20 июля, Святейшим Синодом был составлен текст синодального послания «К чадам Православной Российской Церкви», в котором содержались призывы: к воинам – идти с Богом на поле брани и явить воинскую доблесть, искони присущую русскому воину; к братьям и сестрам во Христе – быть готовыми принести все жертвы, которые потребует защита Веры и Родины; к архипастырям и пастырям – ободрять паству, укреплять в вере, охранять от соблазнов, направлять жизнь по заповедям Божиим, поддерживать в народе любовь к Церкви, Царю и Родине, и непрестанно молиться о том, чтобы Господь послал силу и крепость Царю и его воинству. Определение и послание Святейшего Синода было опубликовано в Церковных ведомостях, издаваемых при Святейшем Правительствующем Синоде⁸.

Документы, принятые Синодом и обращенные к иерархии, духовенству и пастве Русской православной церкви, представляли собой церковную интерпретацию Манифестов императора Николая II о начале войны с Германией и Австро-Венгрией⁹. Изданные императором Манифесты стали средством легитимации решения верховной государственной власти о вступлении России в войну, а также политическим, идейным и религиозным обоснованием справедливого характера этой войны, неожиданно принявшей общеевропейский, а затем и небывалый до того мировой масштаб¹⁰. Религиозно-политический язык манифестов, на который традиционно опиралась российская монархия, обосновывал мотивацию, необходимую для защиты Отечества, и определял ценностно-идеологическую основу для

⁶ Рункевич С.Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Исторические очерки. Книга первая. Распоряжения и действия Святейшего синода в 1914–1915 гг. Пг., 1916. С. 17–21.

⁷ Церковные ведомости. 1914. № 30. С. 349–350.

⁸ Там же. С. 346–347.

⁹ Там же. № 31. С. 357–360.

¹⁰ Соловьев К.А. Библейские аллюзии в Высочайшем манифесте от 26 июля 1914 г. // Христианское чтение. 2014. № 4. С. 171–179.

общенационального согласия и доверия государству и монарху в чрезвычайной ситуации войны.

Синод же, обладавший высшей духовной властью в церкви – законодательной, исполнительной и судебной, использовал те же библейские аллюзии и апелляцию к защите национальных и религиозных ценностей, как и авторы высочайших Манифестов, не только для церковной легитимации справедливости войны, оборонительной для России. Благодаря церковной санкции вооруженной защите Отечества придавался священный характер, что давало основание определять ее как Вторую Отечественную войну¹¹.

Совместное обращение к религиозно-национальным ценностям, библейским аллюзиям и евангельскому завету «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13) было призвано усилить общенациональный мобилизационный эффект государственных и церковных манифестов и посланий к поданным империи. В начавшейся войне, которая стала экзистенциальным испытанием для Российского государства и общества, институт монархии и церкви объединяли общая вера, система христианских ценностей, традиции и цели защиты Отечества¹². По мере появления новых врагов России, вступавших с ней в «войну народов», монархия, следуя симфонической византийско-русской традиции, призвала на помощь государству, армии и тылу прежде всего церковь, которая объединяла большой русский народ – великорусов, белорусов и малороссов, составлявших абсолютное большинство населения империи¹³.

С вступлением в войну против России Австро-Венгрии, Турции и Болгарии окончательно сформировался блок государств – Четверной союз врагов России на всех театрах военных действий от восточноевропейских рубежей до Закавказья, от Балтийского моря до Черного. За это время сформировалось и было провозглашено общее идейно-политическое и религиозное отношение верховной власти и церкви к характеру и целям войны, определены мотивы и ценности, которые были призваны побуждать к защите Отечества подданных всех сословий, этнических групп и конфессий.

Определились и основные направления деятельности Святейшего Синода как высшего управленческого центра Русской православной церкви по организации в подведомственных епархиях различных форм помощи фронту, армии и тылу, а также взаимодействию церковных учреждений и институтов с общественными организациями – Красным крестом и др. С этого времени война как социально-политическое явление стала неотъемлемой частью епархиальной жизни. Однако в епархиях Северо-Западного края России идейно-патриотическое служение Русской православной церкви имело свои региональные особенности.

Создание и функционирование механизма патриотической мобилизации церковных институтов и средств в епархиях Северо-Западного края России

С началом войны губернии Северо-Западного края, в частности Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Гомельский уезд Могилевской губернии, были объявлены на военном положении. Затем последовал высочайший указ о призыве на действительную службу нижних чинов запаса армии и флота, офицерских и классных чинов запаса армии и флота, а также ратников ополчения

¹¹ Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. 1914. № 15–16. С. 334.

¹² Участие православных воинов в защите Российского государства Святейший Синод Русской православной церкви рассматривал как богоугодное и праведное дело, которое опиралось на византийское церковное наследие. См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. VIII. Война и мир // Патриархия [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 27.02.2024).

¹³ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 24.

1-го разряда, назначенных на пополнение постоянных войск и для формирования ополченческих частей в ряде губерний Российской империи¹⁴.

Для православного духовенства епархий Северо-Западного края реальность войны, потребовавшая конкретных действий Синода и правящей иерархии, пришла, в первую очередь, со страниц светской прессы и «епархиальных ведомостей». Идеям справедливой войны как второй Отечественной, которые транслировала западнорусская церковная пресса, пришлось пройти суровую проверку испытаниями, которые принесла близость Северо-Западного фронта и церковная мобилизация.

В своем ежегодном отчете Святейшему Синоду о состоянии Литовской епархии за первый военный 1914 г. архиепископ Тихон (Беллавин) сообщал о том, как происходила патриотическая мобилизация церковных ресурсов в Литовской епархии «в настоящую переживаемую тяжелую годину великой Отечественной войны»¹⁵.

В отчете говорилось, что при первом же известии о вторжении в пределы России немецких войск в г. Вильне – центре Литовской епархии состоялось собрание городского духовенства, на котором было принято решение открыть при Правлении епархиальной вспомогательной кассы Комитет для сбора пожертвований на нужды войны как от духовенства церквей г. Вильны и служащих в учреждениях духовного ведомства (консисто́рия, училища), так и причтов иногородних и сельских церквей и монастырей епархии. Созданный Комитет начал работу по сбору пожертвований среди духовенства и учреждений духовного ведомства в пользу семейств запасных нижних чинов, направляя денежные суммы по назначению.

Кроме денежных пожертвований со стороны городского и сельского духовенства, в Комитет присылались щедрые пожертвования из приходов епархий постельным бельем, подушками, тканями, теплыми вещами и проч. По сообщению архиепископа, в Литовской епархии было создано 138 попечительных приходских советов, которые занимались сбором средств на поддержку семей мобилизованных солдат. С помощью средств, собранных Комитетом, в виленском лазарете Красного креста была организована палата «имени православного духовенства Литовской епархии»¹⁶.

Патриотическая мобилизация церковных институтов и средств, инициированная Святейшим Синодом, а затем и правящими епархиальными архиереями, получила широкую поддержку снизу среди духовенства и мирян Северо-Западного края России. Епископ Могилевский и Мстиславский Константин (Булычев) 31 июля 1914 г. (ст. ст.) обратился к духовенству Могилевской епархии с предложением немедленно образовать во всех приходах особые попечительные советы для помощи семьям лиц, находившихся в войсках¹⁷.

Духовенство и миряне Могилевской епархии развернули энергичную деятельность по сбору и заготовке белья и носильных вещей для нужд действующей армии, за что были удостоены высочайшей похвалы императора Николая II, написавшего по этому поводу: «Сердечно тронут и благодарен». Постоянно находясь в Могилеве с 23 августа 1915 г. (ст. ст.) император и в дальнейшем неоднократно выказывал благодарность духовенству, монашествующим и прихожанам Могилевской епархии за их «верноподданнические лепты на военные нужды»¹⁸.

¹⁴ *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914 года с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Вильна, 1915. С. 15–16, 40–42; *Смолянинов М.М.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. 2-е изд., доп. Минск, 2018. С. 14–36.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2647. Л. 6.

¹⁶ Там же. Л. 18–19.

¹⁷ Могилевские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1914. № 15. С. 220–221; Могилевские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1915. № 3. С. 41–42.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2711. Л. 1–4; Могилевские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1916. № 1. С. 1.

Минская духовная консистория под председательством епископа Минского и Туровского Митрофана (Краснопольского) и епископа Слуцкого Феофилакта (Клементьева) приняла решение о создании при епархиальном Свято-Николаевском братстве центрального епархиального попечительного совета для объединения, согласования и руководства всеми приходскими попечительными советами. Задачи совета заключались в организации централизованного сбора епархиальных средств, поступавших на нужды семейств воинов, мобилизованных на войну.

В свою очередь, служащие духовной консистории, духовенство г. Минска и ряда благочиний Минской епархии приняли решение об ежемесячном отчислении от 1 до 3 процентов своего жалования в пользу семейств нижних чинов, призванных в действующую армию. Пожертвования, поступающие от отдельных приходов для больных и раненых воинов, направлялись лазаретам минской общины Красного Креста и в Центральный епархиальный попечительный совет. В здании Минской духовной семинарии на средства духовенства епархии был открыт лазарет для раненых воинов. Пожертвования на содержание лазарета присылались на адрес минского православного Свято-Николаевского братства¹⁹.

По распоряжению епископа Полоцкого и Витебского Иннокентия (Ястребова) в г. Витебске с началом войны была создана распорядительная комиссия по обслуживанию духовных нужд больных и раненых воинов, находящихся в витебских лазаретах. В соответствии с решениями комиссии были определены группы духовенства для совершения богослужений, ведения духовно-нравственных чтений и бесед, напутствия больных и совершения погребений умерших²⁰.

В это же время духовенство невеличких благочиний Полоцкой епархии выступило с инициативой помощи раненым и больным воинам, предложив выделить церковные средства для госпиталей г. Неvelя²¹. Инициатива была поддержана Полоцким епархиальным съездом духовенства и церковных старост, на котором 8 октября 1914 г. (ст. ст.) было принято решение об открытии в г. Витебске на средства духовенства и церковью епархии Епархиального лазарета на 25 кроватей. Съезд обратился к императору Николаю II с выражением «верноподданнических чувств беспредельной и самоотверженной преданности возлюбленному монарху и дорогой Родине»²².

Гродненская епархия, как и Литовская, с началом войны оказалась вблизи театра военных действий, что сразу же поставило перед губернской и церковной администрацией задачу организации помощи раненым и беженцам²³. Духовенство епархии, управляемой архиепископом Михаилом (Ермаковым), по призыву своего архипастыря послужить страждущим воинам и их семьям, начало сбор пожертвований в пользу Всероссийского общества Красного Креста, которое оказывало помощь больным и раненым воинам, а также в пользу воинского благотворительного общества Белого Креста для помощи вдовам и сиротам погибших военных. Собранные деньги направлялись в консисторию для отсылки по назначению. Пожертвования духовенства Гродненской епархии направлялись также и на имя императора и императрицы Александры Федоровны²⁴.

¹⁹ Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1914. № 16. С. 316–319; Минские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1914. № 17. С. 275–276; Минские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1915. № 16. С. 238–239.

²⁰ Полоцкие епархиальные ведомости. 1914. № 37. С. 409–415.

²¹ Там же. № 39. С. 436–438.

²² Там же. № 42. С. 448–452.

²³ Черепица В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Минск, 2009.

²⁴ Гродненские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1915. № 17–18. С. 141.

Особую активность в «святом и великом деле благотворения» проявило духовенство, церковнослужители, братства, учителя церковно-приходских школ Кобринского и Полесского благочиний, обеспечивших обильный приток пожертвованных деньгами и бельем, поступавшими от приходов, а также отчислением 5 % от ежемесячного жалования на содержание кроватей «имени духовенства Кобринского уезда» в Кобринском военном лазарете²⁵.

Западнорусское духовенство и его архипастыри не только проповедовали с церковных кафедр необходимость защиты Отечества и царя, призывали к жертвованиям и трудам на нужды войны, но и сами являли пример в деле широкой благотворительности. Почин духовенства, деятельно и энергично отозвавшегося на призывы своих архипастырей, на протяжении военных действий потребовал немалых финансовых и материальных затрат, включая и внутренние займы военного времени, в которых участвовало духовенство²⁶. Однако, несмотря на резкое ухудшение материальных условий существования, тяготы и опасности войны, особенно в прифронтовой полосе, испытания беженством и эвакуацией, западнорусское духовенство продолжало безропотно выполнять свой религиозный и гражданский долг перед Русской церковью, Россией и монархией²⁷.

Почин приходского духовенства о добровольном сборе денежных взносов для содержания госпитальных коек для раненых воинов в лазаретах, устраиваемых обществом Красного креста, поддержали насельники и насельницы западнорусских монастырей. Так, в кельях виленского женского монастыря Марии-Магдалины, управляемого монахиней Верой (Потапенко), на монастырские средства был открыт лазарет на 15 кроватей, обслуживаемый монахинями. В качестве сестер милосердия служили также десять послушниц монастыря²⁸. Кроме того, из Литовской епархии семеро иеромонахов было откомандировано для исполнения пастырских обязанностей в подвижные армейские госпитали²⁹.

Настоятельница минского женского Преображенского монастыря игуменья Валентина выделила отдельный дом в стенах монастырской ограды, приспособленный для организации лазарета на 20–25 кроватей. На покрытие расходов по содержанию лазарета стали поступать пожертвования от архиерейского дома, минского Свято-Духова монастыря, пинского Свято-Богоявленского и ляданского Свято-Благовещенского монастырей, а также от наиболее богатых церковей епархии³⁰.

Значительные денежные средства на нужды военного времени пожертвовали монастыри Могилевской и Полоцкой епархий³¹. Стоит особо отметить патриотическое служение монастырей Гродненской епархии Русской православной церкви. Например, братия гродненского Борисо-Глебского монастыря с самого начала войны постановила отчислять на нужды больных и раненых воинов 2 % из своего ежемесячного содержания. В монастырской трапезной была организована большая бесплатная чайная для находившихся в районе Гродненской крепости и проходивших через Гродно войск.

Жириковичский Свято-Успенский монастырь предоставил бесплатный приют многим беженцам из пограничных местностей, вынужденных по обстоятельствам военно-

²⁵ Гродненские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1914. № 36–37. С. 375–379; Там же. № 38–39. С. 467–468.

²⁶ Полоцкие епархиальные ведомости. 1915. № 45–46. С. 2–3.

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2755. Л. 8 об.; Д. 2647. Л. 13 об.; Д. 2633. Л. 27, 29 об.; Минские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1916. № 16. С. 200–201.

²⁸ Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. 1914. № 17. С. 371.

²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2647. Л. 7.

³⁰ Приложение к № 17 официальной части Минских епархиальных ведомостей за 1914 г. С. 1–3.

³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2711. Л. 17.

го времени покинуть свои жилища. Кроме того, из братских доходов было пожертвовано 100 руб. на раненых и больных воинов. Двое иеромонахов были направлены на театр военных действий, а четыре послушника были призваны в армию³².

С началом войны с Германией комендант Гродненской крепости, в районе действий которой находился красностокский Свято-Богородичный женский монастырь, потребовал от игуменьи Елены (Коноваловой) эвакуации из Красностока детей из школы и приюта, а также сестер монастыря. Через неделю в Москву было отправлено 11 вагонов с детьми и сестрами, а также ценным монастырским имуществом. Сюда же были отправлены древняя Красностокская чудотворная икона Божией Матери и чтимая Владимирская икона Божией Матери. Около ста монахинь и послушниц монастыря во главе с игуменьей Еленой переехали в Гродно. Местное отделение Красного креста направило 10 сестер в Гродно в госпиталь добровольного санитарного отряда и 20 сестер в Москву, в лазарет, устроенный братством Царицы Небесной. В разгар военных действий в районе Красностока в обители размещалось несколько полевых госпиталей, которым монастырь предоставлял помещение и кровати с бельем, медикаменты и продовольствие³³.

Активно включились в работу по организации помощи действующей армии и западнорусские православные братства, которые после указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. выросли как численно, так и экономически³⁴. Одним из первых на царский манифест о войне с Германией отозвалось гродненское Софийское православное братство, находившееся под покровительством государя императора, которое обратилось к своим членам с призывом оказать помощь семьям воинов, ушедших на фронт. В свою очередь, и виленское Свято-Духовское братство, почетным членом которого был император Николай II, призвало духовенство и мирян к оказанию помощи семьям воинов, мобилизованных на войну³⁵. Поддержали призыв ведущих западнорусских братств и остальные православные братства епархий Северо-Западного края.

Посильную помощь действующей армии и раненым воинам оказывали учителя и учащиеся церковно-приходских школ, которые собирали одежду, белье, продукты питания, подарки и денежные пожертвования³⁶.

Религиозно-нравственное состояние, настроения и социальные практики духовенства и мирян в период военных испытаний

Тяжелым для духовенства и мирян Литовской и Гродненской епархий Русской православной церкви стал 1915 г. – время «Великого отступления» русской армии на широком фронте от Балтики до Галиции. В Северо-Западном крае в начале августа 1915 г. немцы взяли Ковну. Русская армия, отступая с тяжелыми боями, была вынуждена оставить Варшаву, Брест, Гродно и Вильну³⁷. Отступление повлекло за собой огромный поток беженцев и эвакуацию государственных, общественных и церковных учреждений Привислинского края, Ковенской, Виленской и Гродненской губерний. Средоточием постоянно прибывающей массы беженцев

³² РГИА. Ф 796. Оп. 442. Д. 2633. Л. 15.

³³ Гродненские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1914. № 34–35. С. 265; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2633. Л. 21–23.

³⁴ *Миловидов А.И.* Западнорусские православные братства, их современное значение и задачи. Вильна, 1913.

³⁵ Гродненские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1914. № 30–31. С. 403–405; Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. 1914. № 15–16. С. 334–337.

³⁶ Могилевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1916. № 8–9. С. 142–144; Могилевские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1916. № 13. С. 167.

³⁷ *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей. М., 2014. С. 225, 260, 265.

стал Северо-Западный край, через территорию которого осуществлялось их перемещение во внутренние губернии России³⁸.

В потоке беженцев и эвакуированных, двигавшихся на восток, находились и те, кто принадлежал к духовному сословию. Начался церковный исход из западных губерний. К концу августа 1915 г. германские войска оккупировали Гродненскую губернию, что, по словам архиепископа Михаила,

заставило почти все население губернии, особенно православное, покинуть родные места и бежать в глубину России, терпя при этом всевозможные бедствия³⁹.

Архиепископ Михаил и епископ Владимир, духовная консистория и епархиальные учреждения были эвакуированы в Москву, куда были вывезены и епархиальные святыни – рака с частицей мощей мученика младенца Гавриила Белостокского и Жировичская икона Божией Матери, помещенные в храм Василия Блаженного на Красной площади⁴⁰.

Вынуждены были покинуть Гродненскую епархию и насельницы Красностоцкого монастыря. Благодаря ходатайству великой княгини Елисаветы Феодоровны для помещения Красностоцкого монастыря был отведен Александринский дворец усадьбы Нескучное в Москве, в котором разместились 208 сестер. Главное внимание при эвакуации было обращено на вывоз монастырских святынь и колоколов. Чтимая копия чудотворной Красностоцкой иконы, наиболее ценная церковная утварь и ризница были также вывезены в Москву и помещены в домовой части дворца в Нескучном. Эвакуация духовенства, их семей, церковных святынь и епархиального имущества происходила в крайней спешке. Беженцы духовного сословия испытывали в пути нужду и тяжелые лишения⁴¹.

Трагедию беженства и эвакуации пришлось пережить духовенству и мирянам Литовской епархии. С падением Ковны началась спешная эвакуация семейств священнослужителей, причта, монашествующих и церковного имущества из Ковенской губернии. Затем, в связи с угрозой германского наступления, началась эвакуация учреждений духовного ведомства из Вильны, а вслед за ними стали выезжать семьи духовенства, причты и монашествующие Виленской губернии. 9 августа 1915 г. (ст. ст.) по благословению архиепископа Тихона в Москву, в Донской иконы Божией Матери монастырь были перевезены святыне мощи трех виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Литовская духовная консистория также эвакуировалась в Москву и была размещена в Даниловом монастыре. Архиепископ Тихон успел покинуть Вильну накануне занятия ее немцами. К концу августа враг занял территорию почти всей епархии, осталась свободной лишь часть Вилейского и Дисненского уездов Виленской губернии⁴².

В губерниях Северо-Западного края России – Полоцкой, Минской, Могилевской, территорию которых отстояла русская армия, Русская церковь расширила патриотическую мобилизацию, начав оказывать помощь беженцам не только ду-

³⁸ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М. 2014. С. 103–132; Корнелиук В.Г. Беженцы войны в белорусских губерниях и первый опыт государственной и общественной помощи беженцам (1914 – первая половина 1915 годов) // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 51–66; Саматыя В.Р. Проблема беженцев в Беларуси в годы Первой мировой войны // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 2. С. 71–74; Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). Т. 3. Минск, 1953. С. 790–791.

³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2695. Л. 1.

⁴⁰ Д.Н.Н. Михаил (Ермаков), митрополит Киевский и Галицкий // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 45. С. 631–634.

⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2695. Л. 1–5, 24.

⁴² Там же. Д. 2709. Л. 10–11.

ховного сословия, но и всем тем, кто вынужден был покинуть родные места в результате угрозы немецкой оккупации и принудительных мер по эвакуации. Святейший Синод решением, принятым 11 августа 1915 г. (ст. ст.), поручил епархиальным архиереям учредить особые епархиальные комитеты по устройству быта беженцев, предоставить, по возможности, епархиальные здания для эвакуированных учреждений духовного ведомства, причтов, духовных лиц и «всех вообще беженцев без различия народности и исповедания». Предлагалось также изыскать епархиальные и общественные средства для первоначальной помощи беженцам⁴³.

Меры, предпринятые архиереями Северо-Западного края совместно с губернской администрацией, земствами и общественными организациями, способствовали облегчению тяжелой участи лиц, вынужденно оставшихся без крова и пропитания. Могилевский архиепископ Константин так характеризовал положение беженцев, оказавшихся в Могилевской епархии:

В 1915 году чрез города и веси вверенной мне епархии проследовали тысячи беженцев из местностей, объятых военным пламенем. Тяжело и ужасно их положение. Оставив свой кров и уничтожив почти все свое достояние, дабы оно не досталось врагу, они принуждены были тащиться часто пешком вместе с детьми, со стариками, больными и калеками в холоде и голоде⁴⁴.

После получения распоряжения Синода архиепископом Константином был создан возглавляемый им особый епархиальный Комитет помощи беженцам. Комитет привлек к своей деятельности монастыри, духовенство, приходские попечительные советы, братства и приходы. Был организован сбор пожертвований со стороны духовенства, а также ежемесячный кружечный сбор в церквях для прихожан. В результате совместной деятельности Комитета, православных братств и земств при монастырях Могилевской епархии – Буйничском, Чонском, Бельничском и Барколабовском были организованы приюты для детей беженцев⁴⁵.

В Полоцкой епархии, возглавляемой епископом Кирионом (Садзаглишвили), был создан комитет по призрению беженцев духовного и светского звания, в пользу которого начали собираться добровольные пожертвования от духовенства и мирян⁴⁶.

В это же время для помощи беженцам, которые постоянно прибывали в Минск из губерний, захваченных наступающим врагом, по решению архиепископа Митрофана в помещениях минского женского Преображенского монастыря был устроен приют для детей. В свою очередь, минское православное Свято-Николаевское братство устроило приют для престарелых беженцев, организовав при помощи других общественных организаций более 20 школ для учебы и проживания нескольких тысяч детей-беженцев⁴⁷. Таким образом, западнорусские епархии в сложных условиях военного времени сумели мобилизовать дополнительные средства для оказания помощи беженцам и эвакуированным.

С началом военных действий произошли заметные перемены в религиозных настроениях западнорусской паствы. По отзывам епархиальных архиереев, крестьянское население стало усерднее посещать церкви, ища утешение в вере и молитве. Оно все чаще обращалось к духовным пастырям за церковным благословением и молитвенной помощью, молилось коленопреклоненно; многие из прихожан участвовали в клиросном пении и чтении. Религиозный подъем населения был вы-

⁴³ Церковные ведомости. 1915. № 33. С. 417–418.

⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2711. Л. 69 об.

⁴⁵ Могилевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1915. № 23. С. 662–666.

⁴⁶ Полоцкие епархиальные ведомости. 1915. № 45–46. С. 472.

⁴⁷ Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1915. № 19. С. 496; Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1916. № 7. С. 219.

зван также и тем, что солдаты, призванные на войну, в своих письмах домой просили близких молиться за них⁴⁸.

Не изменились религиозные настроения и в 1915 г., который был особенно тяжелым для Северо-Западного края и воюющей России. В отчете Синоду за 1915 г. архиепископ Могилевский Константин (Булычев) сообщал:

...о необычайном религиозном подъеме во всех слоях населения под влиянием ужасов этой беспримерной войны. Этот подъем не ослабел. И в отчетном году заметно повышенное религиозное настроение паствы. Храмы всегда полны молящихся, а часто и переполнены. Гроза военной бури заставляла креститься и тех, кто уже отвык молиться⁴⁹.

Под воздействием общих испытаний войной стали изменяться отношения между православными и католиками Северо-Западного края. Конфликты между ними, которые были частым явлением в довоенный период, стали уходить в прошлое. Изданное 1 (14) августа 1914 г. Воззвание Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к полякам о «братском примирении польского народа с Великой Россией» оказало положительное воздействие на отношение ксендзов и католической паствы к православному духовенству и мирянам. По сообщениям православного духовенства, во время сборов на нужды войны римокатолики охотно жертвовали деньги и вещи. Они стали посещать православные храмы, когда там совершались заказные обеды о даровании победы русскому воинству. Однако традиционная нетерпимость католиков к православным все еще продолжала сохраняться в отдельных приходах западнорусских епархий⁵⁰.

Близость Западного фронта и пребывание воинских частей в прифронтовой полосе сказывалась на религиозно-нравственном состоянии и поведении православной паствы. Об этом писал в Синод в 1916 г. архиепископ Литовский Тихон. Он замечал:

Приходится отметить в народной жизни и прискорбные факты, коих раньше не наблюдалось, а именно: всюду стало заметнее большое стремление к легкой наживе, к обогащению, на предельной первой необходимости, а также за свой личный труд крестьяне подняли небывалые цены. Коснулся деревни и разврат – число внебрачных рождений значительно увеличилось, появилась также в деревне и картежная игра⁵¹.

Об отрицательных явлениях в нравственной жизни прихожан, вызванных обстоятельствами военного времени, писал в Синод и Могилевский архиепископ Константин, отмечая:

Из окопной жизни молодежью занесена в деревню страсть к картежной игре. У многих под влиянием хороших заработков появилась страсть к щегольству, у некоторых торговцев под влиянием острой нужды населения в предметах первой необходимости развилась жажда к наживе через разные спекуляции и искусственное поднятие цен⁵².

Еще более критичным в оценке перемен, которые происходили на третий год войны в поведении, настроениях и религиозно-нравственном состоянии паствы,

⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2647. Л. 15; Там же. Д. 2755. Л. 11; Там же. Д. 2633. Л. 5 об.

⁴⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2711. Л. 30.

⁵⁰ Год войны: с 19-го июля 1914 г. по 19-ое июля 1915 г.: высочайшие манифесты, воззвания Верховного Главнокомандующего, донесения от штаба Верховного Главнокомандующего, от штаба Верховного Главнокомандующего Кавказской армией, от Морского Штаба / предисл. А. Оглина. М., 1915. С. 9–10; *Позняк С.В.* «Польский вопрос» во властных структурах императорской России накануне и в годы Первой мировой войны // *Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей.* Минск, 2004. Вып. 1. С. 159–173; РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2695. Л. 4 об.; Ф. 796. Оп. 442. Д. 2633. Л. 33.

⁵¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2755. Л. 11 об.

⁵² Там же. Д. 2711. Л. 30.

был редактор «Минских епархиальных ведомостей» протоиерей Иоанн Язвицкий. Священник указывал на резкий рост таких социальных явлений, как массовое увлечение картежной игрой, возвращение пьянства в жизнь народа, жажду наживы, которая проникла во все слои общества, вызывая «дикую вакханалию в погоне за деньгами». По его словам, «в дни общего несчастья» на глазах общества происходил «деловито поставленный грабеж России оптом и в розницу»⁵³. Названные явления были охарактеризованы протоиереем Иоанном Язвичким как наступление религиозно-нравственного кризиса в настроениях православной России, который красноречиво свидетельствовал о том, что далеко не для всех подданных российской монархии война являлась второй Отечественной.

Церковным противодействием наступающим процессам разложения тыла Западного фронта явилась патриотическая деятельность западнорусских епархий, направленная на помощь воюющему Российскому государству и людям, пострадавшим от бедствий войны. Религиозное и идейное обоснование необходимости жертвенного служения делу защиты царя и Отечества, которое давали священнослужители в проповедях, поучениях, выступлениях в печати, усиленное личными примерами самопожертвования, оказывало свое воздействие на поведение мирян⁵⁴.

Архиепископ Тихон, посещавший в 1916 г. остававшуюся свободной от врага часть Вилейского и Дисненского уездов Литовской епархии, высоко отзывался о нравственно-патриотическом состоянии своего духовенства и паствы:

Несмотря на то, что посещенные приходы находятся вблизи театра военных действий, <...> меня повсюду встречали массы народа во главе с приходскими пастырями, приветствовавшими меня от лица пасомых речами, проникнутыми духом глубокого патриотизма, твердой веры в помощь Божию к одолению дерзкого врага и надежды на светлое будущее дорогой Родины⁵⁵.

Выводы

Западнорусское духовенство, монашествующие и братства в трудный час военных испытаний, которые переживала Россия, по-прежнему оставались верной опорой монархии, верили в победу над врагами и деятельно помогали достижению победы своим служением и материальными средствами.

Святейший Синод, иерархи, духовные консистории, благочинные, приходское духовенство, приходы, монастыри, семинарии, духовные училища, церковно-приходские школы и православные братства, действующие совместно с губернскими администрациями, земствами и всероссийскими общественными организациями, в течение второй половины 1914–1915 гг. создали в западнорусских епархиях России эффективно действующий механизм патриотической мобилизации церковных ресурсов для нужд войны. Работа этого механизма, которая направлялась и иерархически выстраивалась сверху, поддерживалась массовой инициативой духовенства и мирян снизу, для которых война неизменно оставалась второй Отечественной.

В результате сформировалась и начала функционировать подвижная, развивающаяся организация системной церковной помощи фронту и тылу – религиозно-идейная и материальная, свидетельствовавшая о том, что в прифронтовых западнорусских епархиях возникла своеобразная «симфония», или региональная военная модель сотрудничества Русской православной церкви и государства. Объединяющей силой этого сотрудничества, которая создавала обратную связь духовного со-

⁵³ Язвицкий И.А., прот. На страже паствы // Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1916. № 16. С. 491–492.

⁵⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2633. Л. 10 об., 12, 31.

⁵⁵ Там же. Д. 2755. Л. 4 об.

словия и епархиальных церковных институтов с Синодом и государством, были не только духовная дисциплина, но и патриотизм, общерусское самосознание, христианские ценности сострадания и милосердия, способность к самопожертвованию и верность царю и Отечеству.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.05.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 31.06.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.08.2024

References

- Airapetov, O.R. *Uchastiie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917). 1915 god. Apogei* [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). 1915. Apogee]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2014 (in Russian).
- Belova, I.B. *Vynuzhdennyie migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voyny v Rossii. 1914–1925 gg.* [Forced Migrants: Refugees and Prisoners of War of the First World War in Russia]. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2014 (in Russian).
- Bendin, A.Yu. *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom kraie Rossiiskoi imperii (1863–1914)* [Problems of religious tolerance in the North-West region of the Russian Empire (1863–1914)]. Minsk: BSU Publ., 2010 (in Russian).
- Borshchukova, E.D. “Russian Orthodox Church during World War I.” *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 172 (2014): 67–73 (in Russian).
- Firsov, S.L. *Russkaia Tserkov nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.)* [The Russian Church on the Eve of Change (late 1890s – 1918)]. Moscow: Spiritual library Publ., 2002 (in Russian).
- Kornelyuk, V.G. “War Refugees in the Belarusian Provinces and the First Experience of State and Public Assistance to Refugees (1914 – the First Half of 1915).” *The New Historical Bulletin*, no. 1 (2017): 51–66 (in Russian).
- Leontieva, T.G. “The orthodox clergy in the years of World War I.” *Russia and the Contemporary World*, no. 2 (2014): 104–119 (in Russian).
- Poznyak, S.V. “‘Polskii vopros’ vo vlastnykh strukturakh imperatorskoi Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny” [The ‘Polish Question’ in the Power Structures of Imperial Russia on the Eve and During the First World War]. In *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia: Sbornik nauchnykh statei* [Russian and Slavic Studies: A Collection of Scientific Articles], 159–173. Minsk: BSU Publ., 2004 (in Russian).
- Samatiya, V.R. “The Refugee Problem in Belarus During World War I.” *Belarusian Journal of International Law and International Relations*, no. 2 (2003): 71–74 (in Russian).
- Shcheglov, G., priest. *Pervyi Serafimovskii. Istoriiia odnogo lazareta v sobytiakh i litsakh (1914–1918)* [The First Seraphim. The History of One Hospital in Events and Persons (1914–1918)]. Minsk: Minsk Diocese of the Belarusian Orthodox Church Publ., 2014 (in Russian).
- Smolyaninov, M.M. *Belarus v Pervoi mirovoi voine 1914–1918 gg.* [Belarus in the First World War 1914–1918]. Minsk: Belarusian Science Publ., 2018 (in Russian).
- Soloviyov, K.A. “Biblical allusions in the Imperial proclamation of the 26th of July, 1914.” *Christian Reading*, no. 4 (2014): 171–179 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Юрьевич Бендин, доктор исторических наук, профессор, профессор Института теологии Белорусского государственного университета; Беларусь, 220030, Минск, проспект Независимости, 24; Приглашенный исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; bendin26256@yandex.by; SPIN: 2485-5591.

Alexander Yuievich Bendin, Dr. Habil. Hist., Professor of the Institute of Theology of the Belarusian State University; 24, Prospekt Nezavisimosti Av., Minsk, 220030, Belarus; Visiting researcher at St. Petersburg State University; 7–9 Universitetskaya nab. Str., St. Petersburg, 199034, Russia; bendin26256@yandex.by; SPIN: 2485-5591.

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО ФРОНТИРА
HISTORY OF THE SOUTHERN FRONTIER

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-441-450>
EDN: PIXUWC

Научная статья / Research article

**Влияние военно-оборонительного фактора
на продвижение южного фронта России в XVI–XIX вв.**

Елена Валентиновна Линькова , Дмитрий Евгеньевич Евсюков

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 linkova-ev@rudn.ru

Аннотация: Рассмотрена эволюция основных идей и концепций, объясняющих территориальное расширение государства, проанализирована их применимость к обоснованию продвижения границ Российского государства на южном направлении в исторической ретроспективе XVI–XIX вв. На основе концепции естественных границ и теории фронта исследованы основные этапы установления южной границы России. Отмечается, что Россия на всех этапах своей государственности, по сути, придерживалась оборонительной доктрины внешней политики, а процесс расширения ее территории на южном направлении был связан с последовательным строительством оборонительных линий. На первом этапе в XVI–XVII вв. с их помощью Русское государство заявляло свои права на эти земли как правопреемник Киевской Руси. Особенностью последующих столетий стало возведение укрепленных линий для защиты границ, установленных по итогам войн и закрепленных международными договорами. Процесс движения России на юг завершился по достижению естественных границ Черноморского побережья, что позволило обеспечить безопасность территорий и населения.

Ключевые слова: естественные границы, фронт, оборонительная линия, служилые люди, дети боярские, казачество, ландмилиция

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Для цитирования: Линькова Е.В., Евсюков Д.Е. Влияние военно-оборонительного фактора на продвижение южного фронта России в XVI–XIX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 441–450. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-441-450>

**The Influence of Military Defensive Factor on the Process
of Establishing Russia's Southern Frontier in the XVI–XIX Centuries**

Elena V. Linkova , Dmitry E. Evsyukov

RUDN University, Moscow, Russia

 linkova-ev@rudn.ru

Abstract: The authors examine the evolution of the main ideas and concepts explaining the territorial expansion of the Russian state and analyzes their applicability to substantiating the advancement of the borders of the Russian state southward in historical retrospect of the XVI–XIX centuries. Based

on the concept of natural boundaries and the theory of the frontier, the main stages of by the Russian state in establishing its southern border are analyzed within the text. It is noted that at all stages of its statehood, in fact, Russia adhered to the defensive doctrine of foreign policy, and the process of expanding the territory southward was associated with the consistent construction of defensive lines. By the XVI–XVII centuries with the help of those defensive lines, the Russian state claimed its rights to these lands as the legal successor of Kievan Rus. The feature of the following centuries was the construction of fortified lines to protect the borders established as a result of ongoing warfare, and their construction was enshrined in international treaties. The process of Russia's movement southward was completed upon reaching the natural boundaries of the Black Sea coast, which made it possible to ensure the safety of the territories and the population of the southern frontier.

Keywords: natural borders, frontier, defensive line, serving people, boyar scions, Cossacks, land militia

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

For citation: Linkova, E.V., and Evsyukov, D.E. “The Influence of Military Defensive Factor on the Process of Establishing Russia’s Southern Frontier in the XVI–XIX Centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 441–450. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-441-450>

Введение

Актуальность. Внешние угрозы, исходившие со стороны Крымского ханства в XVI–XVII вв., способствовали выработке особой государственной политики по защите южных рубежей Российского государства. Данная политика реализовалась в последовательном освоении территорий к югу от Оки путем военной колонизации. Здесь располагалось так называемое «Поле» – обширные незаселенные лесостепные и степные зоны с отсутствием каких-либо четких границ, примыкавшие с юга к окраинным («украинным») городам Русского государства. На пространство этой буферной зоны, которая отделяла русские и ордынские земли, претендовали как Москва (в качестве наследницы Киевской Руси), так и Крымское ханство. Географические рамки Поля на протяжении времени претерпели определенные изменения. Если в первой половине XVI в. Поле начиналось сразу за Тулой, то по мере строительства здесь русских городов во второй половине XVI в. его граница отодвинулась на юг¹.

Концепт «южного фронта» России в географическом смысле имеет различное содержание в зависимости от эпохи. Если в XVI–XVII вв. он продвигается по территории Поля, то в XVIII–XIX вв. речь уже идет о землях Северного Причерноморья, Приазовья, Новороссии, Крыма. В этой связи представляется особенно актуальным изучение данной проблемы в современных условиях. Это связано в первую очередь с тем, что в настоящий момент Россия отстаивает в том числе безопасность своих южных границ, причем не только на фронтах Специальной военной операции, но и в информационном поле. Именно здесь вполне логичным является обращение к историческим аспектам, объясняющим специфику формирования южного фронта России, становление границ страны в условиях XVI–XIX вв.

Степень изученности проблемы. В исторической науке присутствуют несколько концепций, использование которых позволяет с различных сторон обосновать логику расширения территориальных границ государства. Речь, в первую очередь, идет о концепции естественных границ и теории фронта, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

Целью исследования является реконструкция и осмысление процесса территориального расширения Российского государства на протяжении XVI–XIX вв. через призму концепции естественных границ и теории фронта.

¹ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 6–10.

Источниковой базой исследования стали нормативно-правовые и делопроизводственные документы, опубликованные, а также хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, в их числе императорские указы, высочайшие доклады, инструкции и др.

Концепция естественных границ: зарождение и эволюция

Концепция естественных границ зародилась в XVII в. во Франции в период ее противостояния со Священной Римской империей германской нации. Автором концепции можно считать кардинала Ришелье. Ключевыми элементами в концепции естественных границ являются географические особенности рельефа – моря, реки и горы, которые рассматриваются как естественные ограничители территориального расширения государства.

В отечественной историографии начало научного обоснования теории естественных границ было положено В.О. Ключевским и С.М. Соловьевым.

Соловьев использовал эту категорию применительно к определению естественных границ отдельных княжеств (Новгородского, Киевского, Смоленского и др.), подразумевая под естественными границами конкретные реки, озера, а также водоразделы между речными системами, особенно волоки, которые, по мнению историка, в России отчасти заменяли горы².

В.О. Ключевский рассмотрел процесс расширения территории всего Российского государства в целях достижения его естественных этнографических и географических границ, отмечая при этом неодинаковость географических условий и исторической среды по различным направлениям движения. Историк пришел к выводу, что Российское государство в начале XIX в. «стало в свои естественные границы»³.

В последующем концепция естественных границ нашла отражение в европейских геополитических теориях первой половины XX в. Так, представитель немецкой школы, «отец геополитики» Ф. Ратцель в своей работе «Антропогеография» связывает географический и политический факторы и обосновывает тезис о том, что рост государственного организма продолжается до естественных границ. К. Хаусхофер полагал, что эти границы могут быть подвижны в зависимости от уровня развития государства и его амбиций. В то же время концепция естественных границ подверглась критике со стороны французской школы в лице Ж. Анселя, понимавшего границы как результат равновесия между жизненными силами двух народов, а не как физические препятствия, разделяющие их⁴.

Под иным углом зрения подошел к анализу природно-географических факторов британский геополитик Х.Дж. Маккиндер, рассмотревший историческое противостояние народов «Хартленда» (территория северо-востока Евразии) и окружавших его держав «внутреннего полумесяца» (страны Европы, Юго-Западной Азии, Северной Африки, Индия и Китай), в результате которого первые постепенно вытесняли последних к периферии.

Проблема формирования границ России также анализировалась с точки зрения концепции естественных границ. Так, современные англо-американские авторы Ф. Бергхольц, Дж. ЛеДонн, Дж. Ричардс при обосновании территориального рас-

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 6 кн. Кн. 1. Т. 1–5. СПб., 1857–1864. С. 15–30.

³ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. М., 1989. С. 177.

⁴ Баранов Н.А. Классические геополитические теории европейских научных школ: германской, французской, итальянской // Николай Баранов, политолог, д. полит. н., проф.: перс. сайт. / Курс «Геополитические проблемы европейского развития». 19.07.2016. URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-geopoliticheskie-problemy-evropejskogo-razvitiya/269-tema-5-klassicheskie-geopoliticheskie-teorii-evropejskikh-nauchnykh-shkol-germanskoj-frantsuzskoj-italyanskoj> (дата обращения: 17.02.2024).

ширения Российской империи так или иначе обращались к данной концепции, хотя сами границы Хартленда исследователями определялись по-разному, и в целом обозначали территорию, приблизительно совпадающую с границами Российской империи и Советского Союза. Еще одно понятие, используемое в современной западной историографии при объяснении расширения границ Российской империи как ответа на внешние угрозы, особенно по направлениям, где установленные в итоге границы не в полной мере соответствовали географическим особенностям, это «оптимум завоевания», введенный американским востоковедом О. Латтимором – применительно к истории расширения Китая⁵.

Современные отечественные исследователи И.В. Бахлов, Б.М. Пугачев, Р.А. Тлепцок расставляют новые акценты, выделяя интегральную роль русского этноса в синтезе новой евроазиатской культуры и хозяйственном освоении незаселенных территорий. Отмечается актуальность дальнейшей разработки концептуальных подходов к осмыслению феномена естественных границ России в рамках развития евразийских геополитических теорий, а также для формулирования региональных приоритетов в государственном управлении⁶.

Теория фронта

В контексте изучения проблем формирования границ государств в разные исторические эпохи получила развитие теория фронта. Данная концепция была выдвинута американским историком Ф. Тернером в 1893 г. Под фронтом он понимал приграничную полосу свободных земель, которая постепенно осваивалась белыми поселенцами и перемещалась вглубь континента в западном направлении, пока границы государства не достигли Тихоокеанского побережья. По мнению историка, американский фронт был «местом контакта дикости и цивилизации», что отличало его от европейского, представлявшего из себя «укрепленные пограничные линии, проходящие через густонаселенные местности». Особенности условия жизни на фронтных территориях, по мнению Ф. Тернера, сыграли ключевую роль при формировании американского характера, зарождении идеалов свободы и демократии⁷.

В 1920–1940-х гг. теория фронта подверглась серьезной критике. Ч. Бирд и Б. Райт усомнились в определяющей роли фронта в развитии американской цивилизации и демократии, К. Гудрич и С. Дэвинсон – в его влиянии на темпы индустриализации и урбанизации. В последующие десятилетия теория фронта претерпела существенные изменения. В современной западной исторической науке превалирует позиция об устаревшем значении теории фронта Тернера и непригодности ее для современной науки. Так, П. Лимерик в монографии «Наследие завоевания» (1987) предлагает уйти от упрощенного и одностороннего подхода (только с точки зрения американской цивилизации) в пользу идей глобальной истории, а термин «фронт» исправить на «завоевание»⁸.

В советской историографии со второй половины 1950-х гг. концепция фронта Тернера в целом получила критическую оценку в трудах А.В. Ефимова,

⁵ Попов И.А. Естественные границы как фактор русской колонизации в современной англо-американской историографии // Молодой ученый. 2015. № 19 (99). С. 663–664.

⁶ Бахлов И.В. Пространственное развитие Российской империи: концепция «естественных границ» // Государственная власть и управление: проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Саранск, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 16 фев. 2018 г. Саранск, 2018. С. 29; Тлепцок Р.А. Проблема естественно-географических границ Российской империи: концептуальные подходы // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2 (66). С. 22.

⁷ Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. М., 2009. С. 14.

⁸ Цыганова А.А. Творческое наследие Ф.Дж. Тернера в истории американского прогрессизма: дис. ... канд. истор. наук. М., 2012. С. 20–36.

Н.Н. Болховитинова, И.П. Дементьева. Несмотря на это, в 1990-е гг. данный термин был воспринят отечественными историками и введен в научный оборот в несколько измененном виде первоначально при рассмотрении истории освоения Сибири. Можно выделить два основных подхода к трактовке фронта в отечественной науке. В первом значении фронт понимается в территориальном плане как линия укреплений или граница (в том числе неявно выраженная) с коренным населением (А.Д. Агеев, Р.Н. Рахимов). В рамках второго подхода внимание акцентируется на особых социальных условиях в области фронта и фронт рассматривается как место встречи разных культур, область взаимодействия цивилизаций, находящихся на разных уровнях развития (Н.Ю. Замятина, Д.Я. Резун, М.В. Шиловский)⁹. Так, А.Д. Агеев, применяя теорию фронта для качественно иной среды с особыми экономическими и политическими условиями, выделяет такие черты заселения Сибири, как принудительный характер колонизации, а также отсутствие последующей ее интеграции в мировые хозяйственные связи (так и осталась периферией центра).

Что касается изучения южного пограничья, то это направление исследуется белгородскими, воронежскими и тамбовскими учеными. Так, А.И. Папков, О.В. Скобелкин и Ю.А. Мизис высказали предложение по использованию термина «фронт» для описания процессов освоения рассматриваемого региона, так как распространенные среди историков термины «порубежье», «приграничные уезды» и др. не отражают особой специфики региона, кроме близости к границе. Они сформулировали основные составляющие данного концепта применительно к южному региону, а также выделили основные его существенные признаки¹⁰. А.И. Папковым высказана также идея о допустимости использования в исследованиях данного региона исторического термина «украина», который широко встречался в документах XVI–XVII вв. в значении окраин как Российского государства, так и польско-литовских земель¹¹.

Тем не менее, обоснованность использования нового термина в отечественной историографии продолжает вызывать споры. С учетом этого факта в 2020 г. известный историк казачества Д.В. Сень опубликовал статью, в которой вынес на обсуждение вопрос о перспективах применения концепции фронта в исторических исследованиях¹². Результатом стала дискуссия «Как сегодня изучать фронты?», организованная на площадке журнала «Петербургские славянские и балканские исследования», в рамках которой было предложено рассматривать фронт как «зону коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой». Подводя итоги дискуссии, Д.В. Сень отмечает, что использование концепта фронта открывает возможности для новых результатов исследований

⁹ Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: Проблемы и перспективы. Сб. материалов III регион. молодеж. науч. конференции. Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2009. С. 112.

¹⁰ Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Русский фронт: Политические, социальные и экономические аспекты (Юг России в XVI – конец XVIII в.) // Вестник Тамбовского государственного университета. 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 10.

¹¹ Папков А.И. «Фронт» или «украина»: два подхода к изучению истории российской колонизации Днепро-Донской лесостепи в XVI–XVII в. // Русь, Россия. Средневековье и новое время. 2017. № 5. С. 176–180.

¹² Sen' D.V. Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue [Фронтальные исследования в современной России: Зыбкие границы академического диалога] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 66–80.

в этой области¹³. В настоящее время основной площадкой для обсуждения вопросов фронтальной теории, пограничья и приграничья, межкультурной коммуникации в контактных зонах является «Журнал фронтальных исследований»¹⁴.

Военные аспекты защиты южных окраин России

В ходе формирования Русского централизованного государства в XIV–XVI вв. усиливаются меры по обороне его южных рубежей. Для Московского княжества естественной границей, защищавшей его с юга, была река Ока. В конце XIV в. здесь находились две крепости – Коломна и Серпухов, на базе которых действовала система разведки и предупреждения о нападениях со стороны ордынцев, а к середине XV в. сложилась служба великому князю по обороне рубежей Оки, известная как «береговая служба», или «Берег». В 1480 г. в нее были включены и другие крепости – Перемышль, Калуга, Алексин, Таруса, Кашира, а берег Оки был укреплен двумя частоколами, пространство между которыми было засыпано землей. Таким образом, сформировалась единая система обороны на протяжении всего течения Оки от Коломны до устья Угры¹⁵.

На рубеже XV–XVI вв., по мере присоединения Верховских княжеств и рязанских земель, появилась задача по защите новых границ. При Василии III были возведены каменные крепости – Коломенский, Тульский и Зарайский кремли. На подступах к Туле были сооружены засеки (заградительные полосы из поваленного леса) – основа будущей засечной черты¹⁶. Общегосударственным данный проект по строительству единой оборонительной линии на юге начал становиться в 1550-х гг., после присоединения Казани, а затем и Астрахани, нейтрализовавших внешние угрозы на восточном и юго-восточном направлениях. Только тульским воеводой на первом этапе строительства засечной черты из разных местностей было привлечено более тысячи человек с плотницким инструментом и лошадьми. К началу 1570-х гг. засечная черта протянулась от Калуги и Козельских лесов до Рязани¹⁷. В это же время появился и первый устав пограничной службы – Боярский приговор о станичной и сторожевой службе 1571 г., а также введена практика закрепления новых территорий путем нанесения на деревьях специальных меток, обозначающих границу владений Русского государства¹⁸.

Таким образом, расширение территории государства за его естественную географическую границу (в данном случае – реку Ока) потребовало сооружения искусственных преград в виде оборонительных линий. Первым шагом по продвижению в Поле стало строительство Большой засечной черты, в результате чего граница была отодвинута на 50–60 км южнее Оки.

Одновременно со строительством засечной черты началось активное освоение Поля. В 1550-е гг. здесь были построены города (крепости) Дедилов, Болхов, Рязск, в 1560–1570-е гг. – Данков, Орел, Епифань, перестроен Венев, с 1580-х гг. появляются Воронеж, Ливны, в 1590-е гг. – Елец, Кромы, Белгород, Курск, Оскол, Валуйки, Царев-Борисов.

¹³ Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сеня // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 96, 98–100.

¹⁴ Подробнее см.: <https://jfs.today/index.php/jfs/about/editorialTeam> (дата обращения: 17.02.2024).

¹⁵ Носов К.С. Русские средневековые крепости. М., 2013. С. 204–205.

¹⁶ Там же. С. 206.

¹⁷ Бурцев И.Г., Дедук А.В. К вопросу о термине «засечная черта» и географических рамках его употребления (некоторые замечания и наблюдения) // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2020. Вып. 5. С. 16.

¹⁸ Мизис Ю.А., Папков А.И. Внешние и внутренние границы России и естественные природные зоны на юге в XVI – начале XVIII в. // *Российская история*. 2016. № 3. С. 41.

Территория малонаселенного Поля, постепенно осваиваемая в ходе военной колонизации в XVI в., по ряду признаков (государственная принадлежность четко не определена, демаркация границ не проводилась, наблюдается постоянное движение условной границы и др.) рассматривается отечественными историками как фронтир¹⁹. Присоединяемые в XVI в. Русским государством территории в большей части являлись прежними владениями Киевской Руси и еще три с небольшим столетия назад принадлежали Черниговскому княжеству. Поэтому на данном этапе во фронтирной зоне не происходило так называемого столкновения цивилизаций (за исключением регулярных татарских набегов), не наблюдалось взаимопроникновения культур. Русский фронтир отличался от европейского, для которого была характерна высокая плотность населения по обе стороны границ.

В этот период расширение Русского государства не вызывало опасений со стороны Крымского ханства, так как новые города возводились вдали от мест традиционных татарских кочевий, поэтому вопрос о границах в официальной переписке не поднимался. В начале XVII в. вопросы спорных территорий становятся более острыми. Но если на западном направлении после Смоленской войны в 1634–1638 гг. было проведено размежевание земель и демаркация части границ между Россией и Речью Посполитой, то на южном направлении таких действий не предпринималось²⁰.

В то же время опустошительные набеги татар в период Смоленской войны показали слабость организации обороны на южных рубежах, поэтому в 1635 г. было принято решение о строительстве на юге новой оборонительной линии, получившей впоследствии название Белгородская черта. Данное мероприятие, с одной стороны, усилило оборонительный потенциал, а с другой – стало следующим шагом в продвижении вглубь Поля (до 300–400 км на юг) и фактическим укреплением новых границ.

Строительство Белгородской черты стало масштабным государственным проектом, растянувшимся на два с лишним десятилетия, в ходе которого было построено более 20 городов-крепостей, возведено 800 км оборонительных сооружений от реки Ворсклы на западе до реки Челновой на востоке.

Белгородская черта, сооружение которой было в целом завершено до начала русско-польской войны 1654–1667 гг., показала себя как эффективный способ предотвращения татарских набегов и стала новым центром притяжения и миграции населения. Административным центром черты стал Белгород. При этом некоторое время роль главного города выполнял Яблонов, построенный в 1637 г. на стратегически важном месте – Изюмском шляхе²¹.

Уже на начальном этапе существования Белгородской черты она приобретает статус государственной границы. Так, в специальном царском указе от 1647 г. местному населению запрещалось селиться за чертой²². Кроме того, и в сознании служилых людей черта воспринималась как граница государства, что прослеживается в многочисленных донесениях о столкновениях с татарами на черте, в которых сообщается о предотвращении их вторжения «в Русь». Так, воевода города Яблонова А. Бутурлин, описывая в 1637 г. бой с крымцами, упоминает, что они татар «из надолоб выбили и в Русь не пропустили»²³.

Белгородская и другие оборонительные линии, как правило, не совпадали с естественными границами – а именно природными зонами (лесостепь – степь)²⁴,

¹⁹ Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Русский фронтир... С. 11–12.

²⁰ Мизис Ю.А., Папков А.И. Внешние и внутренние границы... С. 42–46.

²¹ Там же. С. 97, 189.

²² Там же. С. 44.

²³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 96. Л. 2.

²⁴ Мизис Ю.А., Папков А.И. Внешние и внутренние границы... С. 43.

что открывало возможность для дальнейшего движения на юг. Таким шагом, продвинувшим границу еще на 150–200 км, стало сооружение в 1679–1780 гг. новой линии, которая в историографии получила название Изюмская черта. Построенная на заключительном этапе русско-турецкой войны 1672–1681 гг., она имела целью защитить от татарских набегов частично заселенные территории за западной частью Белгородской черты, а также усилить позиции России в регионе, обозначив ее права на новые территории.

В отличие от Белгородской черты на большей части своего протяжения Изюмская черта расположилась вдоль берегов рек, используя их как естественные препятствия (как в свое время Береговая линия на Оке). Она как бы примкнула к Белгородской черте, острым углом выдвинувшись в степь, и протянулась на 530 км от г. Усерда на востоке до городка Коломак на западе. После строительства Изюмской черты в документах впервые официально устанавливается статус южных границ России, что было зафиксировано в Бахчисарайском мирном договоре 1681 г.

В период правления Петра I произошло реформирование пограничной службы. С учетом европейского опыта была создана ландмилиция (получившая на южных окраинах приставку украинская). Это были регулярные и полурегулярные военные формирования из местного населения (поселенное войско). Первая попытка набора в ландмилицкие полки проведена в 1713 г. в условиях русско-турецкой войны. На постоянной основе они были сформированы в 1723–1725 гг., а в 1730–1731 реформы были завершены полной заменой регулярной армии на юге на ландмилицию²⁵.

В это же время в ожидании очередной русско-турецкой войны было принято решение о строительстве новой укрепленной линии на выходе к Северному Причерноморью, в 100–150 км к югу от Белгородской черты. Здесь в 1731–1742 гг. была построена Украинская линия, которая отличалась от предыдущих проектов тем, что ее сооружение велось по уже существовавшим границам. Граница начиналась от южного выступа Изюмской черты на р. Северский Донец и тянулась до Днепра вдоль рек Берека, Берестова и Орель, что соответствовало границам с Турцией по Прутскому мирному договору 1711 г. (хотя уже в 1713 г. граница была установлена южнее между реками Орель и Самара)²⁶.

Следующая на этом направлении Днепровская оборонительная линия начала создаваться с 1770 г., в разгар русско-турецкой войны 1770–1783 гг. Она начиналась от Днепра и проходила по рекам Конские Воды и Берда до побережья Азовского моря в соответствии с границей, установленной в 1740 г. по Белградскому мирному договору. Уже в 1783 г. с присоединением Крыма Днепровская линия утратила свое значение, а в 1797 г. была упразднена как единый оборонительный комплекс²⁷.

На Кавказском направлении вдоль новой границы с Османской империей, установленной по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, в 1777–1780 гг. была сооружена Азово-Моздокская укрепленная линия, в которую вошли возведенные здесь ранее крепости Кизляр и Моздок. После заключения в 1791 г. Ясского мирного договора, подтвердившего границы по реке Кубань (по манифесту 1783 г. Екатерины II), вдоль них в 1792 и 1794 гг. возводятся Черноморская кордонная и Кубанская линии (вместе с Моздокской они составили Кавказскую

²⁵ Петрухинцев Н.Н. Основные этапы «ландмилицкой» реформы 1710–1730-х годов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию Достопамятного зала. 13–17 сентября 2006 г. Секция «Военная история России: опыт современного изучения». СПб., 2006. С. 32–34.

²⁶ Гукова Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710–1780 гг.). Дис. ... канд. истор. наук. М., 2009. С. 65–72.

²⁷ Макидонов А.В. Днепровская линия (1770–1797). Запорожье, 2014. С. 26.

линию). После получения выхода к черноморскому побережью Кавказа по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. здесь в 1830-х гг. сооружается Черноморская береговая линия.

Выводы

Успешной реализации стратегии по расширению территории Российского государства на протяжении почти четырех веков способствовало несколько факторов. В первую очередь, это постоянно совершенствовавшаяся организация вооруженных сил и искусство фортификации, что выражалось в строительстве оборонительных линий, которые в первые два столетия лишь обозначали границу фронта, а в последующий период защищали уже официально установленные государственные границы.

В отсутствие подходящих естественных природных преград с целью защиты своих южных рубежей Российское государство на протяжении нескольких столетий было вынуждено создавать оборонительные линии, физически обозначая последовательно продвигавшиеся к югу границы. Причем если в XVI–XVII вв. оборонительные линии сооружались на территориях, на которые Русское государство претендовало как наследница Киевской Руси, заявляя так свои права на эти земли, то с XVIII в. укрепленные линии возводились исключительно вдоль границ, зафиксированных международными договорами. При этом надлежащее обеспечение защиты от внешних угроз требовало дальнейшего продвижения на юг, которое завершилось лишь по достижению естественных границ – побережья Черного моря, что позволило обеспечить безопасность территорий и населения. Исследования фронтальных территорий на примере южных рубежей России помогает понять, как в данных контактных зонах шел процесс формирования новых идентичностей и социальных статусов.

Поступила в редакцию / Submitted: 31.03.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 02.05.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 30.08.2024

References

- Bakhlov, I.V. “Prostranstvennoie razvitie Rossiiskoi imperii: kontseptsiiia «yestestvennykh granits [Spatial development of the Russian Empire: the concept of ‘natural borders’].” In *Gosudarstvennaia vlast i upravleniie: problemy i perspektivy: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Saransk, Sredne-Volzhskii institut (filial) VGUYU (RPA Minyusta Rossii), 16 fevralya 2018 g.*, 25–29. Saransk: YurExPraktik Publ., 2018 (in Russian).
- Burtsev, I.G., and Deduk, A.V. “K voprosu o termine ‘zasechnaya cherta’ i geograficheskikh ramkakh yego upotrebleniia (nekotoryye zamechaniia i nablyudeniia) [On the issue of the term ‘zasechnaya cherta’ and the geographical scope of its use (some comments and observations)].” In *Belgorodskaiia cherta: sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitelnoi cherty*, 14–26. Belgorod: Constanta Publ., 2020 (in Russian).
- Gukova, E.A. “Defense of the southern borders of Russia in the 18th century: Ukrainian line and Ukrainian Landmilitzky corps (1710–1780).” PhD diss., MosGU, 2009 (in Russian).
- Khromykh, A.S. “K voprosu o primenenii poniatii ‘kolonizatsiia’ i ‘frontir’ v izuchenii istorii Sibiri [On the application of the concepts of ‘colonization’ and ‘frontier’ in the study of the history of Siberia].” In *Istoricheskie issledovaniia v Sibiri: Problemy i perspektivy. Sbornik materialov III regionalnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii*, 108–113. Novosibirsk: Institute of History SB RAS Publ., 2009 (in Russian).
- Klyuchevsky, V.O. *Kurs russkoi istorii* [Course of Russian History]. Vol. 5 of *Sochineniia* [Works]. Moscow: Mysl Publ., 1989 (in Russian).
- Makidonov, A.V. *Dneprovskaiia liniia (1770–1797)* [Dnieper line (1770–1797)]. Zaporizhie: Accent Invest-trade Publ., 2014 (in Russian).

- Mizis, Yu.A., and Papkov, A.I. "Russia's external and internal borders and the natural areas in the South from the 16th to the early 18th century." *Russian History*, no. 3 (2016): 33–49 (in Russian).
- Mizis, Yu.A., Skobelkin, O.V., and Papkov, A.I. "Russian Frontier: Political, Social and Economic Aspects (South of Russia in the 16th – late 18th centuries)." *Tambov University Review* 20, no. 10 (2015): 7–15 (in Russian)
- Nosov, K.S. *Russkii srednevekovyie kreposti* [Russian medieval fortresses]. Moscow: EKSMO Publ., 2013 (in Russian).
- Papkov, A.I. " 'Frontier' or 'Ukraina': Two Approaches to the Study of the History of Russian Colonization of the Dnieper-Don Forest-Steppe in the 16th–17th Centuries." *Rus, Russia. Middle Ages and Modern Times*, no. 5 (2017): 176–180 (in Russian).
- Petrukhintsev, N.N. "Osnovnyie etapy 'landmilitskoi' reformy 1710–1730-kh godov [The Main Stages of the 'Landmilitsky' Reform of the 1710s–1730s]." In *Voiennoe proshloe gosudarstva Rossiiskogo: utrachennoe i sokhranennoe: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 250-letiiu Dostopamiatnogo zala. 13–17 sentiabria 2006 g. Sektsiia 'Voiennaia istoriia Rossii: opyt sovremennogo izucheniia'*, 32–34. St. Petersburg: Military History Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps Publ., 2006 (in Russian).
- Popov, I.A. "Natural borders as a factor of Russian colonization in modern Anglo-American historiography." *Young Scientist*, no. 19 (2015): 663–664 (in Russian).
- Sen, D.V. "Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue." *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (2020): 66–80.
- Soloviev, S.M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen. Kniga 1* [History of Russia from Ancient Times: Book 1]. St. Petersburg: Obshchestvennaya polza Publ., 1857–1864 (in Russian).
- Tleptsov, R.A. "The problem of natural-geographical boundaries of the Russian Empire: conceptual approaches." *Scientific Thought of Caucasus*, no. 2 (2011): 19–22 (in Russian).
- Tsyganova, A.A. "The creative legacy of F.J. Turner in the history of American progressivism." PhD diss., MPGU, 2012 (in Russian).
- Turner, F.J. *Frontir v amerikanskoj istorii* [The Frontier in American History]. Moscow: Ves mir Publ., 2009 (in Russian).
- Zagorovsky, V.P. *Istoriia vkhozhdeniia Tsentralnogo Chernozemya v sostav Rossiiskogo gosudarstva v XVI veke* [History of the entry of the Central Black Earth Region into the Russian state in the 16th century]. Voronezh: Voronezh University Publ., 1991 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Елена Валентиновна Линькова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; linkova-ev@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9516-0848>; SPIN: 1803-5787.

Elena V. Linkova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; linkova-ev@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9516-0848>; SPIN: 1803-5787.

Дмитрий Евгеньевич Евсюков, аспирант кафедры истории России, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; dim-ev@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0008-6618-3766>

Dmitry E. Evsyukov, postgraduate student of the Department of Russian History, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; dim-ev@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0008-6618-3766>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-451-462>
EDN: PPCPTP

Научная статья / Research article

Николай Нотович – энтузиаст российских железнодорожных концессий в Персии

Завен Артемович Арабаджян

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
arabzava@yandex.ru

Аннотация: Рассматриваются вопросы борьбы между великими державами за обладание железнодорожными концессиями в Персии, одним из участников которой с российской стороны был военный корреспондент, разведчик и писатель Н.А. Нотович. Цель исследования – проследить эволюцию взглядов Н.А. Нотовича на обоснованность вхождения России в персидские железнодорожные проекты. Источниковой базой является книга самого Нотовича и его инициативные аналитические записки, хранящиеся в фонде «Персидский стол» Архива внешней политики Российской империи. Автор приходит к выводу, что с течением времени взгляды Н.А. Нотовича на наиболее выгодные для России маршруты строительства рельсовых путей менялись под влиянием изменения международной обстановки, соотношения сил между основными акторами и русско-английскими договоренностями о разделе Персии на сферы влияния между Россией и Англией в 1907 г. Это событие привело Н.А. Нотовича к мысли о том, что в сложившейся ситуации уже не целесообразно было ставить задачу по прокладке сквозной дороги через Персию к побережью Персидского залива или Индийского океана, а следовало сосредоточиться на развитии железнодорожной сети в северных районах страны, что должно было способствовать экономическому, политическому и культурному проникновению России в Персию. Он выступал в качестве противника уступок со стороны России в пользу Англии и ратовал за активизацию российской политики в азиатском направлении.

Ключевые слова: железнодорожные концессии в Персии, русско-английское соперничество в Персии, выход России к теплым морям

Для цитирования: Арабаджян З.А. Николай Нотович – энтузиаст российских железнодорожных концессий в Персии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 451–462. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-451-462>

Nikolai Notovich is an Enthusiast of Russian Railways Concessions in Persia

Zaven A. Arabadzhyan

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
arabzava@yandex.ru

Abstract: The author examines the struggle between the United Kingdom and Russia for the possession of railway concessions in Persia. On the Russian side, one of the participants was Nikolai Notovich. He opposed Russia's concessions to Britain and advocated for the intensification of Russian policy in this area. Over time, his views on the most profitable routes for the construction of railway tracks for Russia changed in accordance with the international situation, the balance of power between the main actors, and the 1907 Russian-British agreements on the division of Persia into spheres of influence. The latter led N. A. Notovich to the idea that under the new conditions it is no longer sensible to

© Арабаджян З.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

build a through road across Persia to the coast of the Persian Gulf or the Indian Ocean. Instead, he advised to focus on developing the railway network in the northern regions of the country, which would contribute to the growth of economic, political and cultural influence of Russia.

Keywords: Notovich, railway concessions in Persia, Russian-English rivalry in Persia, Russia's access to warm seas

For citation: Arabadzhyan, Z.A. "Nikolai Notovich is an Enthusiast of Russian Railway Concessions in Persia." *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 451–462 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-451-462>

Введение

Актуальность. Вопрос строительства железнодорожной сети в Иране показателен в силу того, что демонстрирует, как из-за противоречий ведущих капиталистических держав конца XIX – начала XX в. блокировалось развитие местного железнодорожного транспорта. Особенно актуальность рассматриваемой проблемы возрастает в современных условиях в связи с реализацией проекта Север – Юг.

Степень изученности проблемы. Вопросы российской экономической экспансии в Персии, в том числе участия в развитии транспортной сети этой страны привлекает внимание отечественных исследователей. В советской историографии были рассмотрены проблемы торгового взаимодействия между государствами¹; освещение также получила проблема приобретения концессий в Персии российскими представителями².

В современной историографии в работах ряда авторов специальное внимание уделяется также строительству шоссейных и железных дорог с участием российского капитала в северных районах Персии и влиянию улучшения состояния транспортной системы России на рост двусторонней торговли³. Одновременно современных исследователей привлекли дискуссии в отечественной прессе на рубеже XIX–XX вв. по вопросу целесообразности строительства трансперсидской железной дороги, обоснование в их ходе всех потенциальных выгод и вызовов для России при реализации такого проекта⁴.

Деятельность Н.А. Нотовича в данной области вообще не освещалась, за исключением работы Н.С. Ищенко о Н.А. Нотовиче как разведчике⁵.

Цель исследования – выявить на примере изменений взглядов Н.А. Нотовича то, как в России менялись представления об оптимальном вхождении в персидские

¹ Бобынин Н.Н. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. Тифлис, 1923; Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949; Маннанов Б.С. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент, 1964.

² Ананьич Б.В. 1) Учетно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // Монополии и иностранный капитал в России. Труды ленинградского отделения Института Истории. Вып. 4. М.; Л., 1962. С. 274–314; 2) Российское самодержавие и вывоз капитала 1895–1914 гг. (по материалам Учетно-ссудного банка Персии). Л., 1975.

³ См., например: Корноухова Г.Г. Российско-персидские экономические отношения в начале XX века: дорожное строительство // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 3. С. 445–462. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-445-462>; Ларин А.Б. Незадолго до бури: Россия и Британия в Иране в 1913 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 1 (99). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840013829-0> и др.

⁴ Кострикова Л.Г. Полемика в русской прессе по вопросу о железнодорожном строительстве в Персии. Проект «Великого индийского пути» // Россия на рубеже XIX–XX веков. Материалы научных чтений памяти В.И. Бовыкина. Москва, МГУ, 20 января 1999 г. М., 1999. С. 336–347; Корноухова Г.Г. Обсуждение проекта трансперсидской железной дороги на страницах российской прессы в начале XX века // У истоков российской государственности. Исследования, материалы: Материалы XIII Международной научно-практической конференции, Калуга, 11 ноября 2020 года. Калуга, 2020. С. 178–183.

⁵ Ищенко Н.С. Участие Н.А. Нотовича в англо-русском соперничестве в Афганистане в середине 1880-х гг. // Восток (Oriens). 2020. № 6. С. 78–84. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086919080012623-2>

железнодорожные проекты, и осветить деятельность этого энергичного деятеля эпохи в данном вопросе.

Источниковая база. В основе исследования лежат опубликованные и неопубликованные материалы. К первой группе источников относится публикация самого Н.А. Нотовича⁶; ко второй – делопроизводственные документы, представленные аналитическими записками Нотовича в адрес разных инстанций, хранящиеся в фонде «Персидский стол» (Ф. 144) Архива внешней политики Российской империи.

Проблема персидского транзита и железнодорожных концессий

Персия с древнейших времен имела исключительно большое транзитное значение. Эта страна является центром Старого Света, поэтому через нее проходили самые короткие караванные пути. При стремлении пройти из Европы в Азию, обходя Каспийское море с севера, маршрут существенно увеличивался. Со временем, после открытия морского пути через Африку, коммуникационное значение Персии существенно уменьшилось, поскольку торговля направлялась прежде всего по океанским маршрутам. Караваны, шедшие по суше, уступали морскому транспорту по скорости передвижения, объемам перевозимых грузов и цене транспортировки.

Появление в первой половине XIX в. железнодорожного транспорта должно было в какой-то степени восстановить ее транзитный потенциал, по крайней мере в отношении дорогостоящих товаров, перевозки людей и почтовых грузов. Железнодорожные маршруты должны были проходить через Персию или где-то рядом с ней. Кратчайшие линии, соединявшие города Западной и Южной Европы с Западной Индией, также пролегли через персидскую территорию, а из Северной и Западной Европы в Восточную Индию, Индокитай и Китай – через Россию. Таким образом, Персия и Россия становились важными транзитными государствами для евразийской торговли.

Во второй половине XIX в. между европейскими предпринимателями и державами развернулась ожесточенная борьба за получение концессий на строительство железных дорог в Персии, в которой ведущую роль играли Англия и Россия. Первый реальный шаг, способный привести к созданию железной дороги от Каспийского моря до Персидского залива в 1872 г., сделал британский подданный барон Юлиус Рейтер. Однако во многом усилиями русской дипломатии его концессия оказалась аннулирована. В том же году Россия сделала ответный ход: генерал Фалькенгаген предложил персидскому правительству проект менее масштабный, но более реалистичный – строительство железной дороги Джульфа – Тавриз. Этот проект также не был осуществлен из-за противодействия Великобритании.

В дальнейшем англичане около 20 лет пытались вдохнуть жизнь в концессию Рейтера, а с российской стороны постоянно появлялись новые энтузиасты, предлагавшие свои проекты.

Николай Александрович Нотович (1858 – после 1916 г.) был человеком разносторонне одаренным, предприимчивым и не лишенным авантюристичности характера. Несмотря на простое происхождение и неясный статус, этот человек контактировал не только с военными, занимавшимися присоединением Закаспийских земель к России, А.В. Комаровым и Н.И. Закржевским, но и писал докладные записки на имя высоких петербургских сановников, включая министра иностранных дел А.П. Извольского и министра финансов В.Н. Коковцова⁷.

Нотович являлся автором множества произведений экономического характера. Он стал учредителем акционерного пароходного и страхового общества

⁶ Нотович Н.А. Где дорога в Индию. М., 1889.

⁷ Подробно см.: *Ищенко Н.С.* Участие Н.А. Нотовича в англо-русском соперничестве... С. 78–84, а также Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 9, 31–32.

«Полярная звезда», написал его устав, утвержденный акционерами в феврале 1907 г. Спустя несколько лет он издал брошюру о политическом и экономическом значении торгового флота для России⁸.

Настоящая статья посвящена энергичным усилиям Н.А. Нотовича, направленным на получение Россией концессий в Персии и строительство экономически и стратегически значимых железных дорог в этой стране.

«Где дорога в Индию?»

В конце 70-х – 80-х гг. XIX в. в российском политическом, деловом и инженерном сообществе активно проходила дискуссия о том, по каким маршрутам целесообразно пустить железнодорожный транзит из Европы в Индию: преимущественно через Россию (европейская часть страны – Средняя Азия – Афганистан или Восточная Персия – Индия) или через Россию и Персию (Европейская часть России – Закавказье – Северная Персия – Афганистан – Индия). Другим вариантом был выход из Закавказья к Индийскому океану в районе персидского города Чахбахара или к порту Бендер-Аббас на побережье Ормузского пролива. Однако никаких реальных действий в данном вопросе не предпринималось. В связи с этим в 1888 г. Нотович подготовил и представил на высочайшее имя через военного министра П.С. Ванновского свою записку под названием «Где дорога в Индию»? и «удостоился особого внимания Александра III», в которой он проводил мысль о целесообразности продления русских железных дорог через Тавриз, Тегеран, Кум, Йезд, Керман к Индийскому океану⁹.

В 1889 г. на основании уже более расширенной записки Нотовича под таким же названием вышла его книга. Произведение это выдает в авторе человека необычайно острой мысли, эрудиции, безупречно владеющего словом, горячего патриота России. Автор кратко описывает историю поисков европейцами наиболее удобного пути в Индию, оценивает 1888 г. как один из важнейших моментов в экономической истории России в ее движении на Восток, который можно сравнить только с открытием Суэцкого канала:

Проложен путь для паровоза в такой местности, которая, несколько лет тому назад, не давала вероятности для удобного движения даже простых караванов. Я говорю о нашем русском Суэцком канале, – Закаспийской железной дороге, <...> которая произведет громадное влияние на экономические и политические судьбы народов,двигающихся на Восток¹⁰.

Это было связано с тем, что некоторое время считалось целесообразным проводить железную дорогу в Индию через Среднюю Азию и Афганистан, а строительство Закаспийской дороги серьезно приближало к достижению данной цели.

Размышляя, автор приходит к выводу об оптимальности выхода к теплым морям через Персию, поскольку расстояние от Каспийского моря до ближайшей точки в Персидском заливе составляет менее 800 верст¹¹, но по причине мелководности тех мест считалось более разумным закончить железную дорогу в Бендер-Бушире, что удлинит ее до 1254 верст¹². Однако со стратегической точки зрения и данный порт не являлся оптимальной точкой, поскольку не давал выхода непосредственно в Индийский океан, для попадания в который следовало пройти через узкий Ормузский пролив, который мог быть заблокирован англичанами в случае обострения русско-английских отношений. Вот почему Нотович в конце концов считает оптимальным выйти на маленький городок Чахбахар, расположенный в одноименной бухте, которая была глубоко-

⁸ Наш торговый флот, его экономическое и политическое значение. Н.А. Нотович, учредитель пароходного и страхового общества «Полярная звезда». СПб., 1912.

⁹ АВР РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 16–17.

¹⁰ Нотович Н.А. Где дорога в Индию. М., 1889. С. 5.

¹¹ Одна верста равна 1066 метрам.

¹² Нотович Н.А. Где дорога в Индию. М., 1889. С. 69.

ководной, а главное, находилась всего примерно в 90 верстах от персидско-индийской границы. Это увеличило бы рельсовый путь еще на 656 верст, доведя его до 1910 верст, и дорога проходила бы через ряд крупных экономических центров Персии: Решт – Тегеран – Кум – Кашан – Йезд – Керман и выходила бы к Чахбахару¹³. Иначе говоря, в книге Нотович уже несколько меняет направление дороги по сравнению со своей запиской, написанной годом ранее, делая исходной точкой не Закавказье, откуда она должна была бы прийти в Тавриз, а Энзели и Решт, завершая же ее не в Персидском заливе, а Индийском океане. Н.А. Нотович пояснял в связи с этим:

Товары, которые могут быть предметом нашей торговли с дальним Востоком через Персию, будут принадлежать к числу весьма ценных товаров, которые способны выдержать железнодорожную перевозку на расстояние в несколько тысяч верст¹⁴.

В завершающих разделах он ясно указывает, на то, что если задачей России будет взять транзит из Европы в Азию в свои руки, то следует все-таки строить рельсовый путь из Закавказья через Тифлис на Эривань и далее на Тавриз, Тегеран и пр. до Чахбахара. В таком случае весь маршрут от порта Кале до Чахбахара составит 6 049 верст, а при соединении последнего с индийским портом Карачи дорогой вдоль берега моря – 6 796 верст¹⁵.

В политическом плане выдвижение к южным морям близ Британской Индии должно было, по мысли Нотовича, отрезвить антироссийскую позицию Англии, полную интриг и коварства, и заставить ее проводить более разумную политику в отношении России:

Из всего вышесказанного ясно видны наши выгоды как политические, так и экономические. Всем ясно, что Россия близь Индии, и прийти туда нам не будет стоить труда¹⁶.

Проведенный анализ показывает, что в конце 80-х гг. XIX в. Нотович был охвачен идеей создания транзитного железнодорожного пути к Индии, который целиком находился бы в руках русского правительства или предпринимателей. Однако в Петербурге, исходя из неготовности прежде всего по причинам финансовой слабости (по сравнению с Англией), сочли наиболее отвечающим русским интересам задачу добиваться моратория на любое железнодорожное строительство в Персии. В итоге 30 октября / 11 ноября 1890 г. персидский канцлер Амин ос-Султан и российский посланник в Тегеране Е.К. Бюцов подписали «Соглашение относительно железных дорог Персии». Согласно ему шахское правительство на срок в 10 лет с даты подписания соглашения обязалось само не строить железных дорог в Персии и не выдавать разрешения на их постройку каким-либо предпринимателям или компаниям. После истечения данного срока обе стороны немедленно должны были начать переговоры по вопросу о продлении указанного срока¹⁷.

Уже в начале XX в. неистовый Нотович так оценивал подписание этого соглашения:

Но, чтобы раз и навсегда приостановить всякие поползновения на получение концессий как русскими, так и иностранцами и тем не нарушать невозмутимого спокойствия наших дипломатов, Министерство иностранных дел додумалось до остроумного дипломатического акта, которым мы связали шаху руки, обязав его не выдавать никаких железнодорожных концессий в продолжении известного времени ни русским, ни иностранцам, ни даже персам¹⁸.

¹³ Нотович Н.А. Где дорога в Индию. М., 1889. С. 70.

¹⁴ Там же. С. 71.

¹⁵ Там же. С. 82.

¹⁶ Там же. С. 82–83.

¹⁷ Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М., 1946. С. 43–44.

¹⁸ АВП РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 16.

Он имел некоторые основания для такой эмоциональной оценки, поскольку принимал участие в железнодорожных делах на персидском направлении еще в 80-х гг. XIX в., а главными инициаторами подписания указанного документа стали министр иностранных дел сверхосторожный Н.К. Гирс и И.А. Зиновьев, в то время занимавший должность начальника Азиатского департамента министерства. Последний вообще с недоверием относился к экономической целесообразности строительства железных дорог в Персии из-за ее исключительной бедности. Значительно позже, в 1908 г., Нотович, являвшийся страстным сторонником активной политики России в железнодорожном вопросе в Персии, восклицал, что «на нашу политику в Персии следовало бы давно смотреть не глазами гг. Зиновьевых, а Петра Великого»¹⁹.

В 1900 г. после длительных дискуссий в правительстве России было принято решение продлить Соглашение еще на 10 лет²⁰, однако становилось ясно, что после 1910 г. еще раз продлить его будет невозможно.

Новые идеи Н.А. Нотовича начала XX в.

Между тем по сравнению с периодом активной генерации всевозможных предложений по данному вопросу экономическая ситуация к началу XX в. существенно изменилась, и идея замкнуть на Россию железнодорожный транзит между Европой и Индией постепенно утрачивала свою привлекательность. Это происходило по нескольким причинам. Прежде всего, германский проект Багдадской железной дороги, которая должна была пройти по маршруту Берлин – Константинополь – Багдад – Кувейт, обрел реальные черты, и стало ясно, что рано или поздно он будет осуществлен и составит серьезную конкуренцию возможному русскому рельсовому пути, нацеленному на транзит грузов. Другой причиной являлось быстрое развитие морского транспорта, удешевление фрахтов морских перевозок и повышение скорости передвижения и тоннажа морских судов. В такой ситуации самые низкие железнодорожные расценки на перевозки не могли конкурировать с морскими.

Кроме того, транзитируя европейские товары, Россия создавала себе конкурентов на персидском рынке, в связи с чем правительство запретило транзит в Персию европейских товаров, сделав исключение лишь для почтовых отправок и бандеролей, что диктовалось международной почтовой конвенцией. Оставалась только сфера пассажирского транзита, где железные дороги могли конкурировать с морским транспортом. Таким образом, прорабатывая различные варианты прокладки стальных магистралей, важно было руководствоваться только торгово-экономическими и военно-стратегическими интересами России.

В этот период Нотович активизировал усилия по продвижению своих идей. В 1908 г. он подготовил обширный документ, озаглавленный «Объяснительная записка по вопросу о персидских железных дорогах»²¹. В ней он выступил резко против транзита европейских товаров, отмечая, что следует руководствоваться только русскими торговыми интересами, а «не устарелыми стремлениями обслуживать чужие интересы в надежде, что и нам от этого перепадет несколько крох»²². Это был весьма разумный подход, поскольку большая часть русских товаров не могла бы конкурировать с европейскими в Персии, если бы у тех был быстрый и недорогой доступ к местному рынку благодаря железным дорогам. Кроме того, важным

¹⁹ АВП РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 16.

²⁰ В 1900 г. сторонником получения железнодорожной концессии выступал министр финансов С.Ю. Витте, которому оппонировал министр иностранных дел М.Н. Муравьев. Подробнее об этом см.: *Ананьич Б.В.* Учетно-судный банк Персии... С. 296–297.

²¹ Полный текст записки с расчетами и выкладками автора см.: АВП РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 10–30.

²² АВП РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 11.

для России фактором по-прежнему оставались волжский речной путь и Каспийское море, дававшие доступ к рынкам северных персидских провинций.

С учетом данного фактора Нотович предлагал войти в Персию по трем направлениям: 1. Астара – Тавриз – Урмийское озеро; 2. Энзели – Тегеран – Кашан – Йезд – Керман с ответвлениями Тегеран – Тегеран – Хамадан и Кашан – Исфаган; 3. Ашхабад – Мешхед – Хаф²³.

Кроме того, основные направления, предложенные им, проходили по территории, отошедшей по англо-русскому соглашению 1907 г. о разделе сфер влияния в Персии в северную, российскую сферу, лишь изредка выходя из нее в города нейтральной зоны (например, Исфаган)²⁴. Одним из преимуществ данных направлений являлось то, что они обслуживали бы только русские и персидские интересы, поскольку не соединялись бы ни с Багдадской дорогой и не направлялись бы к турецкой границе.

Примечательно и отсутствие в его предложениях идеи создания дороги от Баку к Энзели вдоль побережья Каспийского моря, что считалось ненужным для русско-персидской торговли, потребности которой полностью удовлетворялись российским торговым флотом, а дорога только создавала бы ненужную конкуренцию морским перевозкам.

Первая из предложенных Нотовичем линий, доходящая до г. Урмия, должна была обеспечить быструю и удобную транспортировку российских товаров на богатый рынок южного Азербайджана. Ветка эта была важна, поскольку тогда по персидской территории товары везлись по очень плохой колесной дороге. Разумеется, наряду с экономическими функциями, в случае возникновения русско-турецкой войны, она была бы исключительно важна для снабжения и переброски российских войск к левому флангу театра военных действий.

Строительство двух других линий могло дать несколько крупных преимуществ. Прежде всего они отдавали бы в руки России весь рынок северной Персии, что могло стать важным элементом культурной экспансии и проецирования мягкой силы, в стиле, уже давно используемом англичанами. Кроме того, эти дороги все-таки приближали бы русские товары к рынкам Персидского залива и Индии, которые были важны как для обрабатывающей промышленности, так и для продажи нефтепродуктов, которые в то время привозились в Индию из США.

Определенное влияние данные дороги оказали бы и на афганские дела, а также на английскую политику в регионе, поскольку создавали бы угрозу, хотя и не артикулируемую открыто, положению англичан в Индии. Последнее могло быть заделом на будущее, когда англо-русское соглашение, в длительность существования которого мало кто верил, могло прекратить свое существование.

Наконец, реализация указанных проектов должна была бы стать серьезным препятствием на пути энергичной германской экспансии в Персию и сбалансировать приближение Багдадской железной дороги к персидским границам.

Автор записки прекрасно понимал, что от решения персидского железнодорожного вопроса зависит не только экономическое и политическое, но и военно-стратегическое положение России на Ближнем Востоке. Справедливо сомневаясь в долговечности русско-английского соглашения по разделу сфер влияния в Персии, он призывал использовать те возможности, которые открывались для России. Предложенные им проекты позволяли, с одной стороны, зайти во фланг Турции, а с другой – закрепиться на афганской границе. Нотович эмоционально призывал:

²³ АВР РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 12.

²⁴ Следует отметить, что Нотович в целом положительно воспринимал подписание Россией и Англией соглашения 1907 г., что видно из его работы, опубликованной уже после подписания указанного соглашения: *Нотович Н.А.* Россия и Англия. Историко-политический этюд. СПб., 1907.

При новом обсуждении железнодорожного вопроса в Персии мы должны избегать ошибок, совершенных до сего времени благодаря неуместному деликатничанью там, где необходима определенная решимость. <...>

Самая история железнодорожных концессий в Персии очень поучительна и показывает, как мы в Петербурге выжидали с дипломатическим дрожанием событий, а посланники в Тегеране сажали капусту²⁵ в то время, когда англичане открыто и не боясь дипломатических осложнений шли навстречу событиям и забирали к рукам то, что мы прозевывали²⁶.

Такая оценка политики России не была лишена оснований, хотя в отношении действий посланников в Тегеране она не вполне была справедлива.

Проект железнодорожной концессии Н.А. Нотовича

Нотович не только критиковал нерешительность царских властей, но и сам прилагал усилия для того, чтобы продвинуть железнодорожные проекты. В частности, находясь в Персии, он активно общался с министром финансов Абдуль Касемом Наср уль-Мольком²⁷ и выработал с ним основные принципы будущей русской концессии²⁸, согласно которым концессионеры приступали к изыскательским работам в первый год после получения концессии и движение на первом участке протяженностью в 300 верст открывалось не позднее, чем через три года после их начала (статья 2). Статьей 4 проекта концессионного соглашения предусматривалось право концессионера выбрать направление дороги и определить ширину ее колеи. Это оговаривалось потому, что персидское правительство после окончания изысканий могло захотеть строить узкоколейную дорогу по стандартам индийских рельсовых путей, что было бы дешевле. При этом сам инициатор проекта выступал именно за строительство узкоколейной дороги, мотивируя тем, что по сравнению с ширококолейной она была бы гораздо дешевле, а строительство ее в сложном горном рельефе Персии было бы существенно проще, и быстрее, и тем, что по каким-то своим соображениям считал, что в районе Кермана она соединится с индийской сетью, которая будет построена англичанами с узкой колеей, как и во всей Индии²⁹. Несоответствие такой колеи русским стандартам он считал несущественным:

Перегрузка же товаров из наших вагонов в персидские даже в обширных размерах, что может произойти лишь в далеком будущем, несколько не осложнит товарообмена³⁰.

Также за концессионером закреплялось право устанавливать тарифы на транспортировку грузов и пассажиров, ориентируясь на условия рынка и время года, что оградило бы концессионеров от вмешательства персидского правительства в данный вопрос и позволило бы их регулировать сообразно интересам русских предпринимателей и купцов (ст. 6).

Концессионеры получили бы право разработки месторождений полезных ископаемых на расстоянии 50 верст в каждую сторону от предполагаемых линий, что являлось компенсацией отсутствия правительственной гарантии на инвестируемый капитал (ст. 9), а статьей 21 предусматривалось получение персидским правительством 15 % чистой прибыли от всех предприятий концессионеров. Статья 23 за-

²⁵ Намек на римского императора Диоклетиана (244–311 гг. н.э.), отказавшегося от престола и удалившегося в свое поместье в Салоне, где занялся выращиванием овощей.

²⁶ АВП РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 13.

²⁷ Эти контакты могли иметь место в 1907 г. и в первой половине 1908 г., когда Наср уль-Мольк занимал пост министра финансов.

²⁸ АВП РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 20–22.

²⁹ Там же. Л. 29.

³⁰ Там же. Л. 21.

крепляла за концессионерами право обеспечивать сохранность путей собственной стражей. Эта статья имела стратегическое, государственное значение, поскольку позволяла постепенно создавать небольшие поселения вокруг каждой станции и тем самым колонизовать пространство вдоль трассы, осуществляя культурную экспансию.

Нотович подготовил и общую предварительную смету первой очереди проекта протяженностью 1300 верст³¹. При строительстве узкоколейной дороги и цене версты в 10 тыс. руб. (в эту сумму входит и подвижной состав) она обошлась бы в 13 млн руб. Эксплуатационные расходы он определил в размере 25 % от инвестиций – 3 250 тыс. руб.³². Также им закладывались расходы на реконструкцию Энзелийского (2,5 млн руб.) и Астаринского портов (1 млн руб.), строительство 110 верст подъездных шоссейных дорог в Гиляне и Хорасане (330 тыс. руб.). Таким образом, все инвестиции в первую очередь проекта составили бы около 20 млн руб.

Призывая сделать выбор в пользу строительства именно узкоколейной дороги, Нотович исходил из необходимости руководствоваться исключительно экономическими интересами государства. В подтверждение выгоды всего предприятия и его окупаемости даже без предоставления правительственной гарантии на капитал он приводил расчеты, сметы постройки, грузооборота и доходности узкоколейной дороги Энзели – Тегеран, сделанные в Персии инженером Соколовским³³.

Завершалась его обширная записка очередной атакой на идею осуществления транзита из Европы в Индию, как не соответствующую интересам России:

Еще раз повторяю, что в торговле мы не имеем права либеральничать, и все наше внимание должно быть сосредоточено на том, чтобы не облегчать, а затруднять передвижение грузов из Западной Европы на Восток, и думать только о способах к облегчению и удешевлению перевозок на Восток товаров нашей отечественной промышленности, над изучением чего я неустанно работаю уже в протяжении двадцати лет.

Пора, наконец, нам прекратить систему прислуживания другим и начать проводить в наших внешних сношениях принцип «здорового эгоизма»³⁴.

30 апреля / 13 мая 1908 г. Нотович пишет письмо министру иностранных дел А.П. Извольскому, в котором излагает совершенно неожиданные идеи. Это было исключительно тревожное время, когда нарастающее конституционное движение, усиленно поддерживаемое и направлявшееся британской политикой, постоянно наступало на права и прерогативы самовластного правителя Персии Мохаммед Али-шаха Каджара, твердо ориентировавшегося на Россию. В феврале 1908 г. конституционалисты совершили на него покушение, и только по счастливой случайности монарх не пострадал³⁵.

Именно это обстоятельство имелось в виду в начальных строках письма Николая Александровича министру Извольскому:

Принимая во внимание все более и более обостряющееся положение дел в Персии, нахожу полезным обратить Ваше внимание на необходимость немедленного разрешения вопроса о железных дорогах в Персии³⁶.

³¹ АВП РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 23. В соответствующем месте проекта концессии он не указывает, о какой именно линии идет речь, но, исходя из расставленных им приоритетов и протяженности дороги, определенно имеется в виду маршрут Энзели – Кашан.

³² Вероятно, имелись в виду расходы на весь срок действия концессии, который не указывается в рассматриваемой записке.

³³ АВП РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 24–28.

³⁴ Там же. Л. 29–30.

³⁵ Подробно см.: Арабаджян З.А. Неизвестные страницы Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране. М., 2021. С. 54–57.

³⁶ АВП РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 31.

В письме предлагалось как можно скорее закрепить за Россией право строительства железных дорог в Персии (явно имея в виду непрочное положение шаха) и уже потом думать о направлениях будущих проектов и очередности их реализации.

Проект банковской концессии

В указанном письме Нотович предлагал с целью осуществления железнодорожных проектов получить от шахского правительства на свое имя концессию на учреждение в этой стране Торгово-промышленного банка³⁷ с исключительным правом финансировать и эксплуатировать все коммерческие и промышленные предприятия и концессии, принадлежащие государству, в том числе железные и шоссейные дороги, автомобильное передвижение, разработку рудников, лесов, ловлю жемчуга, добывание бирюзы и др.³⁸

Банк получал бы монопольное право выпускать выигрышные государственные и частные билеты с разрешения шахского правительства. Причем последняя идея была одобрена в ходе его переговоров с Наср уль-Мольком, а также авторитетными членами Меджлиса и самим Мохаммедом Али-шахом. Получив концессию на учреждение этого банка, Нотович предполагал передать ее в Учетно-ссудный банк для того, чтобы увеличить его возможности на случай, если сам банк будет передан российским правительством в частные руки. Такой переход он считал целесообразным, поскольку статус государственного банка лишил его возможности расширять сферу деятельности. Указанные комбинации позволяли бы России принимать активное участие не только в дорожном строительстве, но и в создании промышленных предприятий и разработке природных богатств Персии.

Пояснений требует положение концессии о праве выпуска государственных и частных лотерейных билетов, поскольку на первый взгляд оно кажется абсурдным, так как по шариату в Персии любые лотереи были невозможны. Однако данное положение включено в проект концессии специально по причине того, что в 1907 г. немецкие банкиры предлагали персидскому правительству крупное вознаграждение, эквивалентное 3 млн руб., за право выпуска в Европе государственных выигрышных билетов от имени персидского правительства³⁹. Разумеется, для России, стремившейся с помощью кредитов и займов осуществлять контроль за персидским правительством, было бы крайне невыгодно, если бы оно могло иметь финансовую подпитку со стороны германских банков, которые уже начали свою банковскую деятельность в Тавризе и хотели открыть банк в Тегеране и Исфагане. Этот пункт носил чисто политический характер.

Согласно проекту концессионер в течение шести месяцев со дня ратификации концессии должен был учредить банк, имея право привлекать персидские, русские и иностранные капиталы для осуществления своей деятельности. На все время действия концессии (75 лет) шахское правительство получало бы выплаты в размере 15 % от чистого дохода банка от всех его операций и предприятий, которые станут выплачиваться в конце каждого отчетного года. Для контроля за деятельностью банка и всеми его предприятиями одно место в Совете Администрации Общества закреплялось за назначаемым правительством представителем⁴⁰.

Нотович оставлял за собой право без разрешения персидского правительства передать свою концессию другому обществу, а также предусматривал, что все спор-

³⁷ Полный текст проекта концессии см.: АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 33–35.

³⁸ Там же. Л. 31.

³⁹ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 31 об. – 32.

⁴⁰ Там же. Л. 34.

ные вопросы, возникающие между Обществом и правительством, местными властями и частными лицами, «подлежат юрисдикции Туркманчайского договора»⁴¹.

Инициативы Нотовича соответствовали представлениям российского посланника в Персии Н.Г. Гартвига. Посланник отправил запрос по поводу рассматриваемой инициативы Нотовича в МИД, но на который не получил никакого ответа; министерство финансов также высказалось неопределенно, предполагая, что эта концессия явится конкурентом нашему банку в Тегеране⁴². В связи с этим инициатор проекта, собиравшийся ехать в Тегеран для постройки больницы на частные средства и коммерческой школы на свои собственные, просил А.П. Извольского высказать отношение к указанному проекту.

Обеспокоенность Нотовича вопросом перспектив железнодорожного строительства в Персии не была беспочвенной. Вскоре он писал на имя товарища министра иностранных дел Н.В. Чарыкова о том, что группа американских финансистов ведет секретные переговоры о предоставлении займа персидскому правительству в обмен за письменное обещание передать концессию на строительство железных дорог через два года (в 1910 г.), когда истечет второй десятилетний срок подписанного Россией и Персией договора об очередном моратории на выдачу такого рода концессий⁴³. Основная магистраль должна была идти в меридиональном направлении от турецкой границы к Мешхеду через Тегеран с отводами от нее к северу и югу.

Учитывая острейшую нужду шаха в деньгах, вероятность того, что Мохаммед Али-шах пойдет на такой шаг, была небесперспективной. В этих условиях Нотович призывал Чарыкова активизироваться и, воспользовавшись исключительным положением России, обеспечить ее права на железнодорожные концессии:

Ваши предшественники слишком долго топтались на одном месте, полагаясь на трактаты, и я уверен, что Вы не задумаетесь, чтобы, не теряя ни одной минуты, двинуть этот вопрос к его реальному осуществлению⁴⁴.

Усилия таких сторонников энергичного продвижения русских интересов в Персии, как Нотович, не пропали даром. В начале 1913 г. Россия получила концессию на строительство железной дороги Джульфа – Тавриз, которая была торжественно введена в эксплуатацию в апреле 1916 г.

Выводы

С последней трети XIX в. развернулась ожесточенная борьба между Россией и Англией за получение железнодорожных концессий в Персии, результатом которой для царских властей стали многочисленные неудачи с реализацией экономически значимых проектов. Н.А. Нотович оказался одним из участников такой борьбы и сторонником решительных действий, без оглядки на английскую реакцию, а составленные им бумаги поступали на самый высокий уровень российской бюрократии. За четверть века, когда он занимался железнодорожным вопросом, его взгляды на определение основных направлений дорог серьезно изменились. Если в начале он выступал за строительство дорог, заканчивающихся на побережье Персидского залива или Индийского океана, то после заключения англо-русского соглашения 1907 г. о разделе Персии на сферы влияния ратовал за строительство рельсовых путей только на севере страны, вошедшем в зону русских интересов.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 35.

⁴² Там же. Л. 31 об.

⁴³ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 40. Письмо не датировано, но поскольку в нем упоминается противоборство шаха и Меджлиса (был разогнан шахом во второй половине июня 1908 г.), оно написано до этого времени.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2992. Л. 40 об.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.04.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 2.06.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.06.2024

References

- Anan'ich, B.V. "Uchetno-ssudnyi bank Persii 1894–1907 [Discount and Loan Bank of Persia 1894–1907]." In *Monopolii i inostrannyi kapital v Rossii* [Monopolies and foreign capital in Russia], 274–314. Moscow, Leningrad, [N.s.], 1962 (in Russian).
- Anan'ich, B.V. *Rossiiskoe samoderzhavie i vyvoz kapitala 1895–1914 gg. (po materialam Uchetno-ssudnogo banka Persii)* [Russian autocracy and the export of capital 1895 – 1914. (based on materials from the Accounting and Loan Bank of Persia)]. Leningrad: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Arabadzhyan, Z.A. *The Unknown pages of Iran's 1905–1911 Constitutional Revolution*. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publ., 2021 (in Russian).
- Bobynin, N.N. *Persii, ee ekonomicheskoe polozenie i vneshniaia torgovlia 1901–1923* [Persia, its economic situation and foreign trade 1901–1923]. Tiflis: Narodnyi komissariat po vneshnei torgovli Z.S.F.S.R. Publ., 1923 (in Russian).
- Ishchenko N.S. "Participation of Nikolay Notovich in the English-Russian rivalry in Afghanistan in the mid-1880s." *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*, no. 6 (2020): 78–84 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S086919080012623-2>
- Kornoukhova, G. G. "Obsuzhdenie proekta transpersidskoi zheleznoi dorogi na strantsakh rossiiskoi pressy v nachale XX veka [Discussion of the trans-Persian railway project on the pages of the Russian press at the beginning of the twentieth century]." In *U istokov rossiiskoi gosudarstvennosti. Issledovaniia, materialy: Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kaluga, 11 noiabria 2020 goda*, 178–183. Kaluga: IP Streltsov I.A. Publ., 2020 (in Russian)
- Kornoukhova, G.G. "Russian-Persian Economic Relations in Early 20th Century: Road Construction." *Nauchnyi dialog* 13, no. 3 (2024): 445-462 (in Russian), <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-445-462>
- Kostrikova, L.G. "Polemika v russkoi presse po voprosu o zheleznodorozhnom stroitelstve v Persii. Proekt 'Velikogo indiijskogo puti' [Controversy in the Russian press on the issue of railway construction in Persia. The 'Great Indian Road' project]." In *Rossii na rubezhe XIX–XX vekov. Materialy nauchnykh chtenii pamiati V.I. Bovykina. Moskva, MGU, 20 ianvaria 1999 g.*, 336–347. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).
- Larin A.B. "Before the Storm: Russia and Britain in Iran in 1913." *Historiya* 12, no. 1 (2021): <https://history.jes.su/s207987840013829-0-1/> (in Russian), <https://doi.org/10.18254/S207987840013829-0>
- Mannanov, B.S. *Iz istorii russko-iranskikh otnoshenii v kontse XIX – nachale XX veka / Akad. nauk UzSSR* [From the history of Russian-Iranian relations in the late XIX – early XX centuries]. Tashkent: Nauka Publ., 1964 (in Russian).
- Notovich, N.A. *Gde doroga v Indiiu ?* [Where is the road to India?]. Moscow: Typo-lithography 'Tekhnika' Publ., 1889 (in Russian).
- Notovich, N.A. *Rossii i Angliia. Istoriko-politicheskoe issledovanie* [Russia and England. Historical and political study]. St. Petersburg: State Printing House. 1907 (in Russian).
- Rozhkova, M.K. *Ekonomicheskaiia politika tsarskogo pravitelstva na Srednem Vostoke vo vtoroi chetverti XIX veka i russkaia burzhuaziia* [The economic policy of the tsarist government in the Middle East in the second quarter of the XIX century and the Russian bourgeoisie]. Moscow: 2-ia tip. izdatelstvava Akademii nauk SSSR v Moskve Publ., 1949 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Завен Артемович Арабаджян, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12; arabzava@yandex.ru; SPIN: 3094-9627.

Zaven Artemovich Arabadzhyan, PhD in Economics, Leading Researcher, Center for the Study of the Near and Middle East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, Russia, 107031; arabzava@yandex.ru; SPIN: 3094-9627.

СТАТЬИ
ARTICLES

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-463-475>
EDN: PRFSZP

Научная статья / Research article

Переформирование московских дивизий народного ополчения в стрелковые в августе – сентябре 1941 г.

Алексей Юрьевич Безугольный

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия
Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

✉ besu111@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрены особенности организационно-штатной структуры и боевой подготовки 12-ти дивизий народного ополчения Москвы летом и осенью 1941 г. Исследование построено на архивных источниках, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, включая делопроизводственные материалы Московского военного округа и Резервного фронта, учетно-статистические материалы высших органов военного управления и массив документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР. Показано, что выявившееся уже в ходе первых полевых выходов недостатки, такие как несоответствие части личного состава требованиям строевой службы, низкая квалификация командного состава, разнородность стрелкового и артиллерийского вооружения, неразвитость тыловой службы дивизий и т.д., потребовали существенной реорганизации дивизий народного ополчения. В итоге все дивизии народного ополчения были переформированы в кадровые стрелковые дивизии Красной армии и в таком статусе вступили в бой в начале октября 1941 г.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советско-германский фронт, комплектование воинских частей, Московская битва

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00637, <https://rscf.ru/project/23-28-00637/>

Для цитирования: Безугольный А.Ю. Переформирование московских дивизий народного ополчения в стрелковые в августе – сентябре 1941 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 463–475. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-463-475>

Reorganization of Moscow Divisions of People's Militia into Rifle Ones in August – September 1941

Alexey Yurievich Bezugolny

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

✉ besu111@yandex.ru

Abstract: Through their article, the author considers the features of the organizational and staff structure and combat training of 12 divisions of people's militia of Moscow during the summer and autumn of 1941. The research is based on archival sources, most of them are introduced into scientific use for the first time: documents of management and record keeping of the Moscow Military District

© Безугольный А.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

and the Reserve Front, accounting and statistical materials of the highest military authorities, and an array of documents of the Commission on the History of the Great Patriotic War from the Academy of Sciences of the USSR. The documents show that shortcomings revealed already during the first field exercises, such as the inadequacy of some personnel for the requirements of combat service, low qualifications of the command staff, diversity of small arms and artillery weapons, poor rear service of divisions, etc., were in fact a common occurrence. These issues required a significant reorganization of the divisions of people's militia. Eventually, all the divisions of people's militia were reorganized into regular infantry divisions of the Red Army and entered battle in this status in early October 1941. The author also follows the process and results of this reorganization.

Keywords: The Second World War, Soviet-German front, manning of military units, the Battle of Moscow

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00637, <https://rscf.ru/project/23-28-00637/>

For citation: Bezugolny, A.Yu. "Reorganization of Moscow Divisions of People's Militia into Rifle Ones in August – September 1941." *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 463–475 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-453-475>

Введение

Актуальность. Московское ополчение вошло в историю Великой Отечественной войны и в общественную память прежде всего своим жертвенным подвигом, когда в октябре 1941 г. оно стало преградой на пути реализации операции «Тайфун» – стратегического наступления немецких войск на Москву. В последующем, в ноябре – декабре остатки ополченческих дивизий приняли участие в тяжелых оборонительных боях на ближних подступах к столице, а затем внесли свой вклад в общее контрнаступление советских войск.

Степень изученности проблемы. Литература о московском ополчении традиционно уделяет основное внимание их боевому пути. Отдельные вопросы организации и комплектования московских ополченческих дивизий рассматривались в работах ведущих советских историков народного ополчения А.Д. Колесника¹, А.М. Сеницына². В современной литературе можно отметить работы П.В. Доброва³, В.И. Каримова⁴, О.В. Будницкого⁵. В кандидатской диссертации С.А. Разина поднимаются вопросы формирования и укомплектования ополчения на примере 13-й дивизии Ростокинского района Москвы⁶. В современных летописях боевого пути отдельных ополченческих дивизий также отражены некоторые аспекты их организации⁷. Малоизученным в истории московского ополчения остается процесс и результаты его организационного переформирования в августе – сентябре 1941 г. в стрелковые дивизии сокращенного состава и приема в состав Красной армии.

Цель исследования заключается в оценке опыта принятия и реализации органами государственного и военного управления срочных, нестандартных решений,

¹ Колесник А.Д. Народное ополчение городов-героев. М., 1974; Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988; Народное ополчение защищает Родину. М., 1990. С. 23–40; Слухай И.А. Московское народное ополчение Великой Отечественной войны. М., 2013.

² Сеницын А.М. Всенародная помощь фронту: о патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1985. С. 38–43.

³ Добров П.В. Народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. Донецк, 1996.

⁴ Каримов В.И. Они отстояли Москву. По зову сердца, по велению совести. М., 2017. С. 55–66.

⁵ Будницкий О.В. Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. Вып. 3. С. 13. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086956870010139-3>

⁶ Разин С.А. Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны: на примере 13-й Ростокинской (140-й стрелковой) дивизии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 13–14.

⁷ Климанов В.В. С собой заслони Москву: подвиг 17-й стрелковой дивизии нар. ополчения. Народное ополчение на защите Москвы. М., 2005. С. 96–167; Кириллов А.А. Дивизия героев: от Москвы до Эльбы: боевой путь 21-й дивизии народного ополчения Москвы. Петрозаводск, 2016. С. 10–17 и др.

проводившихся в условиях крайне ограниченных ресурсов, нацеленных на приведение собранного ополчения к стандартам стрелковых войск Красной армии.

Источниковой базой исследования послужили архивные документы Центрального архива Министерства обороны РФ, в большинстве своем впервые вводимые в научный оборот. Прежде всего это делопроизводственные документы Московского военного округа (Ф. 135) и Резервного фронта (Ф. 219), учетно-статистические материалы высших органов военного управления – Генерального штаба Красной армии (Ф. 7) и Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии (Ф. 56), а также массив документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР Научного архива Института российской истории РАН. Кроме того, в работе используются опубликованные документы, отражающие историю народного ополчения⁸.

В одном из предыдущих номеров «Вестника РУДН» вышла наша статья, посвященная первым, во многом основополагающим дням формирования московского ополчения. Настоящую статью можно считать логическим продолжением исследования.

Особенности организационно-штатной структуры московских дивизий народного ополчения

Основополагающим нормативным актом, давшим старт кампании созыва народного ополчения сначала в Москве, а следом – и по всей стране, стало постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 4 июля 1941 г. № 10сс «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения», в соответствии с которым комплектование ополчения осуществлялось за счет трудящихся возрастом от 17 до 55 лет. Мобилизованные ополченцы переводились на казарменное положение. Первоначально развернулось формирование 25 дивизий по числу административных районов Москвы, но затем из-за нехватки ресурсов ограничились дивизиями первой волны, получившими номера: 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 17, 18, 21-я. Комплектование ополченческих дивизий людьми и всей материальной частью, кроме вооружений и боеприпасов, осуществляли уполномоченные районные тройки во главе с первым секретарем райкомов ВКП(б). Общее руководство формированием осуществлял объединенный городской и областной комитет партии, прежде всего, через его военный отдел, возглавляемый полковником А.И. Чугуновым, работавшим в тесном контакте со штабом Московского военного округа (МВО), осуществлявшим укомплектование дивизий военным имуществом, вооружением и боеприпасами.

Особенностью комплектования дивизий был территориально-производственный принцип. Он обеспечил уникальный социальный облик ополчения, когда подразделения формировались из рабочих и служащих одного предприятия, учреждения. За счет готовых производственных связей удалось в рекордные сроки набрать нужное количество людей и обеспечить высокий моральный дух воинского коллектива. В столичных дивизиях была высока прослойка рабочих и служащих, а также лиц с высшим и средним образованием. Однако такой подход игнорировал физические качества принимаемых в ополчение людей, их воинские звания и специальности, что требовало корректировки результатов формирования.

Поскольку подбор людей и оснащение дивизий вели административные районы Москвы, опиравшиеся на собственные людские, материальные и производственные ресурсы, то дивизии получались довольно различными. По качеству отбора лю-

⁸ Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996; Ростокинская дивизия. Воспоминания, письма, биографии. М., 2019 и др.

дей и материальному оснащению полковник А.И. Чугунов отмечал дивизии Куйбышевского, Ленинградского, Фрунзенского районов (4, 18, 5-я соответственно)⁹. Относительно хорошо с первых дней была вооружена 1-я дивизия Ленинского района.

7–10 июля 1941 г. 12 дивизий народного ополчения были выведены в ближайшее Подмосковье, к западу от столицы, чтобы начать боевую подготовку в полевых условиях. 18 июля приказом Ставки ВГК № 00409 десять дивизий народного ополчения были включены в состав трех армий (32-й, 33-й и 34-й) формируемой в 120–150 км от Москвы Можайской линии обороны¹⁰. Однако 1 августа войска резервных армий были выдвинуты еще дальше к западу, на линию Ржев, Сычевка, Вязьма, Спас-Деменск, Киров, Сухиничи и объединены в составе вновь образованного Резервного фронта под командованием генерала армии Г.К. Жукова. Основная часть дивизий народного ополчения была сосредоточена в районе Сычевка, Вязьма, Спас-Деменск, Дорогобуж. По состоянию на конец сентября дивизии народного ополчения были распределены между четырьмя армиями Резервного фронта: 33-й (1, 5, 17, 18, 21-я), 32-й (2, 7, 8, 13-я), 24-й (6, 9-я), 31-й (4-я)¹¹.

По своей организации, личному составу, вооружению и снаряжению дивизии народного ополчения существенно отличались от стрелковых дивизий Красной армии. При их создании первоначально ориентировались на введенный незадолго до начала войны штат и организацию стрелковой дивизии Красной армии военного времени сокращенного состава (9424 человека)¹². Однако большинство дивизий народного ополчения в первые недели после вывода из Москвы пришлось существенно сокращать, увольняя негодных по здоровью бойцов, подстраивая штаты под наличные ресурсы. Для их восполнения были расформированы запасные полки, личный состав и материальная часть которых были обращены на укомплектование остальных полков. Единой организации ополченческих дивизий не существовало. Например, в 33-й армии на пять дивизий народного ополчения имелось три штатных расписания (от 7547 до 7831 чел.)¹³. Всего по состоянию на 10 августа 1941 г. в 12 дивизиях народного ополчения по списку числилось 87 946 чел.¹⁴

Организационно народно-ополченческая дивизия состояла из командования, которому были подчинены штаб, политотдел, три стрелковых полка, артиллерийский дивизион 45-мм орудий, артиллерийский дивизион 76-мм орудий, медсанбат, роты: автотранспортная, связи, саперная и разведывательная. Стрелковый полк состоял из штаба, трех стрелковых батальонов, батареи 45-мм орудий, батареи 76-мм орудий, роты связи, саперного и транспортного взводов, а также пункта боепитания. Стрелковый батальон включал в себя штаб батальона, три стрелковых и пулеметную роты, взводы: связи, санитарный, снабжения, 82-мм минометов¹⁵. Следует обратить внимание на то, что в сравнении с организационной структурой стрелковой дивизии многие специальные и тыловые службы народно-ополченческих дивизий (связь, инженерное, транспортное, тыловое, медицинское, продовольственное обеспечение) находились, что называется, в «зачаточном» состоянии. Некоторые виды боевого обеспечения, например средства противовоздушной обороны, полностью отсутствовали.

⁹ Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 2. Р. 9. Оп. 27. Д. 1. Л. 1.

¹⁰ Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996. С. 75–76.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 684. Д. 1а. Л. 30–58.

¹² Там же. Ф. 135. Оп. 12461. Д. 9. Л. 3–5.

¹³ Там же. Ф. 219. Оп. 679. Д. 26. Л. 108, 110, 112, 114.

¹⁴ Там же. Ф. 7. Оп. 25. Д. 8. Л. 1, 4–6.

¹⁵ Там же. Ф. 219. Оп. 679. Д. 26. Л. 113.

Зато ополченческие дивизии могли оснащаться теми видами вооружения, которые по текущим штатам не полагались стрелковым дивизиям. Некоторые дивизии имели бронетанковую технику, которую они разными путями находили в разуккомплектованном состоянии на территории своих районов – на задворках заводов, железнодорожных станциях, полигонах. Заводские умельцы приводили все это в порядок, а затем сами же садились за рычаги управления. Самый большой танковый батальон в итоге сформировала 13-я дивизия Ростокинского района Москвы, в составе которой был 61 танк, в основном легкие Т-26¹⁶.

Одним из важных отличий дивизий народного ополчения Москвы от стрелковых соединений Красной армии стала разнотипность вооружения, что явилось препятствием на пути нормальной боевой подготовки личного состава и слаживания подразделений. Первой стрелковым и артиллерийским вооружением отечественных образцов была вооружена 1-я дивизия Ленинского района, получившая уже 7 июля со складов МВО большую часть вооружения отечественных образцов и боеприпасов к ним. Однако запасы вооружения на окружных складах быстро иссякли. Остальные дивизии народного ополчения первоначально вооружались винтовками, полученными от Осоавиахима (всего около 5 тыс. единиц), а также некоторым количеством пулеметов со складов Наркомата обороны¹⁷. В дальнейшем дивизии вооружались в основном трофейными образцами стрелкового оружия, состоявшими до 1939 г. на вооружении польской армии. Также со складов Главного артиллерийского управления (ГАУ) в незначительных количествах поступали другие иностранные винтовки, а также устаревшие русские винтовки. К началу августа на вооружении 4, 6, 7-й и 13-й дивизий народного ополчения, где проблема разнотипного вооружения стояла наиболее остро, насчитывалось 32 тыс. винтовок иностранных образцов¹⁸.

Большая часть иностранного стрелкового вооружения (винтовки и карабины «Маузер» польского и бельгийского производства, станковые и ручные пулеметы «Браунинг» польского и бельгийского производства и др.) была под патрон 7,92 мм, не применявшийся в Красной армии. Минометы калибра 46 и 81 мм (польские), противотанковая артиллерия – орудия калибра 37 мм (шведские), дивизионные французские пушки калибра 75 мм – также имели неподходящие боеприпасы¹⁹. К тому же все эти виды вооружений были бессистемно распределены по дивизиям. Хуже всего обстояло дело с артиллерией. Фактически лишь одна дивизия имела на вооружении отечественные минометы и еще две – отечественные противотанковые орудия.

Вооружение дивизий народного ополчения иностранным оружием влекло целый комплекс проблем: трудность освоения и боевого применения такого оружия, питания частей боеприпасами, техническое обслуживание и т.д. Непосредственно в дивизиях содержался лишь небольшой носимый запас патронов, в связи с чем резко ограничивались и учебные стрельбы, а любая, даже мелкая поломка выводила оружие из строя в виду невозможности его ремонта²⁰. Воспоминания бывших ополченцев полны красочных картин знакомства с иностранными винтовками, пулеметами и орудиями, обращаться с которыми, как правило, никто не умел, а соответствующих наставлений не имелось. Трагикомизма ситуации придавало то, что ополченцев, вооруженных иностранным оружием, вкуче с их разнообразной и не-

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 684. Д. 28. Л. 3.

¹⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 27. Д. 2. Л. 2.

¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 24. Л. 58–64; Д. 14. Л. 70.

¹⁹ Там же. Л. 58. При этом часть французских дивизионных пушек обр. 1897 г. растачивалась до калибра 76 мм. В ополченческих дивизиях 33-й армии в сентябре 1941 г. таковых насчитывалось 44 единицы. См.: ЦАМО РФ. Ф. 92. Оп. 8708. Л. 111.

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12461. Д. 39. Л. 222.

установой для Красной армии форменной одеждой темно-синего, «темно-мышинного» или черного цвета («очень напоминающую по цвету немецкую»²¹), нередко принимали за диверсантов. «Иностранное оружие и темное обмундирование были неоднократно причиной окружения их (ополченцев. – А.Б.) частями своей же армии. При нас самокатную роту окружили и хотели разоружить», – свидетельствовал побывавший в августе в расположении 6-й дивизии секретарь Дзержинского райкома партии Москвы П.И. Вакуленко²².

Еще одна «родовая травма» ополченческих дивизий состояла в нехватке маневренности. Парадоксально, но, несмотря на, казалось бы, избыток грузового автотранспорта (в среднем от 250 до 350 единиц против чуть более двухсот автомобилей всех типов в стрелковой дивизии Красной армии), фактически они были лишены подвижности как боевые единицы. Первоначальный штат дивизии народного ополчения, разработанный штабом МВО, предполагал наличие до 450 грузовых машин и, возможно, строился из расчета одновременного подъема на автотранспорте всего соединения, что превратило бы его в мотострелковое соединение²³. Однако ни в одной дивизии штат укомплектовать не удалось из-за нехватки автотранспорта, который активно мобилизовывали в Красную армию. По этой же причине качественное состояние грузовиков было невысоким (в основном последняя, 3-я категория), а ремонтная база во многих дивизиях отсутствовала, не хватало автомобильной резины. В связи с этим много автомобилей были не на ходу. Не хватало также механической артиллерийской тяги (тракторов).

Приближавшая осень ставила автотранспортное хозяйство ополченческих дивизий в сложное положение в связи плохими дорогами, непогодой, нерегулярным подвозом бензина и отсутствием ремонтной базы. При полном отсутствии конной тяги и гужевого транспорта в маневренном отношении дивизии народного ополчения могли остаться «совершенно неподвижными и не маневроспособными»²⁴. Некоторые дивизии в порядке самоснабжения «обживались» колхозными или брошенными лошадьми, повозками, сбруей²⁵. Другие (например, 1-я, 6-я), используя производственные мощности своих районов, где имелись автомобильные или авторемонтные заводы, обзавелись подвижными ремонтными мастерскими («летучками»)²⁶.

Как видно, ополченческие дивизии по своей организации, качеству личного состава и оснащению существенно отличались от стрелковых соединений Красной армии. К этому следует добавить, что, находясь в резерве, ополченцы большую часть времени занимались земляными оборонными работами. На тактические занятия и огневую подготовку выделялось, как правило, совсем немного времени. Кроме того, многие дивизии неоднократно меняли рубежи обороны и значительную часть времени проводили на маршах.

«Перевести на общее положение с дивизиями Красной армии...»

Все эти недостатки не остались незамеченными командующим войсками Резервного фронта генералом армии Г.К. Жуковым²⁷. 7 августа 1941 г. он направил короткую докладную записку на имя заместителей наркома обороны Г.И. Кулика, Е.А. Щаденко, по должности ответственных за войсковые формирования Красной

²¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 2. Д. 15. Л. 9.

²² ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12461. Д. 39. Л. 223.

²³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 69. Д. 15. Л. 1 об.

²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14. Л. 14.

²⁵ Там же. Ф. 135. Оп. 12461. Д. 39. Л. 224.

²⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 69. Д. 4. Л. 15.

²⁷ Г.К. Жуков занимал эту должность до 12 сентября 1941 г. 13 сентября его сменил маршал Советского Союза С.М. Буденный.

армии²⁸. По оценке Г.К. Жукова, полученные им дивизии были небоеспособны в связи с тем, что имели большое количество совершенно необученных людей, «не умеющих даже владеть винтовкой»²⁹, в том числе лиц, не годных к строевой службе. Наличный состав командиров не имел достаточной квалификации и не был способен руководить боем, вооружение разных систем требовало различного обслуживания. При этом командующий фронтом отмечал: «Хозяйственно дивизии не обеспечены и не могут тронуться с места»³⁰. Г.К. Жуков предлагал немедленно отчислить из дивизий всех ополченцев, негодных к строевой службе, пополнить каждую из них не менее чем по 500 чел. опытных красноармейцев; заменить командиров в звеньях рота – батальон – полк опытными фронтовиками; обеспечить дивизии гужевым транспортом, средствами связи и др. Он предупредил, что, «если не будут приняты немедленные меры, имеющиеся недостатки могут привести к тяжелым последствиям»³¹.

Докладная записка Г.К. Жукова в копиях была направлена И.В. Сталину, членам Государственного Комитета Обороны В.М. Молотову, Г.М. Маленкову, а также заместителям наркома обороны Б.М. Шапошникову и А.В. Хрулеву. Через Маленкова записка Г.К. Жукова попала на стол Сталину. Не позднее 11 августа³² заместителю наркома обороны армейскому комиссару 1-го ранга А.Е. Щаденко были даны указания Сталина о необходимости «обеспечения народно-ополченческих дивизий наравне с дивизиями Красной армии и о замене вооружения иностранных образцов на русское оружие»³³.

Первоначально рассматривалось компромиссное решение: пополнить дивизии необходимым военным имуществом, пятьюстами опытных бойцов каждую, а в отношении вооружения – оставить иностранное вооружение подходящих калибров (7,62 мм для стрелкового вооружения и 76-мм для артиллерии) и в дальнейшем иностранное стрелковое, минометное и артиллерийское вооружение предлагалось заменять на русские образцы постепенно, по мере поступления с производства.

Но уже 12 августа Е.А. Щаденко предложил И.В. Сталину план более решительного преобразования ополченческих дивизий, предварительно согласовав его с начальником Генерального штаба маршалом Советского Союза Б.М. Шапошниковым и начальником тыла Красной армии генерал-лейтенантом интендантской службы А.В. Хрулевым. В нем говорилось:

Перевести [дивизии народного ополчения] на общее положение с дивизиями Красной армии, произведя их доформирование и укомплектование по штатам, утвержденным Государственным Комитетом Обороны для вновь формируемых дивизий³⁴.

Дивизии народного ополчения при этом зачислялись на все виды снабжения и вооружения Красной армии.

Это предложение было принято Сталиным, что повлекло за собой большие сдвиги в комплектовании дивизий в последующие дни. 23 августа 1941 г. была издана директива заместителя наркома обороны № Орг/2/539420, которая требовала

²⁸ Маршал Г.И. Кулик до 6 августа 1941 г. возглавлял Главное управление укомплектования и формирования войск КА. 8 августа 1941 г. на эту должность был назначен армейский комиссар 1-го ранга Е.А. Щаденко.

²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14. Л. 54.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Указание на это содержится в докладной записке Щаденко на имя члена ГКО Л.П. Берии от 11 августа 1941 г. См.: ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14. Л. 58.

³³ Там же. Л. 66.

³⁴ Там же. Д. 14. Л. 67.

«для установления единой организации стрелковых дивизий Красной армии» перевести дивизии народного ополчения на новые штаты сокращенной стрелковой дивизии военного времени (№ 04/600-04/602, 04/605–612), доукомплектовав их людьми, лошадьми, транспортом, средствами связи, перевооружив отечественным стрелковым и артиллерийским вооружением³⁵. Все двенадцать дивизий народного ополчения, входившие на тот момент в состав 24, 32, 33-й и 49-й армий, к 1 сентября 1941 г. доукомплектовывались до численности в 11 634 человека каждая³⁶, сохраняя существующую нумерацию и наименования по районам Москвы³⁷. К 1 сентября (в 4-й и 6-й дивизиях – до 26 августа) должны были быть заменены винтовки и артиллерия иностранного производства, доукомплектованы до штата автотранспортом, походными кухнями и иным положенным имуществом³⁸.

Организация дивизии менялась в направлении наращивания ее огневой мощи, причем в штаты сокращенных стрелковых дивизий (военного времени) были внесены соответствующие изменения: в стрелковые роты включались отделения 50-мм минометов; в стрелковые батальоны вместо взводов включались роты 82-мм минометов; в стрелковые полки вместо взводов – батареи 120-мм минометов³⁹.

Личный состав, физически непригодный к строевой службе, переводился в тыловые части дивизий или увольнялся, а доукомплектование рядовым и младшим начальствующим составом предстояло осуществлять за счет военнообязанных 1918–1900 годов рождения с территории Московского военного округа. Интенсивное пополнение дивизий народного ополчения велось в последней декаде августа. Так, только 4-я и 6-я дивизии народного ополчения в течение 24 августа получили 10 маршевых батальонов по 750 человек⁴⁰. Кроме военнообязанных, дивизии получили готовые саперные батальоны, сформированные в МВО, комплект гужевого транспорта (лошади, одноконные и парные повозки), оборудование для связи (телефонные аппараты, кабели, катушки), ветеринарное имущество. Для автомобильного транспорта выделялись комплекты авторезины и ремонтно-восстановительные средства. Артиллерия была полностью переведена на конную тягу; обозы полков, отдельных батальонов и рот были обеспечены конным транспортом. Ряду дивизий были выделены готовые артиллерийские полки. Для высвобождения боевых частей от строительных работ Резервный фронт получил в сентябре десятки строительных батальонов, объединенных в два новых управления военно-полевого строительства⁴¹.

3 сентября 1941 г. на имя И.В. Сталина был представлен совместный доклад заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко, начальника ГАУ КА генерал-полковника Н.Д. Яковлева и командующего войсками МВО генерал-лейтенанта А.П. Артемьева, в котором были подведены итоги доукомплектования, перевооружения и материального дообеспечения 12 дивизий народного ополчения, проведенного в период с 24 августа по 3 сентября 1941 г. В дивизии было отправлено: личного состава – 49 423 чел.; лошадей – 32 932; повозок – 10 112; винтовок – 39 572; ручных пулеметов – 11 24; станковых пулеметов – 614; пистолетов-пулеметов – 1944; 50-мм минометов – 800; 82-мм минометов – 198; 120-мм минометов – 22; 76-мм пушек – 94; 122-мм гаубиц – 96⁴².

³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 1–6.

³⁶ В ряде дивизий были сформированы танковые батальоны, в связи с чем штаты увеличились на 130 человек и соответствующее количество техники и вооружения.

³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 132–134.

³⁸ Там же. Ф. 219. Оп. 684. Д. 1а. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 3.

⁴⁰ Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14. Л. 50.

⁴¹ Там же. Ф. 219. Оп. 684. Д. 1а. Л. 15–17 об.

⁴² Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14. Л. 82.

На деле, хотя главными управлениями НКО была проведена без преувеличения грандиозная работа по доукомплектованию дивизий народного ополчения, многие мероприятия не были завершены в установленный срок. К 3 сентября удалось в основном обеспечить дивизии обмундированием, обувью, ветеринарным и химическим имуществом. Началась замена иностранного вооружения на отечественные образцы, за исключением 412 единиц 7,62-мм пулеметов Кольта и 80 единиц 76-мм французских пушек, которые было решено оставить на вооружении дивизий. Хотя в отчетных документах штаба Резервного фронта сообщалось, что 8 сентября полностью поступило пополнение людьми и лошадьми⁴³. И по многочисленным свидетельствам руководящих и рядовых участников московского ополчения, людские и материальные пополнения продолжали прибывать вплоть до начала боев в октябре 1941 г., причем люди поступали «перед самым боем» совершенно необученные, «из колхозной среды»⁴⁴. В памяти ополченцев этот период запомнился как время лихорадочных организационных перемен:

В полку все время происходило перемещение людей. Вливались мобилизованные военкоматами солдаты, годные к строевой службе. Зачисленные первоначально рядовыми, строевые командиры и политработники перемещались на соответствующие их званию должности в других подразделениях...⁴⁵

Кроме того, распоряжением командующего войсками Резервного фронта Г.К. Жукова из дивизий народного ополчения отбирались лица с высшим и средним образованием и лучшие младшие командиры для подготовки на курсах младших лейтенантов⁴⁶.

Перевооружение дивизий также растянулось на весь сентябрь. Оружие получали прежде всего стрелковые подразделения, и в случае нехватки оно изымалось из других частей – у саперов, связистов, тыловых служб. Укомплектованность винтовками составляла около 85 %, ручными пулеметами – 93 %, станковыми пулеметами с учетом пулеметов «Кольт» дивизии были укомплектованы сверх комплекта.

Справедливости ради следует отметить, что в сентябре на вооружение дивизий народного ополчения поступало качественное, нередко совершенно новое вооружение. Из артиллерии – 122-мм гаубицы образца 1939 г., 76-мм пушки образца 1938 г., ротные минометы. В то же время минометы 82 и 120 мм только начинали поступать. Зенитные пулеметы и орудия не поставлялись вовсе. Крайне плохой была обеспеченность приборами для ведения огня с закрытых позиций (буссолей, стереотруб, биноклей), а также средств связи, что не давало возможности использовать всю мощь артиллерии.

Несмотря на большие усилия всех инстанций, в организации и боевой учебе ополчения оставалось немало упущений. Боевая подготовка в частях активизировалась только в сентябре, незадолго до того, как дивизии были введены в бой. До этого частые передислокации, загруженность земляными работами, нехватка вооружения, незнание иностранных образцов, нехватка уставов, наставлений и пособий были причиной того, что боевая подготовка велась «от случая к случаю». На нее выделялось от трех до пяти учебных часов, в то время как на окопные работы – не менее десяти часов⁴⁷. По свидетельству доцента ГИТИСа, бойца 8-й Краснопресненской ДНО П.М. Якобсона,

стрелять нас почти не учили, учили только теории стрельб и раза два может быть постреляли... Мы плохо воевали, потому что нас плохо учили⁴⁸.

⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 684. Д. 1а. Л. 9.

⁴⁴ Ростокинская дивизия. Воспоминания, письма, биографии. М., 2019. С. 551–552.

⁴⁵ Там же. С. 87.

⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 24. Л. 70–71.

⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14. Л. 4, 16.

⁴⁸ НА ИРИ РАН Ф. 2. Р. 9. Оп. 6. Д. 5. Л. 2.

По словам бойца, из 160 чел. его роты

только 4 человека попали по три раза в мишень, когда к нам приезжали с проверкой представители 24-й армии⁴⁹.

Тактическое обучение (перебежки, окапывание, штыковой бой) началось буквально за несколько дней до начала боев в начале октября⁵⁰. Ветераны-артиллеристы 18-й дивизии – Н.П. Громов и М.И. Жидков также вспоминали, что иностранные пушки заменили на отечественные только в сентябре, что не дало возможности должным образом их освоить⁵¹. Ополченец-минометчик А.П. Смирнов не успел выстрелить из миномета ни одного раза. Когда на учениях давали задачу поддерживать отступающую цепь, «мы рыли условно канавку, я условно устанавливал миномет, делали условные движения и тем дело кончалось», свидетельствовал Смирнов⁵². Военный комиссар 13-й дивизии Ростокинского района П.Г. Тарасов также признавал:

Боевой подготовкой занимались мало, было некогда: главным образом занимались устройством оборонительных рубежей⁵³.

Из организационных преобразований самым большим упущением было то, что до начала боев сформированные зенитные дивизионы так и не получили материальной части. Например, в 33-й армии не было ни одного зенитного орудия или пулемета, а в 32-й армии имелось в наличии только два зенитных пулемета⁵⁴. В последующем большие потери отступающие беззащитные с воздуха части ополченцев несли именно от огня вражеских самолетов, в то время как зенитчики не принимали никакого участия в боях⁵⁵. Следует отметить также, что по сравнению с другими армиями Резервного фронта, управления 32-й и 33-й армии имели крайне ограниченное количество армейской артиллерии, средств ПВО, оборудования радиосвязи, обладали незначительным количеством автомобильного транспорта. Поэтому в развернувшемся в начале октября оборонительном сражении они мало чем могли помочь своим дивизиям.

19 сентября 1941 г. преобразование ополченческих дивизий в кадровые получило логическое завершение: в соответствии с директивой заместителя народного комиссара обороны СССР маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова № Орг/2/540124, дивизии получили общearмейские порядковые номера, а наименование «народное ополчение было снято»⁵⁶. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 17, 18, 21-я дивизии народного ополчения были переименованы соответственно в 60, 2, 110, 113, 160, 29, 8, 139, 140, 17, 18, 173-ю стрелковые дивизии.

Оценить результаты преобразований ополченческих дивизий можно по материалам таблицы 1 (по состоянию на 20 августа) и таблицы 2 (по состоянию на 20 сентября).

⁴⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 6. Д. 5. Л. 2.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Ф. 2. Р. 1. Оп. 30. Д. 1. Л. 122; Р. 9. Оп. 8. Д. 1а. Л. 19 об.

⁵² Там же. Ф. 2. Р. 1. Оп. 69. Д. 28. Л. 6об.

⁵³ Там же. Р. 9. Оп. 10. Д. 8. Л. 2об.

⁵⁴ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 26. Л. 185–185об.

⁵⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 69. Д. 30. Л. 1об

⁵⁶ 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 17, 18, 21-я дивизии народного ополчения были переименованы соответственно в 60, 2, 110, 113, 160, 29, 8, 139, 140, 17, 18, 173-ю стрелковые дивизии. См.: ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 50. Л. 257.

Таблица 1 / Table 1

**Состояние дивизий народного ополчения на 20 августа 1941 г. /
The state of the people's militia divisions on August 20, 1941**

Номер дивизии/ Division number	Армия/ Army	Лично-го состава, чел./ Personnel, people	Лошад-дей/ Horses	Автомо-белей/ Cars	Мото-цик-лов/ Motor-cycles	Трак-торов/ Trac-tors	Тан-ков/ Tanks	Винтовок всех типов / Rifles of all types	Ручн. пулеметов / Light machine guns	Станк. пулеметов/ Heavy machine guns	Ору-дий / Guns	Минометов / Mortars
6	24А	6718	456	149	18	133	17	6264		50	4	
1	33А	7620		245	21		15	7060	78	285	51	18
5	33А	7121		239	8			7264	141	186	29	53
9	33А	6848	67	217	7			7854	109	216	48	42
17	33А	7450	56	172	22			6857	82	236	43	43
21	33А	6811		275	26			5449	140	172	47	38
4	49А	5838		50	12			5342	50	124	4	
2	32А	9040		355	15		16	7618	107	308	18	44
7	32А	8132	16	232	13			8461	277	175	57	40
8	32А	7855		324	6	5	18	10494	105	230	37	49
13	32А	7690	19	297	17		60	8325	350	190	54	66
18	32А	8309	62	170	10			6468	82	171	14	46
Всего		89432	676	2725	175	138	126	87456	1521	2343	406	439

Составлено по: ЦАМО РФ. Ф. 7 Оп. 25 Д. 1. Л. 63–68, 78, 79, 80.

Compiled on the basis of: Central Archives of the Moscow Region of the Russian Federation, f. 7, op. 25, d. 1, l. 63–68, 78, 79, 80.

Таблица 2 / Table 2

**Состояние стрелковых дивизий (бывших дивизий народного ополчения на 20 сентября 1941 г.) /
The state of rifle divisions (former people's militia divisions on September 20, 1941)**

Номер дивизии/ Division number	Ар-мия/ Army	Лично-го состава, чел./ Personnel, people	Лошад-дей/ Horses	Автомо-белей/ Cars	Мото Цик-лов/ Motor-cycles	Трак-торов/ Trac-tors	Тан-ков/ Tanks	Винто-вок и карабинов/ Rifles and carbines	Авто-мат. винто-вок СВТ/ SVT Automatic Rifles	Ручных пулеметов/ Light machine guns	Стан-ковых пулеметов/ Heavy machine guns	Ору-дий/ Guns	Ми-нометов/ Mortars
160 (6 ДНО)	24А	11125	2781	151	14	12		8088	1257	180	115	36	147
60 (1 ДНО)	33А	11457	2636	253	21	3		5910	316	83	293	51	36
113 (5 ДНО)	33А	11501	3210	263	11	12		7203	1066	158	126	54	78
139 (9 ДНО)	33А	11543	2452	250	7	8		6060	1692	161	154	50	65
17 (17 ДНО)	33А	11454	2836	252	15	12		6416	1671	148	60	49	79
173 (21 ДНО)	33А	10608	2476	327	20	12		3264	1524	163	155	70	113
110 (4 ДНО)	31А	11427	2541	48	6	4		6092	2973	100	109	39	142
2 (2 ДНО)	32А	11320	2799	321	18	12	16	6225	1906	160	167	58	133
29 (7 ДНО)	32А	10947	2689	270	14	8		7654	186	314	190	44	113
8 (8 ДНО)	32А	10573	2784	334	6	17	17	6102	1296	159	89	33	114
140 (13 ДНО)	32А	11490	2628	314	13	13	61	8553	1656	174	111	68	132
18 (18 ДНО)	33А	10668	2429	185	8	7		6345	1366	164	129	50	99
Всего / Total		134113	32261	2968	153	120	94	77912	16909	1964	1698	602	1251

Составлено по: ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 28. Л. 1–6.

Compiled on the basis of: Central Archives of the Moscow Region of the Russian Federation, f. 219, op. 679, d. 28, l. 1–6.

Представленные в таблицах данные свидетельствуют о проведенной за месяц напряженной работе, в которой участвовали центральный аппарат Наркомата обо-

роны СССР, фронтовые и армейские управления. Были приложены все возможные усилия для преобразования малочисленных и плохо вооруженных народноополченческих дивизий в полноценные пехотные соединения.

Выводы

На преобразование народноополченческих дивизий были израсходованы колоссальные и крайне дефицитные в первые месяцы войны людские, и материальные ресурсы. Процесс организационного строительства в московских дивизиях стал перманентным и не завершился к началу боев в октябре 1941 г. Это обстоятельство в значительной мере замедляло процесс нормальной боевой подготовки. Тем не менее преобразованные в пехоту дивизии народного ополчения значительно нарастили свои боевые возможности. К сожалению, превосходство в силах противника, подготовившегося к решающему броску на Москву, и оперативные прочеты советского командования в значительной мере свели эти усилия на нет и стали причиной развернувшейся в начале октября 1941 г. трагедии вяземского котла, в котором погибло практически все московское ополчение, едва преобразованное в кадровую пехоту.

Поступила в редакцию / Submitted: 01.03.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 02.04.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.08.2024

References

- Budnitsky, O.V. "Moscow People's Militia: reasons and peculiarities of formation." *Rossiiskaia istoriia*, no. 3 (2020): 3–20 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S086956870010139-3>
- Karimov, V.I. *Oni otstoieli Moskvu. Letopis' narodnogo opolcheniia Moskvu* [They defended Moscow. Chronicle of the People's Militia of Moscow]. Moscow: Planeta Publ., 2016 (in Russian).
- Kirillov, A.A. *Diviziia geroev: ot Moskvu do El'by: boevoi put' 21-i divizii narodnogo opolcheniia Moskvu* [Division of Heroes: from Moscow to the Elbe: the battle path of the 21st Division of the People's Militia of Moscow]. Petrozavodsk: IP Markov N.A. Publ., 2016 (in Russian).
- Klimanov, V.V. *Soboi zaslonili Moskvu: podvig 17-i strelkovoii divizii narodnogo opolcheniia* [They overshadowed Moscow: the feat of the 17th Infantry Division of the People's Militia]. Moscow: Abelia Publ., 2005 (in Russian).
- Kolesnik, A.D. *Narodnoe opolchenie gorodov-geroev* [People's Militia of Hero Cities]. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Polyakov, Yu.A., ed. *Opolchenskie formirovaniia Rossiiskoi Federatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Militia formations of the Russian Federation during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- Razin, S.A. *Moskovskoe narodnoe opolchenie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: na primere 13-i Rostokinskoi (140-i strelkovoii) divizii* [The Moscow People's Militia during the Great Patriotic War: the example of the 13th Rostokino (140th Infantry) Division. Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Moscow, 2017 (in Russian).
- Sinitsyn, A.M. *Vsenarodnaia pomoshh' frontu: o patrioticheskikh dvizheniiakh sovetskogo naroda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [National assistance to the front: about the patriotic movements of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Voenizdat Publ., 1985 (in Russian).
- Slukhay, I.A. *Moskovskoe narodnoe opolchenie Velikoi Otechestvennoi voiny* [Moscow people's militia of the Great Patriotic War]. Moscow: Patriot Publ., 2013 (in Russian).
- Yushinsky, Yu.T., ed. *Rostokinskaia diviziia. Vospominaniia, pis'ma, biografii* [Rostokinskaya division. Memoirs, letters, biographies]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2019 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Алексей Юрьевич Безугольный, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории Российской академии наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; ведущий научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32а; besu111@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>; SPIN: 4384-9524.

Alexey Yurievich Bezugolny, Dr. Habil. History, Russia; Leading Researcher at the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; 19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117292, Russia; Leading Researcher at the Department of Modern and Contemporary History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; 32a, Leninsky Prospekt Av., Moscow, 119334, Russia; besu111@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>; SPIN: 4384-9524.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-476-489>
EDN: PTIRUV

Научная статья / Research article

В магазине ничего нет, все очень трудно достать: из истории женской нестоличной повседневности советского города в 1950–1960-е гг.

Наталья Львовна Пушкарева ^a , Ирина Владимировна Богдашина ^b

^a Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

 pushkarev@mail.ru

Аннотация: Предмет изучения авторов статьи – алиментарные практики (добывание, подготовка, приготовление, потребление продуктов питания) в контексте гендерных отношений, социальной истории женщин и женской повседневности в нестоличных городах СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Источниками послужили документы личного происхождения (неопубликованные дневники и воспоминания), материалы кулинарных книг, которые имелись в то время почти в каждом доме, сведения периодической печати (журналы), архивные материалы из фондов Государственного архива Волгоградской области и Центра документации новейшей истории Волгоградской области, представленные делопроизводственными документами – отчетами проверок районных комитетов народного контроля, подтверждавших факты злоупотреблений в сфере общественного питания. Главным источником послужили неструктурированные устные биографические рассказы, «устная женская история», сохранившие эмоциональную оценку пережитых тогда трудностей. В антропологии советской повседневности гендерный аспект играет особую роль, поскольку обыденное и малоприметное в быту лучше схватывается и сохраняется женской памятью, да и сама женская повседневность существенно отличалась от мужской в силу большей загруженности бытовыми заботами. Общий вывод авторов сводится к утверждению о том, что, несмотря на социальную политику Советского государства, направленную на освобождение женщин от домашнего труда, патриархальное представление о роли женщины в семейном хозяйстве оказалось устойчивым и прослеживается на протяжении всего советского периода, в том числе и в период «Оттепели». Продолжилось формирование особого типа советской гастрономической культуры, весьма упрощенной в плане рецептов, но в силу этого сохранявшей хотя бы отчасти время и силы для внедомашней женской активности.

Ключевые слова: женская история, горожанки, антропология городской повседневности, гендерные асимметрии, алиментарные практики

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научно-го фонда (проект № 24-18-00212). Название проекта: «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия». Руководитель Н.Л. Пушкарева.

Для цитирования: Пушкарева Н.Л., Богдашина И.В. В магазине ничего нет, все очень трудно достать: из истории женской нестоличной повседневности советского города в 1950–1960-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 476–489. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-476-489>

There are no Foodstuffs in Grocery Stores, Everything is Very Difficult to Obtain: Women's Everyday Life in the Provincial Soviet City in the 1950–1960s

Natalia L. Pushkareva ^a , Irina V. Bogdashina ^b

^a Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia

^b Volgograd State University, Universitetsky, Volgograd, Russia

 pushkarev@mail.ru

Abstract: The authors have explored alimentary practices (obtaining, preparing, cooking, consuming foodstuffs) in the context of gender relations, social history of women and everyday life of women in non-capital cities of the USSR in the late 1950s – early 1960s. The main sources of their work are: personal documents (unpublished diaries and memoirs), materials from recipe books that were in almost every home at that time, information from periodicals (magazines), archival materials from the funds of the State Archives of the Volgograd Region and the Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region, and specific office documents – reports of inspections of district committees of people's control and confirming facts of abuse in the sphere of public catering. The main source is unstructured oral biographical stories or “women's oral story,” which preserved an emotional assessment of the difficulties experienced at that time. In the anthropology of Soviet everyday life, the gender aspect plays an especially significant role, since the ordinary and inconspicuous things in everyday life are better captured and preserved by women's memory; women's everyday life differed significantly from men's due to the greater burden of household chores. The authors conclude that despite the social policy of the Soviet state aimed at freeing women from household chores, the patriarchal idea of the role of women in the family turned out to be stable phenomena and can be traced throughout the Soviet period, including the “thaw.” Moreover, across the period there was the formation of a special type of Soviet gastronomic culture, simplified in terms of recipes, a form simplicity which provided time and energy for women's activities outside the home.

Keywords: women's history, urban women, anthropology of urban everyday life, gender asymmetries, alimentary practices

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00212). Project title: “Women's family memory in Russia in the 18th–21st centuries: forms of transmission, dynamics of transformations, social mission.” Supervisor – N.L. Pushkareva.

For citation: Pushkareva, N.L., and Bogdashina, I.V. “There are no Foodstuffs in Grocery Stores, Everything is Very Difficult to Obtain: Women's Everyday Life in the Provincial Soviet City in the 1950–1960s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 476–489. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-476-489>

Введение

Актуальность. «Человечество начинается с кухни, а вовсе не с трудовых отношений», – остроумно заметил (неявно споря с марксистами) основатель структурной антропологии Клод Леви-Стросс¹. Если в этом суждении есть хоть доля истины², то – обращаясь к событиям российской женской истории – сформулируем задачу: исследовать типическую советскую повседневность в ракурсе алиментарных практик, которые в английском языке схватывает концепт *foraging* («накармливание»). В него включается весь цикл активностей, которые обеспечивают кухню (от поисков нужного продукта в магазине и доставки его на кухню до, собственно кормления домашних, включая традиции рассаживания за столом, пищевых пред-

¹ *Levi-Strauss C. The Culinary Triangle // Food and Culture. New York, 2008. P. 37.*

² Вкус Европы. Антропологическое исследование культуры питания: Коллективная монография / отв. ред. М.Ю. Мартынова, О.Д. Фаис-Леутская. М., 2020.

почтений, подачи блюд, мытья посуды после завершения еды и уборки помещения). Мы предпочитаем пользоваться обобщающим термином *алиментарный* (от латинского *alimentarius* – связанный с питанием).

Изучая с особой пристальностью бытовые практики в рамках проектов, связанных с антропологией женской повседневности, мы не могли обойти вниманием алиментарные практики провинциальных городов страны – ведь жизнь там априори была отличной от столичной. Для примера нами был взят крупнейший индустриальный центр Нижнего Поволжья – Сталинград (с 1961 г. Волгоград). Его особое положение в послевоенные годы определялось быстрым ростом населения: с 500 тыс. чел. в начале 1950-х гг. до более, чем 700 тыс. в середине 1960-х гг.³ Восстанавливать разоренный войной крупный промышленный город, нуждавшийся в рабочих руках, ехала молодежь со всей страны, вопрос о продуктах питания стоял остро⁴ – и именно эта сторона повседневности становится особенно заметной в биографических рассказах, когда аналитик пытается распросить местных жительниц о прошлом.

Степень изученности проблемы. Впервые тему взаимосвязи товарного снабжения и женского быта в СССР подняли в советской историографии социологи, писавшие о времемких внепроизводственных женских обязанностях⁵, о том, что вопрос «об устранении остатков неравенства женщин в быту» остался открытым⁶. В последние годы появились подробные исследования о товарном дефиците в экономике советских городов, расположенных вдали от столиц⁷, о сложностях с доставкой продуктов и зависимости от нее структуры питания⁸, о его валеологической оценке⁹. Но вопрос о бытовых повседневных практиках, о том, как «доставались» и как потом использовались с трудом купленные в очередях товары, как они превращались подчас в кулинарные шедевры, то есть тема женской домашней загруженности 1950–1960-х гг., так и осталась почти не представленной в историографии. Первыми на «тесную увязку концептов *питание* и *гендер*» обратили внимание авторы сборника «Сезонный социализм», опубликованного в США¹⁰. За последние пять лет появились публикации и российских ученых¹¹.

³ Народная энциклопедия «Мой город». Волгоград. URL: http://www.mojgorod.ru/volgorad_obl/volgograd (дата обращения: 08.03.2023).

⁴ Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. С. 431.

⁵ Грушин Б.А. Свободное время: Актуальные проблемы. М., 1967; Гордон Л.А., Римашевская Н.М. Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся. М., 1972.

⁶ Белова В.С. Подлинное равноправие. М., 1965. С. 25–26; Зуйкова Е.М. Совершенствование быта в условиях социализма. М., 1974.

⁷ Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 1950-е – середине 1960-х годов: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Институт российской истории РАН, 2006.

⁸ Еремина О.Ю. Снабжение и потребление продуктов питания в СССР // Роль и значение советских пятилеток в развитии страны (к 90-летию первого пятилетнего плана). Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Роль и значение советских пятилеток в развитии страны (к 90-летию первого пятилетнего плана)». Курск, 2019. С. 37–41; Мамяченков В.Н. Потребление продуктов питания медицинскими работниками и членами их семей в 1965 г. (по материалам бюджетных обследований, проводившихся в Свердловской области) // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 12. С. 61–65; Томилин В.Н. Структура питания основных категорий городского и сельского населения СССР в период политического лидерства Н.С. Хрущева // Гуманитарные исследования центральной России. 2016. № 1. С. 43–53.

⁹ Таранова О.А. «Здоровая пища» в СССР. Трансформация советских практик здорового и правильного питания // Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию русской революции). Материалы научной конференции «XI Ковалевские чтения». СПб., 2017. С. 1556–1557.

¹⁰ Seasoned socialism: gender and food in late Soviet everyday life / edited by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko. Bloomington, 2019.

¹¹ Громашева О. Организация питания в семье: гендерный аспект // Практики и идентичности: гендерное устройство. СПб., 2010. С. 159–205; Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. Гендер и кулинарная основа культуры // Уральский исторический вестник. 2021. № 1(70). С. 193–195.

Цель исследования – определить способы адаптации женщин к бытовым невзгодам, выявить гендерную составляющую повседневных практик приобретения и потребления продуктов питания.

Объектом изучения стало женское население крупного поволжского регионального центра, недавно пережившего войну и стоявшего перед необходимостью «строить жить по-новому». Предметом исследования выступают повседневные бытовые (и именно связанные с кулинарией) практики горожанок Сталинграда/Волгограда, их запечатление (импринтинг) в женской семейной памяти.

Мы считали эвристически важным понять, насколько провинциальные жительницы согласны с тем, что в те годы удалось реализовать обещанную идеологами «решенность женского вопроса».

Источниковая база. Обращаясь к заинтересовавшему нас своей переломностью периоду Хрущевской оттепели 1950–1960-х гг. (годам особенной убежденности в правильности направления социально-политического и экономического развития страны, времени культурных трансформаций и научных прорывов – первого атомного ледокола, первых полетов в космос), мы сформулировали как рабочую гипотезу: женщины расскажут о том времени точнее, чем мужчины. Ведь это они (по традиции) занимались делами, связанными с кухней. К тому же женская меморизация своеобразна: женщины лучше мужчин запоминают детали эпизодов и описывают их, быстрее соглашаются на сам разговор¹², говорят эмоциональнее и ярче¹³.

Прицельный научный поиск в Государственном архиве Волгоградской области (Ф. Р-6880. Личный фонд Зинаиды Сергеевны Седельниковой) – подробный дневник женщины-хирурга, прожившей 86 лет (1920–2006)¹⁴, состоящий из 179 тетрадей за период с 1933 по 2004 гг., попавших в документохранилище в разные годы и образовавших множество архивных дел. Зинаида Седельникова приехала в Сталинград в 1951 г. и проживала в нем до смерти в 2006 г. Она описывала то, что замечала и считала важным, и к ее свидетельствам мы добавили полтора десятка неструктурированных лейтмотивных устных интервью, собранных в 2019–2020 гг. у жительниц того же Волгограда и вспоминавших о своем детстве и юности. Из этих текстов нами были секвенированы те, где упоминались бытовые трудности, связанные с алиментарными практиками. Они и составили особый «авторский архив», использованный недавно при защите диссертации¹⁵. Наряду с этими уникальными свидетельствами эпохи были обработаны материалы СМИ (журналы Работница, Крестьянка, Советская женщина, Служба быта), пособия по домоводству и кулинарии, статистические данные, делопроизводственные источники (материалы проверок районных комитетов народного контроля, подтверждавших факты злоупотреблений в сфере общественного питания).

Методы исследования. Обнаружив в Государственном архиве Волгоградской области неопубликованные женские воспоминания, мы воспользовались сравнительным контент-анализом, использовав материалы периодической печати и кулинарных

¹² Loprinzi P., Frith E. The Role of Sex in Memory Function: Considerations and Recommendations in the Context of Exercise // Journal of Clinical Medicine. 2018. № 7 (6). P. 132.

¹³ Skowronski J.J. Social memory in everyday life // Journal of personality and Social Psychology. 1991. Vol. 60. P. 831–843; Davis P.J. Gender differences in autobiographical memory for childhood emotional experiences // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 76. P. 498–510; Herlitz A., Yonker J.E. Sex differences in episodic memory // Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology. 2002. № 24. P. 107–114.

¹⁴ Пушкарёва Н.Л., Богдашина И.В. Источники личного происхождения по истории женской советской провинциальной повседневности 1950–1960-х гг. // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 93–104.

¹⁵ Богдашина И.В. Семейный и домашний быт горожанок Волгограда: содержание и динамика перемен (1950–1960-е гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва, 2022.

книг, которые читались в то время, а также из малоизученных архивных материалов проверок районных комитетов народного контроля, подтверждавших факты злоупотреблений в сфере общественного питания. Последним и самым важным этапом работы стал сбор устных биографических рассказов, неопубликованных женских историй, собранных нами на условиях анонимности, с правомерным уходом в приватный эмоциональный мир, в котором велик вес личных тревог и переживаний.

«Стояли в очередях и все доставали»: женщины – добытчицы нужных продуктов

К началу 1950-х гг. государственная торговля в Сталинграде стала основным источником продовольствия (наряду с существовавшей, но игравшей меньшую роль колхозно-кооперативной). Множество разрушенных войной оптовых баз было восстановлено, открытие новых магазинов и столовых становилось частью новой повседневности и к 1950 г. достигло довоенного уровня. За десять лет (1955–1965 гг.) число магазинов в городе возросло в 1,5 раза и к 1966 г. достигло 819 (население составляло в 743,1 тыс. чел.)¹⁶.

Однако жизненно важными продуктами – маслом, молоком, сахаром, кондитерскими изделиями и в особенности требуемыми для такого числа людей объемами поставок мяса – наполнить базы и торговые точки было нелегко. Поколение «нехваток и очередей» (выражение поэта Б. Слуцкого) привыкло все запасать впрок¹⁷ и делались эти запасы, как можно судить по воспоминаниям, прежде всего женщинами. Было это женской заботой в годы войны¹⁸ – осталось женской заботой и после. Надо было для начала все нужное «достать»: выяснить, в какой магазин завезли, отстоять очередь или, имея знакомства в сфере торговли, договориться о том, чтобы искомое было тайно отложено.

Низовыми сотрудниками продуктовых отделов были тоже, как правило, женщины: в 1958 г. в сети городских универмагов Сталинграда насчитывалось 578 работников, из них – 497 женщин (86 %); в 1964 г. женщин было 519 из 580 работников (89 %)¹⁹. Именно женщины завязывали выгодные знакомства среди работников торговли; «нужный человек» был у многих жительниц. Данное содействие было выгодно и самим продавцам: пользуясь положением, они откладывали для продажи знакомым более качественный или дефицитный товар, который могли продать по завышенной цене. Не имевшие нужных знакомств часто писали жалобы в горком партии, обращались в комитеты народного контроля, оставляли нелестные отзывы в жалобных книгах, сообщая, что такие-то «допускали продажу не оприходованного товара, бесфактурный его отпуск и не указывали его в расходных накладных»²⁰.

Получение из уст соседок и подруг («сарафанное радио») информации о том, где дают свежее/дефицитное, было обыденностью и до войны²¹: домашние телефоны вошли в быт двумя десятилетиями позже. В бюджет времени любой хозяйки были заложены ежедневные длительные поиски необходимого. Недолго жившая

¹⁶ Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. Волгоград, 1967. С. 41, 209–211.

¹⁷ Там же. С. 218.

¹⁸ Рыблова М.А. Дети Сталинграда: пищевые практики военного времени // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4 (34). С. 177.

¹⁹ Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-6036. Оп. 3. Д. 36. Л. 46; Д. 90. Л. 32.

²⁰ Там же. Д. 28. Л. 10.

²¹ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 16. Л. 36, 113 об., 118 об.; Д. 29. Л. 157.

в Ленинграде, затем в Ульяновске, а потом приехавшая с отцом в послевоенный Сталинград, врач З.С. Седельникова записала в декабре 1954 г. в дневнике:

Получила зарплату 538 р., зашли в несколько магазинов, купили продуктов (а с ними чрезвычайные трудности: масла сливочного и топленого, сахару, круп – нет уже несколько месяцев)²².

Любые сладости были подарочными артефактами; подарком становилось само время, затраченное на их поиски, не говоря уже о радости приобретения:

В поисках подарка потеряла около 2-х часов. В магазинах нет никаких конфет, ни шоколада, ни фруктов. К счастью, нашла свежие пирожные» (март 1955 г.)²³.

Очевидные трудности были с доставанием легких вин, в том числе шампанского («с трудом нашла молдавское вино – везде лишь коньяк и ликеры», октябрь 1960 г.)²⁴; мяса, мясных продуктов и колбас, сливочного масла (которые резко дорожали во всей стране в 1962 г.). Дневниковая запись все той же женщины-хирурга от сентября 1964 г. позволила оценить масштабы нагрузки:

Заезжала в ц. гастроном, привезла карбонат, украинскую колбасу, пошла в магазин, купила хлеб, сметану, кильки, пошла 2-й раз и купила 14 кг картошки по 18 коп. и 5,5 кг яблок по 70 коп.²⁵

Это пример того, как в данном случае незамужняя женщина-хирург после рабочего дня несколько раз должна была обежать магазины, чтобы донести домой разных покупок весом почти в 20 кг! Приносить домой вручную такие тяжелые сумки было для советской женщины привычной рутинной; никаких сумок на колесах в СССР не было. Понятна радость от открытия каждого нового магазина в шаговой доступности к середине 1960-х гг. В ноябре 1963 г. по этому поводу сделана запись:

Мансардный магазин переделали, он стал в 2 раза шире, светлей, с зеркалами, дневным светом. 4 или 5 отделов <...> Я купила сахар, конфеты, хлеб, сыр, вино²⁶.

Спрос был ажиотажным. В дневниковом рассказе хирурга замечен страх провинциальной обывательницы перед тем, что на следующий день перечисленных продуктов может уже не быть в продаже, и лучше запастись ими впрок. Одна из опрошенных авторами женщин рассказала о том, «хрущевском», времени:

Помню, ходили за хлебом, занимали очередь, были проблемы с хлебом. Занимали с вечера, в 12 часов ночи пересчитывались, за покупкой приводили всю семью – в руки давали одну буханку²⁷.

Практически всегда походы по магазинам сопровождались очередями, в которых женщинам приходилось проводить по несколько часов. За мясом, овощами, крупами, маслом, хлебом, сахаром нужно было именно стоять²⁸, а при нехватке средств – размышлять, у кого занять, чтобы закупиться вперед и надолго²⁹. В отличие от столичного города в областном центре, коим был Сталинград/Волгоград, не было удобной фасовочной тары, позволявшей в те годы в Москве или Ленинграде

²² ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 16. Л. 15.

²³ Там же. Д. 16. Л. 67 об.

²⁴ Там же. Д. 25. Л. 123 об.

²⁵ Там же. Д. 31. Л. 35–36.

²⁶ Там же. Д. 29. Л. 154.

²⁷ Аноним (А.И.), 1948 г.р. // Авторский архив. Запись 26.07.2019 г., Волгоград.

²⁸ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13, Л. 68, 76 об.; Д. 15. Л. 80; Д. 16. Л. 51, 113 об.; Д. 25. Л. 58 об.; Д. 26. Л. 10 об.; Д. 27. Л. 168 об.; Д. 28. Л. 136; Д. 30. Л. 38, 127 об.; Д. 31. Л. 32, 138.

²⁹ Там же. Д. 13. Л. 145, 166 об.; Д. 14. Л. 112 об.; Д. 18. Л. 147.

разливать молоко и молочные продукты в пакеты, фасовать творог и сливочное масло в пачки. Ничего подобного до середины 1960-х гг. в поволжском городе не было.

Накрыть «с избытком, разнообразием и искусством»: выработка женских кулинарных умений в эпоху дефицита

Практически постоянный дефицит товаров в СССР обучал умению приспосабливаться, прежде всего «ужимая» аппетит и (вольно или невольно) упрощая, профанируя вкусовые потребности. В июле 1951 г. З.С. Седельникова записала в дневнике: «О вкусном уже не думаем, в основном каши, постный суп, картошка, немного овощей»³⁰.

Вкусными для нее были фрукты, конфеты, печенье, а также домашние пироги с мясом, морковью и яйцом, соленья, жареный картофель, гороховый суп, уха, жирные щи... Бывшие в довоенное время обывателями³¹, в период «Оттепели» они оказались несбыточной мечтой³². К счастью, почти достаточно было мучных и молочных продуктов. Одна из вспоминавших сообщила, что мама по утрам перед школой готовила детям «гоголь-моголь»: взбивала яйцо с сахаром и манной кашей³³ (об истинном рецепте гоголя-моголя с коньяком и без манки никто и не догадывался).

Запрос на более дефицитные продукты, особенно мясные, не удовлетворялся и часто был связан с криминалом, т. е. в результате различных махинаций (в которых были замешаны и женщины) мясо исчезало с баз³⁴, выносилось из-под полы с предприятий пищевой промышленности³⁵. Работниц на такое толкала тотальная нехватка продуктов питания, стремление как можно лучше накормить семью, зарабатывать на перепродаже и подмене ценников («систематическое завышение цены на мясные блюда путем подмены категорий и видов мяса и мясопродуктов»)³⁶.

Колхозные рынки помогали, но не спасали. Там тоже любую хозяйку встречали очереди, высокие цены и скудный ассортимент: «Остановилась около свежесольных огурчиков 2 руб. штука. Цена вызвала ошеломление, я рассердилась, да и купила 2 огурца» (июнь 1957 г.); «Прошли через новый ц. рынок. Огромный и пуст: щавель да капуста, да семена цветов на 1-ом этаже» (май 1964 г.)³⁷. Тем не менее, именно на рынок горожанки отправлялись за мясом, яйцами, овощами: на свой огород могли надеяться лишь жившие на окраине³⁸.

Купленные с трудом продукты, по воспоминаниям, надо было не только донести, но и обработать: овощи продавались грязными, мясо – с жилами и пленками. Умение правильно подготавливать продукты к приготовлению кулинарных блюд формировалось на уроках труда для девочек. Хозяйки ориентировались на ежегодно переиздававшееся «Домоводство»³⁹. Многого познавалось на опыте: жесткое мясо с жилами надо было слегка заморозить, чтобы перекрутить на фарш (иначе мясорубки не справлялись); закупленную осенью морковь следовало хранить в песке, а лук – в подвешенном состоянии (для чего годились старые чулки, которые набивали луковичками).

³⁰ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 70 об.

³¹ Глуценко И.В. *Общепит. Микоян и советская кухня*. М., 2015.

³² ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 15. Л. 24 об, 33; Д. 19. Л. 169.

³³ Аноним (Г.Ю.) 1951 г.р. // Авторский архив. Запись 29.08.2019, г. Волгоград.

³⁴ Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 28. Д. 43. Л. 179–181.

³⁵ ГАВО. Ф. Р-6869. Оп. 1. Д. 24. Л. 14–15, 35, 38.

³⁶ Там же. Д. 7. Л. 14, 31, 48–49.

³⁷ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 19. Л. 168 об–69; Д. 30. Л. 111.

³⁸ Аноним (А.И.), 1948 г.р. // Авторский архив. Запись 26.07.2019, г. Волгоград; Аноним (Л.М.), 1958 г.р. // Авторский архив. Запись 21.01.2020, г. Волгоград; Аноним (Н.П.), 1956 г.р. // Авторский архив. Запись 14.10.2019, г. Волгоград; ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 108 об; Д. 20. Л. 12; Д. 25. Л. 58 об; Д. 27. Л. 179 об; Д. 31. Л. 44; Д. 33. Л. 216.

³⁹ *Домоводство*. М., 1956; *Домоводство*. М., 1958; *Домоводство*. М., 1960; *Домоводство*. М., 1965.

Желание полакомить детей и родных заставляло передавать из уст в уста рецепты приготовления разных блюд, они переписывались из журналов «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина», «Служба быта», отрывных календарей. Ежегодно переиздавалась и тут же раскупалась книга «О вкусной и здоровой пище»⁴⁰ – регулятор и символический воспитатель потребностей, увязанных с одобренными властью вкусовыми приоритетами⁴¹. Книга эта была в каждой семье; до сих пор издания разных лет хранятся в домах респонденток⁴². Приготовленное не всегда соответствовало красочным книжным изображениям⁴³, а рецептуру постоянно упрощали из-за отсутствия нужных продуктов⁴⁴. Правильнее назвать сам акт такой адаптации не проявлением кулинарного мастерства, а выработкой «вкуса к необходимости»⁴⁵. Можно добавить к этому, что культура упаковки отсутствовала:

Работники магазина большую часть продуктов фасовали сами. Конфеты, печенье, куски сыра, колбасы заворачивались в серую жесткую бумагу вторичной переработки⁴⁶.

Приготовление к праздничному столу было всегда хлопотным: отложить деньги («конфет было много, а денег мало»⁴⁷), купить необходимое, просчитать, чтобы хватило еды приглашенным. А гостей принято было звать помногу сразу. Запись января 1954 г. повествует:

Сдала дежурство... Много хлопот с закупкой необходимого на вечер, который так дружно решили все провести и уже вчера принесли деньги. К 6 часам накрыли – собралось неожиданно больше товарищей, чем ожидали, 21 человек. С трудом сели, к большому раздвижному столу, был подставлен маленький из кухни. Выпито литров 6 вина, 6 бут. шампанского, слава богу, хватило закуски, хотя беспокоилась⁴⁸.

Поскольку блюда готовили сами, женщины неявно соревновались в умении приготовить и подать. Вот какое описание застолья было сделано в октябре 1962 г.:

Стол был хорошим, не видела такого ни у кого. Накрыт с изобилием, разнообразием и искусством (грибы белые с красными шляпками и укропом! рыба жаренная посыпанная какими-то крошками, варенье нескольких сортов). Хозяйка почти не сидела на месте⁴⁹.

⁴⁰ Книга о вкусной и здоровой пище / отв. ред. И.К. Сиволап. Минск, 1951; Книга о вкусной и здоровой пище / М-во пищевой пром-сти СССР. М., 1952; Книга о вкусной и здоровой пище / под ред. И.К. Сиволап. М., 1953.

⁴¹ Добренко Е. Гастрономический коммунизм: вкусное vs. здоровое // Неприкосновенный запас. 2009. № 64 (2). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/2/gastronomicheskij-kommunizm-vkusnoe-vs-zdorovoe.html> (дата обращения: 08.03.2023)

⁴² Аноним (Е.В.), 1944 г.р. // Авторский архив. Запись 15.03.2020, г. Волгоград; Аноним (Г.Ю.), 1951 г.р. // Авторский архив. Запись 29.08.2019, г. Волгоград; Аноним (О.В.), 1953 г.р. // Авторский архив. Запись 30.10.2019, г. Волгоград; Аноним (Т.М.), 1950 г.р. // Авторский архив. Запись 22.10.2019, г. Волгоград; Аноним (Л.М.), 1958 г.р. // Авторский архив. Запись 21.01.2020, г. Волгоград; Аноним (Л.Д.), 1948 г.р. // Авторский архив. Запись 22.02.2020, г. Волгоград; Аноним (Н.П.), 1956 г.р. // Авторский архив. Запись 14.10.2019, г. Волгоград; Аноним (Т.В.), 1948, г.р. // Авторский архив. Запись 02.09.2019, г. Волгоград; Аноним (Н.П.), 1941 г.р. // Авторский архив. Запись 31.08.2019, г. Волгоград; Аноним (Л.И.), 1939 г.р. // Авторский архив. Запись 26.08.2020, г. Волгоград.

⁴³ Попова О.Д. «Книга о вкусной и здоровой пище» в системе идеологических мифов периода перехода от эпохи «оттепели» к эпохе «застоя» // Диалог со временем. 2022. № 79. С. 236–251.

⁴⁴ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 291.

⁴⁵ Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of Judgement of Taste. Cambridge, 1984. P. 196.

⁴⁶ Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы. СПб., 2021. С. 82.

⁴⁷ Аноним (Н.В.), 1938 г.р. // Авторский архив. Запись 06.09.2019, г. Волгоград.

⁴⁸ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 121 об. – 122.

⁴⁹ Там же. Д. 28. Л. 15.

А уж в условиях дефицита продуктов, отсутствия домашних запасов и просто денег неожиданный визит гостей ставил хозяйку в неудобное положение, принося чувство стыда⁵⁰. Ни о каких «столах заказов», организованных в столицах⁵¹, в провинциальном Сталинграде/Волгограде не слышали. Там в полной мере ощущали комичность анекдота 1960-х гг.: «А правда, что при коммунизме продукты можно будет заказывать по телефону? – Правда! А выдавать их будут по телевизору!» (о телевизорах, к слову, там тогда только читали, в домах их практически не было). Просмотром телевизора занимала свой досуг З.С. Сидельникова у ленинградских друзей в 1953 г.,⁵² у большинства простых горожанок телевизоров не было. Желанный аппарат врач купила в январе 1962 г., пришлось копить средства (336 руб.) в течение нескольких месяцев и в итоге «отдать все свои деньги»⁵³.

Жизненную действительность, возможности и запросы хозяек отчасти дают представить женские журналы. Они формировали желаемую культуру потребления, и расчет шел как раз на женщин. В кулинарных рубриках давались важные советы: чем заменить и как освежить те или иные продукты, как сохранить при отсутствии погреба, улучшить «даже самую скромную еду» и справиться с нехваткой необходимого⁵⁴. Авторы рубрик учили хозяек экономить, «чтобы домашний обед был вкусным и недорогим» – это отвечало запросу большинства⁵⁵. От ассортимента в магазинах зависело качество питания, которое было почти целиком домашним, поскольку (как и во многих иных городах страны) практика создания фабрик-кухонь еще до войны успехом не увенчалась; возобновлять ее никто не пытался⁵⁶.

Иное дело – общественные столовые. Являясь частью государственной торговли, они были призваны накормить горожан готовыми недорогими блюдами. Однако возрождение столовых шло медленнее, чем восстановление предприятий розничной торговли. Их довоенный уровень в Сталинграде был достигнут лишь к концу 1950-х гг., и даже тех 407 столовых, что обслуживали город в конце 1966 г. по тысяче и более человек в день, крупному промышленному центру не хватало⁵⁷.

При этом сотрудницы общепита, пользуясь доступом к продуктам, предпочитали упрощать рецептуру, пытаясь найти возможность унести домой часть поставленного по госцене дефицита:

Сестра работала в обкоме в отделе с/х, туда привозили все, и она нам давала продукты: рыбу различную, кур, гусей, ананасы⁵⁸.

⁵⁰ Там же. Д. 14. Л. 156; Д. 17. Л. 34; Д. 25. Л. 64.

⁵¹ *Лебина Н.Б.* Повседневность эпохи космоса... С. 71.

⁵² ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 52 об.

⁵³ Там же. Д. 27. Л. 36.

⁵⁴ *Старков А.* Учитывая запросы потребителя // Советская женщина. 1953. № 1. С. 60–61; *Крестьянка*. 1953. № 11. С. 32; *Крестьянка*. 1954. № 3. С. 32; *Вечтомова Е.* На фабрике «Красное знамя» // Работница. 1954. № 1. С. 27–28; *Обед в несколько минут* // Советская женщина. 1955. № 2. С. 46; *Черепяхина А.* Ваша домашняя мастерская // Работница. 1959. № 10. С. 32; *Работница*. 1957. № 1. С. 31; *Работница*. 1956. № 9. С. 30–31; *Швецова О.* Мясо и мясные блюда // *Крестьянка*. 1966. № 1. С. 32; *Крестьянка*. 1966. № 3. С. 32; *Григорьев П.* Как организовать домашнее питание // Работница. 1955. № 1. С. 32; *Работница*. 1960. № 12. С. 30; *Работница*. 1959. № 11. С. 32; *Чеклашков А.* Из черствого хлеба и сухарей // Работница. 1965. № 3. С. 30.

⁵⁵ *Григорьев П.* Рациональное использование продуктов // Работница. 1955. № 12. С. 32.

⁵⁶ Работница. 1955. № 11. С. 28–29; *Лантева С., Михайлова Л.* Домовая кухня г. Москва // Работница. 1960. № 5. С. 30.

⁵⁷ Народное хозяйство Волгоградской области... С. 209, 211.

⁵⁸ Аноним (Н.В.), 1938 г.р. // Авторский архив. Запись 06.09.2019, г. Волгоград.

Из принесенного домой готовилась домашняя еда для близких, а покупатели могли лишь жаловаться на очевидную кражу продуктов и обвес при приготовлении блюд в столовой⁵⁹. «Общепиту» не доверяли; невкусная и некачественная еда, обвес и обман со стороны персонала, антисанитарное состояние помещений – все это заставляло горожан надеяться на умелых домашних хозяек⁶⁰ и означало, конечно, дополнительную нагрузку для женщин.

Семейные люди редко едят не дома, в России – почти никогда, – вспоминал о том времени в контексте ленинградских реалий 1950–1960-х гг. поэт И. Бродский. – Я не помню ни мать, ни отца за столиком в ресторане или даже в кафетерии⁶¹.

Женская смекалка в хранении и готовке продуктов. Мечты о холодильнике

В домах Сталинграда/Волгограда 60–70 лет назад холодильников не было; они были мечтой многих хозяек, которые месяцами стояли в очереди для его приобретения. У имевших собственный дом (как правило, на окраине) были ледники или погреба (заполнявшиеся снегом зимой и постепенно оттаивавшие летом). В кирпичных домах сталинского времени для хранения овощей использовалось пространство под окном кухни (там от толстой стены оставляли один кирпич и ставили полки) – получался подоконный шкаф, но большинство хранило продукты в сетке, привязанной снаружи к форточке. Многие респондентки говорили о том, что и рады были бы купить впрок – но не покупали, хранить было негде⁶², для продуктов надо было вырывать колодцы, опускать в погреб, довольствоваться их малым количеством⁶³.

Женский бытовой опыт, передаваемый из уст в уста: как сберечь купленное, обеспечив низкие температуры в местах хранения (засыпать ледник на лето, проветривать погреб, рыть колодец), был весьма ценен.

Женский бытовой опыт, передаваемый из уст в уста: как сберечь купленное, обеспечив низкие температуры в местах хранения (засыпать ледник на лето, проветривать погреб, рыть колодец), был весьма ценен. Одна из респонденток делилась своим воспоминанием: «У нас дома папа вырывал глубокий колодец, там была ледяная вода, в ведре опускали продукты»⁶⁴.

Имелись советы и в журналах⁶⁵. Но мечты советских женщин сводились именно к приобретению холодильников. Проблема при этом была не только в дефиците товара и его качестве (много поступало в продажу с браком), отсутствии денег, знакомств. Но и в том, что холодильники могли неожиданно привезти в магазин, но при этом, как часто бывало, мало у кого имелись деньги наготове, да и товар поступал в продажу с браком⁶⁶.

⁵⁹ Аноним (Н.Е.), 1945 г.р. // Авторский архив. Запись 17.01.2020, г. Волгоград; Аноним (А.И.), 1948 г.р. // Авторский архив. Запись 26.07.2019, г. Волгоград; Аноним (Н.В.), 1938 г.р. // Авторский архив. Запись 06.09.2019, г. Волгоград; ГАВО. Ф. Р-6869. Оп. 1. Д. 7. Л. 14; Д. 34. Л. 35; Д. 24. Л. 35; Ф. Р-6820. Оп. 1. Д. 57. Л. 29.

⁶⁰ ГАВО. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 14. Л. 31–33.

⁶¹ Бродский И. Меньше единицы: Избранные эссе. М., 1999. С. 428–429.

⁶² Аноним (О.В.), 1953 г.р. // Авторский архив. Запись 30.10.2019, г. Волгоград; Аноним (Н.П.), 1956 г.р. // Авторский архив. Запись 14.10.2019, г. Волгоград.

⁶³ Аноним (Н.П.), 1941 г.р. // Авторский архив. Запись 31.08.2019, г. Волгоград; Аноним (М.П.), 1933 г.р. // Авторский архив. Запись 29.05.2019, г. Волгоград; Аноним (А.Д.), 1943 г.р. // Авторский архив. Запись 19.05.2019, г. Волгоград.

⁶⁴ Аноним (Н.П.), 1941 г.р. // Авторский архив. Запись 31.08.2019, г. Волгоград.

⁶⁵ Сергеев С. Сделайте сами холодильники // Работница. 1959. № 5. С. 30; Хранение продуктов // Работница. 1961. № 7. С. 31.

⁶⁶ ГАВО. Ф. Р-6036. Оп. 2. Д. 89. Л. 24.

Обратимся к записи врача, сделанной в ноябре 1958 г.:

Из театра вышли вчетвером в универмаг и увидели холодильник «Саратов». У Жени деньги были, а у меня нет, я побежала к друзьям, Лида дала 1125 р., Виктор с Ноной принесли еще 500 <...> Обнаружилось, что все 4 холодильника не годны. Один стучит, другие совсем не работают! <...> Наши вызвали техника-монтажника из гарантийной мастерской. След. летом не придется страдать с продуктами от жары. И снова долгу более 1500 р. Страшно надоело отказывать себе в хорошем обеде и завтраках на работу⁶⁷.

У большинства волгоградов холодильники на кухнях стали появляться лишь в середине 1960-х гг., тогда же в журналах для женщин стали публиковаться советы по их «заботливому использованию»⁶⁸. Это отвечало чаяниям хозяек о прекращении каждодневных готовок⁶⁹.

Меж тем перебои со снабжением продуктами были перманентными. Они распространялись даже на ассортиментный минимум, временами «пропадало» все: сахар, мука, масло, отдельный сорт хлеба – и пропадало на несколько месяцев⁷⁰, о чем свидетельствуют дневниковые записи. В них – и про цены, и про наличие/отсутствие товаров, и про финансовое, и моральное состояние рассказчицы, сопряженное с тем, что удалось или не удалось купить. «Гречка появилась только в шестидесятые...»⁷¹, – мимоходом заметила одна из респонденток, рассказывая, каким минималистичным было питание в дни ее молодости.

«В магазине ничего нет, все очень трудно достать...»⁷², – сетовала и автор дневника. Постоянное напряжение от поисков и раздумий над тем, как установить нужные знакомства, чтобы достать продукты, что именно из них готовить (и сколько времени на это потратить) отравляло жизнь горожанок, будь то врач, учитель, продавщица, работница завода.

Сохраненное с таким трудом готовилось бережно. Респондентки рассказали:

Груши и яблоки сушили целиком, бабушка в чугунок и русской печи эти фрукты запаривала и перетирала, поре высушивали на солнце и сворачивали в трубочку, получалась фруктовая пастила, в каждом дворе так делали. Паслен был вместо клубники, лакомство. Мама из него делала лепешки, сушила, складывала в мешочки. Зимой их заливали кипятком и из этой массы пекли пироги. Мама сама готовила; начала готовить с замужества, всему научилась от свекрови: яблоки моченые, капусту солила. Фрукты не мыли и не помню, чтобы мы с сестрой чем-то болели⁷³.

Иными словами, женская повседневность была тем жизненным пространством, в котором намечались уверенные новации и в то же время царил преемственность старых форм быта. Надежды на лучшее и мечты о нем формировались у советских нестоличных горожанок в обстоятельствах отчаянного сопротивления безрадостной житейской действительности. Отметим, что в годы «хрущевской оттепели» на государственном уровне, действительно, впервые задумались над об-

⁶⁷ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 22. Л. 71, 75.

⁶⁸ Новинки для дома // Работница. 1965. № 2. С. 31; *Барановский Л.В.* Холодильник в доме // Работница. 1966. № 7. С. 31.

⁶⁹ Аноним (Н.П.), 1956 г.р. // Авторский архив. Запись 14.10.2019, г. Волгоград; Аноним (А.Д.), 1943 г.р. // Авторский архив. Запись 19.05.2019, г. Волгоград; Аноним (И.В.), 1937 г.р. // Авторский архив. Запись 16.06.2019, г. Волгоград.

⁷⁰ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 16. Л. 15, 15 об.; Д. 15. Л. 239 об.; Д. 28. Л. 67; Д. 30. Л. 127 об.; Д. 30. Л. 25.

⁷¹ Аноним (Г.Ю.), 1951 г.р. // Авторский архив. Запись 29.08.2019, г. Волгоград.

⁷² ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 21. Л. 55.

⁷³ Аноним (Г.Ю.), 1951 г.р. // Авторский архив. Запись 29.08.2019, г. Волгоград; Аноним (Н.П.), 1941 г.р. // Авторский архив. Запись 31.08.2019, г. Волгоград; Аноним (Н.П.), 1956 г.р. // Авторский архив. Запись 14.10.2019, г. Волгоград.

легчением женского домашнего труда, в котором покупка, приготовление и потребление продуктов питания признавались «наиболее трудоемкой домашней работой»⁷⁴. Это было время открывавшихся вначале в центре города, а после и в рабочих районах не только фабрик-кухонь (которые появились еще до войны), но и кафе, столовых, новых магазинов, но (в отличие от столичных) в провинцию тогда еще не проникли новые стандарты мелкой упаковки (молока в пакеты, творога и масла в пачки, что стало уже нормой в Москве и Ленинграде). В Поволжье жили по-старинке, «приезжали в квартал машины с бочкой молока и там разливали»⁷⁵, а значит процесс «добывания» продуктов все еще означал стояние в очередях. Быстро удовлетворить запросы горожанок всей страны советской экономике тогда было еще не под силу.

Выводы

Женская готовность к служению семье, пестовавшаяся в России веками, не претерпела эрозии и в годы «социалистического самоуправления на принципах коммунистической морали»: горожанки были вынуждены прибегать к различным способам «доставания» продуктов, обладать готовностью перенимать практики хранения и приготовления, которыми делились более опытные женщины, а из-за существовавшего дефицита выносить навыки добычи продуктов по блату. Многочасовые походы по магазинам, доставка вручную неподъемных сумок, переживания по поводу отсутствия нужного в продаже или невозможности накормить семью и гостей, вечное урезание собственных вкусовых желаний – все эти обыденные мелочи складывались в картину женской повседневности «эпохи космоса и кукурузы».

В изучении обыденных практик при историко-антропологическом измерении социальных процессов важнейшими оказались как раз не сухие «объективные факты» газетных статей или нормативных документов, но субъективная правда жизни. Ее вариабельность в разных жизненных историях – ценный ресурс, который можно использовать, выявляя типичное и стараясь генерализировать отдельные жизненные случаи. Они и показали, что жертвовать досугом и личными интересами не было для сталинградок/волгоградок делом свободного выбора. Эта необходимость была следствием постоянной недооценки властью женских социальных запросов, слабого учета институциональных факторов, безразличия к требованиям расширить снабжение города, ассортимент продуктов, их качество и количество. Общественность, чьи рупором были женские журналы, намекала читательницам на извечность социальной обязанности и гендерной роли «хранительницы очага» – и это воспринималось женщинами как данность, переживать по поводу которой бессмысленно. Не удивительно поэтому, что в годы «оттепели» продолжилось формирование особого типа советской гастрономической культуры, весьма упрощенной в плане рецептов, но в силу этого сохранявшей хотя бы отчасти время и силы для внедомашней женской активности.

Продукты питания и еда в те годы оставались все также (ввиду сохранявшихся сложностей продуктового снабжения) условием и основой выживания для многих советских провинциальных горожанок, ведь именно на женщинах лежала забота по обеспечению семьи едой. Ограниченность ассортимента и ненадлежащее качество продуктов рождали массу негативных явлений – очереди, блат, хамство, эгоизм. Не вписываясь в советскую идеологию и очевидно противореча ей, эти (как тогда говорили) «пережитки прошлого» часто становились объектом советской

⁷⁴ Никольская Е. Время и домашний труд // Служба быта. 1966. № 7. С. 34–35.

⁷⁵ Аноним (О.В.), 1953 г.р. // Авторский архив. Запись 30.10.2019, г. Волгоград.

сатиры. Но сами обыденные практики выживания, не сводимые только к «доставанию» продуктов питания, равно как отражение этих практик в визуальных нарративах, литературе и СМИ, были частью советской повседневной культуры.

Поступила в редакцию / Submitted: 23.03.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.12.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.08.2024

References

- Aksyutin, Yu.V. *Khrushchevskaya 'otpepel' i obshchestvennye nastroyeniia v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev's 'Thaw' and Social Attitudes in the USSR in 1953–1964]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Belova, V.S. *Podlinnoe ravnopravie* [Genuine Equality]. Moscow: Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Bogdashina, I.V. "Family and Home Life of Volgograd Woman: Content and Dynamics of Change (1950–1960S)." PhD diss., Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, 2022 (in Russian).
- Bourdieu, P. *Distinction: A Social Critique of Judgement of Taste*. Cambridge: Harvard University Press, 1984.
- Davis, P.J. "Gender differences in autobiographical memory for childhood emotional experiences." *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 76 (1999): 498–510.
- Dobrenko, E. "Gastronomicheskii kommunizm: vkusnoe vs zdravoe [Gastronomic Communism: Tasty vs. Healthy]." *Neprikosovennyi zapas* 64, no. 2 (2009), <https://magazines.gorky.media/nz/2009/2/gastronomicheskij-kommunizm-vkusnoe-vs-zdravoe.html> (in Russian).
- Eremina, O.Yu. "Snabzhenie i potreblenie produktov pitaniia v SSSR [Supply and consumption of food products in the USSR]." In *Rol i znachenie sovetskikh piatiletok v razvitiu strany (k 90-letiiu pervogo piatiletnego plana). Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 'Rol i znachenie sovetskikh piatiletok v razvitiu strany (k 90-letiyu pervogo piatiletnego plana)*, 37–41. Kursk: University book Publ., 2019 (in Russian).
- Glushchenko, I.V. *Obshchepit. Mikoian i sovetskaia kuchnia* [Catering. Mikoyan and Soviet cuisine]. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2015 (in Russian).
- Gordon, L.A., and Rimashevskaya, N.M. *Piatidnevnaia rabochaia nedelia i svobodnoe vremia trudiashchikhsia* [The Five-Day Workweek and Workers' Free Time]. Moscow: Mysl Publ., 1972 (in Russian).
- Gromasheva, O. "Organizatsiia pitaniia v seme: gendernyi aspekt [Organization of catering in the family: gender aspect]." In *Praktiki i identichnosti: gendernoe ustroistvo*. St. Petersburg: EUSPB Publ., 2010 (in Russian).
- Grushin, B.A. *Svobodnoe vremia: Aktualnye problemy* [Free Time: Current Issues]. Moscow: Mysl Publ., 1967 (in Russian).
- Herlitz, A., and Yonker, J.E. "Sex differences in episodic memory." *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, no. 24 (2002): 107–114.
- Lakhtikova, A., Brintlinger, A., and Glushchenko I. *Seasoned socialism: gender and food in late Soviet everyday life*. Bloomington: Indiana University Press, 2019.
- Lebina, N.B. *Povsednevnost epokhi kosmosa i kukuruzy* [The Everyday Life of the Age of Space and Corn]. St. Petersburg: Kruga Publ., 2021 (in Russian).
- Loprinzi, P., and Frith, E. "The Role of Sex in Memory Function: Considerations and Recommendations in the Context of Exercise." *Journal of Clinical Medicine*, no. 7 (2018), <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6028920/>
- Levi-Strauss, C. "The Culinary Triangle." *Food and Culture*, 36–39. New York: Routledge, 2008.
- Mamyachenkov, V.N. "Potreblenie produktov pitaniia meditsynskimi rabotnikami i chlenami ikh semei v 1965 g. (po materialam biudzhethnykh obsledovani, provodivshikhsia v Sverdlovskoi oblasti) [Food consumption by medical workers and their families in 1965 (based on budget surveys conducted in the Sverdlovsk Region)]." *Manuskript*, no. 12 (2019): 61–65 (in Russian), <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-5-218-233>

- Martynova, M. Yu., and Fais-Leutskaya, O.D., eds. *Vkus Evropy. Antropologicheskoe issledovanie kul'tury pitaniia* [The Taste of Europe. An Anthropological Study of Food Culture: Collective]. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon Publ., 2020 (in Russian).
- Popova, O.D. "The Book of Tasty and Healthy Food" in the System of Ideological Myths Characteristic of the Transition from the Khrushchev Thaw to the Brezhnevian Stagnation." *Dialogue with Time*, no. 79 (2022): 236–251, <https://doi.org/10.21267/aquilo.2022.79.79.015>
- Pushkareva, N.L., and Bogdashina, I.V. "Personal provenance sources on the history of provincial daily life of Soviet women in the 1950-1960s." *Herald of an Archivist*, no. 1 (2021): 93–104 (in Russian), <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-1-93-104>
- Pushkareva, N.L., and Zhidchenko, A.V. "Gender and the culinary basis of culture." *Ural Historical Journal*, no. 1 (2021): 193–195 (in Russian), [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1\(70\)-193-195](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1(70)-193-195)
- Ryblova, M.A. "Children of Stalingrad: wartime food practices." *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, no. 4 (2015): 168–179 (in Russian), <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.4.16>
- Shestakov, V.A. "Social and Economic Policy of the Soviet State in the 1950s-Mid 1960s." PhD thesis, Institute of Russian History RAS, 2006 (in Russian).
- Skowronski, J.J. "Social memory in everyday life." *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 60 (1991): 831–843.
- Taranova, O.A. "'Zdorovaia pishcha' v SSSR. Transformatsiya sovetskikh praktik zdorovogo i pravil'nogo pitaniia ['Healthy food' in the USSR. Transformation of the Soviet practices of healthy and proper nutrition]." In *Globalnye sotsialnye transformatsii XX – nachala XXI vv. (k 100-letiyu russkoi revolyucii). Materialy nauchnoi konferentsii 'XI Kovalevskie chteniya'*, 1556–1557. St. Petersburg: Skifiya-Print Publ., 2017 (in Russian).
- Tomilin, V.N. "Nutritional structure of the main categories of the urban and rural population of the USSR during the political leadership of Khrushchev." *Humanities Researches of the Central Russia*, no. 1 (2016): 43–53 (in Russian), <https://doi.org/10.24411/2541-9056-2016-00007>
- Zuykova, E.M. *Sovershenstvovanie byta v usloviyakh sotsializma* [Perfection of everyday life in the conditions of socialism]. Moscow: Znanie Publ., 1974 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Львовна Пушкарёва, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник и руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32А; pushkarev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>; SPIN: 3853-8032.

Natalia Lvovna Pushkareva, Senior doctor of History, Professor, Chief Researcher and Head of the Center for Gender Studies, N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; 119334, Russia, Moscow, Leninsky Pr. 32A; pushkarev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>; SPIN: 3853-8032.

Ирина Владимировна Богдашина, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет; 400062, Россия, Волгоград, пр. Университетский, 100; i.bogdashina@volsu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9908-2039>; SPIN: 5242-6150.

Irina Vladimirovna Bogdashina, PhD in History, Assistant, Department of History and International Relations, Volgograd State University; 100, Universitetskiy Prospekt, Volgograd, 400062, Russia; i.bogdashina@volsu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9908-2039>; SPIN: 5242-6150.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-490-500>
EDN: PUEFED

Научная статья / Research article

История научных контактов отечественных и французских ученых в области физиологии растений в конце XIX в. – 1970-е гг.

Мария Викторовна Малунова

Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова
Российской академии наук, Москва, Россия

malunova@ihst.ru

Аннотация: Рассматривается история научных связей и сотрудничества между русскими и советскими учеными в области физиологии растений с их французскими коллегами в период с конца XIX в. до 1970-х гг. Прослеживаются изменения, произошедшие в отношениях между научными сообществами после Великой российской революции 1917 г., между двух мировых войн и с началом холодной войны. Отражены конкретные направления сотрудничества между учеными, проблематика, вызывавшая наибольший интерес со стороны физиологов растений двух стран, проанализировано развитие научных связей с помощью научных командировок физиологов растений во Францию и СССР, ставших, с одной стороны, важной составной частью научной дипломатии, с другой – позволявших давать новый импульс развитию науки в двух государствах.

Ключевые слова: история биологии, советско-французские научные связи, международная коммуникация, советская наука, заграничные командировки советских биологов

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-00564 «Советско-французские научные связи в области биологии (1930–1970-е гг.)».

Для цитирования: Малунова М.В. История научных контактов отечественных и французских ученых в области физиологии растений в конце XIX в. – 1970-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 490–500. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-490-500>

History of Scientific Contacts between Russian and French Plant Physiologists in the Late XIX Century – 1970s

Mariya V. Malunova

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Science,
Moscow, Russia

malunova@ihst.ru

Abstract: The author has investigated the history of scientific relations and cooperation between Russian and Soviet scientists in the field of plant physiology with their French colleagues in the period from the end of the XIX century to the 1970s. The authors consider the changes that took place in the relations between scientific communities after the Great Russian Revolution of 1917, between the two world wars, and the beginning of the Cold War. The specific areas of cooperation between the scientists, the problems that aroused the greatest interest of plant physiologists of the two countries are reflected upon in the article. Through the article there is an analysis of the development of scientific ties

© Малунова М.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

with the help of scientific trips of plant physiologists to France and the USSR, which became, on the one hand, an important part of scientific diplomacy, and on the other hand, a factor that allowed a new impetus to the development of science in the two states.

Keywords: history of biology, history of plant physiology, Soviet-French scientific relations, international communication, Soviet science, plant physiology, foreign business trips of Soviet biologists

Funding: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RNF) within the framework of scientific project No. 22-18-00564 “Soviet-French scientific relations in the field of biology (1930s – 1970s)”.

For citation: Malunova, M.V. “History of scientific contacts between Russian and French plant physiologists in the late XIX century – 1970s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 490–500 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-490-500>

Введение

Актуальность. Отечественные физиологи растений тесно сотрудничали с французскими специалистами на протяжении многих десятилетий, что отражалось на плодотворном развитии науки двух стран. В современных условиях политики ограничений в отношении отечественной науки со стороны стран Запада важно реконструировать исторические события и выявить факторы, способствовавшие формированию взаимовыгодной международной научной деятельности.

Степень изученности проблемы. В отечественной и зарубежной историографии тема российско-французского сотрудничества в области биологических наук представлена достаточно широко¹. При этом международные коммуникации непосредственно физиологов растений в литературе освещены слабо. Основная информация представлена в трудах по истории физиологии растений², сборниках воспоминаний отечественных ученых³, в биографических изданиях⁴. О деятельности физиологов растений упоминается в публикациях, посвященных зарубежным командировкам советских биологов⁵. Важная информация содержится в материалах журнала «Физиология растений», в котором начиная с 1954 г. печаталась хроника научных событий.

Цель исследования – выявить закономерности научного сотрудничества отечественных ученых с французскими специалистами в области физиологии растений на протяжении нескольких десятилетий в контексте истории взаимоотношений между двумя странами.

Источниковая база. В исследовании использованы материалы фондов: «Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями при президиуме вер-

¹ Любина Г.И. Россия и Франция. История сотрудничества русских и французских ученых. М., 1996; Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 3–24; Russian-French links in biology and medicine / Edited by J.-G. Barbara, J.C. Dupont, E.I. Kolchinsky, M.V. Loskutova. St. Petersburg: Nestor-Historia, 2012; Фандо Р.А. Советско-французские научные связи (1920–1930-е гг.). М., 2023

² История и современное состояние физиологии растений в Академии наук / Отв. ред. Курсанов А.Л. М., 1967; Кузнецов Вл. В., Шевякова Н.И. Богиня флоры в Москве (Прошлое и настоящее Института растений им. К.А. Тимирязева Российской академии наук). М., 2003.

³ Прянишникова Д.Н. Мои воспоминания. М., 1961; Андрей Львович Курсанов жизнь и творчество / Рос. акад. наук, Ин-т физиологии растений им. К. А. Тимирязева / отв. ред. В.В. Кузнецов. М., 2004.

⁴ Генкель П.А. Сабинин Дмитрий Анатольевич. М., 1980; Манойленко К.В. Андрей Сергеевич Фаминцын. СПб., 2016.

⁵ Gemmell A. The International Botanical Congress in Paris // *Nature* 174, 1954, pp. 717–718; Курсанов А.Л. О Франции и Западной Африке. М., 1956; Груздинская В.С. Французская наука глазами советских ученых: из опыта заграничных командировок 1920–1930-х годов // РСМ. 2023. № 3 (120). С. 148–162; Ковалев М.В. Советские ученые на VIII Международном ботаническом конгрессе во Франции (1954) // Историко-биологические исследования. 2023. № 4. С. 122–141; Хаблова Е.С. Поездки советских растениеводов во Францию в период Interbellum // Историко-биологические исследования. 2023. № 4. С. 193–206.

ховного совета СССР (Ученый комитет)» (Ф. Р7668), «Главное управление научных и музейных учреждений (Главнаука) наркомата просвещения РСФСР; сектор науки наркомата просвещения РСФСР» (Ф. А-2307) Государственного архива Российской Федерации, «Институт физиологии растений им. К.А. Тимирязева Российской академии наук» (Ф. 390) Архива Российской академии наук, а также опубликованные документы (в том числе отчеты ученых в различные инстанции), документы личного происхождения (воспоминания, мемуары) и переписка.

Методы исследования. При подготовке статьи применены историко-топологический, проблемно-хронологический и биографический методы.

Дореволюционный период

Взаимодействие между учеными Российской империи и затем СССР с французскими коллегами происходило по различным направлениям: научные стажировки и командировки исследователей, международные научные мероприятия (выставки, конгрессы, конференции, симпозиумы), обмен научными публикациями. Выделено три основных этапа развития сотрудничества ученых двух стран: дореволюционный, межвоенный, послевоенный, обусловленных развитием научного знания в области физиологии растений и влиянием общеисторических процессов.

Научное взаимодействие ученых-биологов России и Франции имеет давние традиции. В начале XIX в. молодые специалисты отправлялись на стажировку в европейские научные центры сроком 2–3 года⁶. Одной из стран, куда выезжали и физиологи растений, была Франция. Будущий академик А.С. Фаминцын вместе с ботаником М.С. Ворониным во время европейской командировки 1858–1860 гг. провели несколько месяцев во Франции на побережье Средиземного моря, где изучали морские водоросли по руководству известных альгологов⁷ Г. Тюре и Э. Борне⁸. В этой стране К.А. Тимирязев учился и работал в лабораториях Э.Ф. Дезена, Ж.-Б. Буссенго в период с 1869 по 1870 гг.⁹ В 1892 г. Д.Н. Прянишников в рамках двухгодичной европейской стажировки от Петровской Академии находился в Париже, где обучался новым методам в лаборатории общей микробиологии Э. Дюкло Института Пастера¹⁰.

Международному взаимодействию фитофизиологов способствовали различные научные мероприятия: ботанические конгрессы, конгрессы по земледелию и почвоведению, выставки естествоиспытателей и др. В биографическом очерке о Д.Н. Прянишникове отмечено, что он «не раз выезжал в европейские страны в качестве участника международных конгрессов, так в 1900 г. он посетил Париж»¹¹.

Свободное владение иностранными языками помогало российским ученым в поддержании коммуникации. В XIX в. научная литература издавалась преимущественно за границей. Российские физиологи также публиковали научные статьи в европейских изданиях. Так во французском журнале «Анналы естественных наук» во второй половине XIX в. печатались такие исследователи, как С.А. Фаминцын, И.П. Бородин, Н.И. Железнов, К.А. Тимирязев¹².

⁶ Любина Г.И. Россия и Франция. История сотрудничества русских и французских ученых. М., 1996. С. 27–33.

⁷ Ученые-биологи, изучающие водоросли.

⁸ Манойленко К.В. Андрей Сергеевич Фаминцын. СПб., 2016. С. 34–35.

⁹ Любина Г.И. Россия и Франция. История сотрудничества русских и французских ученых. М., 1996. С. 194

¹⁰ Прянишников Д.Н. Собрание статей и научных работ. Юбилейный сборник. М., 1927. Т. 1. С. XXIII.

¹¹ Прянишников Д.Н. Мои воспоминания. М., 1961. С. 120–125.

¹² Любина Г.И. Россия и Франция. История сотрудничества русских и французских ученых. М., 1996. С. 201

Со временем в двух странах начался выпуск переводных изданий. В 1895 г. на русском языке вышел учебник «Общая ботаника» профессора Естественно-исторического музея в Париже Ф. Ван-Тигема с предисловием К.А. Тимирязева¹³. В свою очередь в 1904 г. на французский язык была переведена книга В.И. Палладина «Физиология растений»¹⁴.

Работая в тесном контакте с французскими учеными и опираясь на их достижения, русские фитофизиологи смогли поднять на высокий уровень исследования в этом направлении. В России сформировалась плеяда блестящих ученых мирового уровня, сделавших важнейшие открытия, которые легли в основу развития и становления физиологии растений во всем мире.

В период Первой мировой войны научное сотрудничество ученых двух стран постепенно ослабевает. После Великой российской революции 1917 г. и установления советской власти оно на некоторое время прерывается.

Межвоенный период

В 1920-е гг., когда жизнь советской страны постепенно наладилась, появилась необходимость возобновления международных связей отечественных ученых с их западными коллегами. Д.А. Александров отмечает, что в начале 1920-х гг. советское правительство придавало большое значение контактам с зарубежными учеными. Поддерживались как поездки за границу, так и приглашение иностранных специалистов в СССР для укрепления престижа нового правительства на международной арене¹⁵. Командировки отечественных ученых в западные страны, в том числе во Францию, послужили толчком для активного формирования связей между научными сообществами. Однако этот процесс происходил медленно из-за многочисленных препятствий в оформлении документов на выезд из страны. Так, в 1922 г. отказ в поездке за границу получил профессор кафедры ботаники Пермского университета А.Г. Генкель¹⁶.

Помимо внутренних трудностей, на пути ученых вставали и внешние. Одной из них была сложность в получении французской визы. В начале 1920-х гг. в связи с отсутствием дипломатических отношений с Францией граждане СССР получали визы во французском консульстве Берлина, из-за чего этот процесс затягивался. Именно с этой проблемой в 1923 г. столкнулся Д.Н. Прянишников, собираясь в Париж на Международный конгресс по земледелию. Подготовка командировки заняла два месяца и в итоге ученый опоздал на конгресс¹⁷.

Важным фактором для разрешения выезда ученого за границу были его успехи в научной сфере. В 1920-е гг. широко известны за пределами СССР стали исследования в области корневой системы растений Д.А. Сабинина из Пермского университета, а новый метод, применяемый ученым, вызвал большой интерес у западных коллег. В результате в 1927 г. ему одобрили трехмесячную командировку во Францию, при том, что зарубежные поездки советских ученых, особенно работавших на периферии, были очень редкими.

За границей Сабинин работал в лаборатории русского эмигранта, физиолога растений Н.А. Безсонова, которого знал еще со студенческих времен и исследования которого по выделению витаминов из растений вызвали особый интерес совет-

¹³ Ван-Тигем Ф.Э. Общая ботаника (морфология, анатомия и физиология растений). М., 1895.

¹⁴ Любина Г.И. Россия и Франция. История сотрудничества русских и французских ученых. М., 1996. С. 202.

¹⁵ Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 3–24.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 543.

¹⁷ Прянишников Д.Н. Мои воспоминания. М., 1961. С. 208–209.

ского специалиста. Находясь во Франции, Сабинин также смог посетить ботаническую лабораторию Сорбонны, познакомиться с ботаником Э. Демусси из Агрономического института. В целом, командировка во Францию, по мнению биографа ученого П.А. Генкеля, способствовала знакомству физиолога растений с зарубежной наукой и рядом ее представителей¹⁸.

Отношение французского общества и некоторых ученых к приезжающим советским специалистам далеко не всегда было благожелательным и соответствовало уровню их знаний. Так, Д.Н. Прянишников в своих воспоминаниях в качестве иллюстрации привел встречу во время поездки 1923 г. с давним знакомым, редактором французского сельскохозяйственного журнала Анри Санье: «Санье встретил меня стоя, с сигаретой в зубах, едва протянул два пальца...»¹⁹. Д.А. Сабинин из Франции писал жене:

Каждый день со смешанным чувством боязни и омерзения открываешь газеты. Что еще за пакости творят по отношению к нам. Чувство омерзения поддерживается здесь буржуазными газетами, полными необычайных гадостей по нашему адресу...²⁰

Все же, несмотря на настороженное и недоверчивое отношение во Франции к представителям СССР, оба ученых отметили интерес французских коллег к научным исследованиям, проводившимся в области физиологии растений и развития сельскохозяйственных знаний в Советском Союзе.

В 1920-е гг. в связи с потребностью в зарубежных изданиях началось комплектование научных библиотек СССР иностранной литературой²¹. В получении специализированной печати советским ученым также оказывали помощь и русские эмигранты. Известно, что среди ученых, проживавших во Франции, книги и журналы пересылали в СССР химик М.Н. Гайсинский, физиолог растений Н.А. Безсонов, иммунолог С.И. Метальников²². Книги собирались по разным биологическим направлениям, в том числе и физиологии растений, а уже непосредственно в СССР передавались адресатам.

Так, постепенно появившиеся после 1917 г. барьеры в общении с зарубежными учеными со временем исчезли. На протяжении 1920-х гг. наблюдалось сближение между французскими и советскими исследователями. И, несмотря на холодный прием, оказанный в 1923 г. во Франции Прянишникову, следующая его командировка в эту страну в 1933 г. была более удачной благодаря доброжелательному отношению к советскому ученому со стороны французского научного сообщества²³.

Стоит отметить, что в 1920–1930-е гг. во французских научных журналах продолжали печататься статьи таких отечественных физиологов растений, как С.П. Костычева, Ф.Н. Крашенинникова, Н.А. Максимова, В.И. Палладина и др.

Налаживание связей между научными сообществами двух стран и активное взаимодействие между ними в 1920-е гг. заметно снизилось в 1930-е гг. В это время в Советском Союзе стало сокращаться финансирование на развитие международных научных связей. С 1931 г. уменьшился размер средств для членов Академии наук на

¹⁸ Генкель П.А. Сабинин Дмитрий Анатольевич. М., 1980. С. 21–26.

¹⁹ Груздинская В.С. Французская наука глазами советских ученых: из опыта заграничных командировок 1920–1930-х годов // РСМ. 2023. № 3 (120). С. 148–162.

²⁰ Генкель П.А. Сабинин Дмитрий Анатольевич. М., 1979. С. 25.

²¹ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 547.

²² Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. М., 1994. Т. 1. С. 151–152, 157, 166–167, 420, 433.

²³ Груздинская В.С. Французская наука глазами советских ученых: из опыта заграничных командировок 1920–1930-х годов // РСМ. 2023. № 3 (120). С. 148–162.

выписку литературы из-за рубежа – с 600 руб. в год до 100 руб.²⁴ Следом произошло сокращение финансирования на заграничные научные командировки²⁵. Также усилился и политический контроль за учеными, выезжающими за границу²⁶.

1930-е гг. характеризовались также общим спадом публикационной активности советских ученых в заграничных изданиях. Все больше исследователей, особенно молодых, стали выбирать для введения в оборот результатов своих исследований отечественные научные журналы²⁷, в том числе по причине слабого знания молодыми учеными иностранных языков. Вопреки затруднению научной коммуникации между учеными двух стран Прянишников в 1936 г. опубликовал в газете «Известия» статью «Сто лет агрономической химии», посвященную французскому физиологу растений Ж.-Б. Буссенго, который в 1836 г. создал первую в мире сельскохозяйственную опытную станцию. Автор отметил роль ученого в развитии «азотной» теории и назвал его основателем современной агрономической химии²⁸.

В результате политики изоляционизма, которой придерживалось руководство СССР в 1930–1940-е гг., в том числе и научной сфере и в связи со Второй мировой войной, снова произошел разрыв контактов между научными сообществами Франции и СССР²⁹.

Таким образом, в период между мировыми войнами начался процесс восстановления международной активности советских ученых и их контактов с французскими коллегами в частности. Однако непродолжительность времени, отведенного на выстраивание взаимного сотрудничества, а главное – политические обстоятельства, сложившиеся внутри двух стран и в мире, не позволили добиться каких-либо значимых результатов на этом направлении.

Послевоенный период

Во второй половине 1940-х гг., с началом холодной войны, изоляция в научной сфере продолжалась. Так в 1947 г. последовал ряд запретов на вхождение советских ученых, в том числе и академика Прянишникова, в редколлегии зарубежных научных журналов³⁰. Однако в знак признания достижений русского деятеля науки в развитии агрономии в 1946 г. Прянишникова избрали членом-корреспондентом Французской академии наук³¹.

Восстановление прерванных войной связей физиологов растений началось в 1950-х гг. Основным научным учреждением в этом процессе стал Институт физиологии растений имени К.А. Тимирязева АН СССР (ИФР).

В 1952 г. директором института был назначен физиолог и биохимик растений А.Л. Курсанов, потомственный ученый, академик АН СССР с 1953 г. Андрей Львович, сын профессора Московского университета, ботаника Л.И. Курсанова, ученик А.И. Опарина, прекрасно владел французским и немецким языками, что позволяло ему читать иностранные издания и следить за достижениями западных исследователей. Возглавив ИФР, Курсанов среди первостепенных задач института обозначил

²⁴ ГАРФ. Ф. Р7668. Оп. 2. Д. 13. Л. 8.

²⁵ Там же. Д. 82. Л. 11.

²⁶ Там же. Л. 33 в.

²⁷ Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 3–24.

²⁸ Хаблова Е.С. Поездки советских растениеводов во Францию в период Interbellum // Историко-биологические исследования. 2023. № 4. С. 193–206.

²⁹ История и современное состояние физиологии растений в Академии наук / отв. ред. Курсанов А.Л. М., 1967. С. 236.

³⁰ Васильева Е.В. Изоляционизм в советской науке 1920–1950-х гг.: центр и Дальний Восток // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2016. № 2 (32). С. 108–122.

³¹ Хаблова Е.С. Поездки советских растениеводов... С. 193–206.

главную – укрепление международных связей в области физиологии и биохимии растений. Приоритет был отдан Франции, в связи с тем, что в 1954 г. в Париже было назначено проведение VIII Международного ботанического конгресса³².

К поездке во Францию готовились очень тщательно. В 1953 г. был утвержден состав делегации из 14 человек во главе с Курсановым и напечатан сборник «Вопросы ботаники» в двух томах на русском и французском языках. В предисловии первого тома подробно описывались направления работы советских исследователей в области ботаники после 1917 г. Французские коллеги доброжелательно отнеслись к гостям из СССР, что подтверждается фактом введения советских академиков А.Л. Курсанова и П.М. Жуковского в состав почетных президентов конгресса³³.

Выступая на секции по физиологии растений конгресса, Л.И. Курсанов в своем докладе на французском языке упомянул имена русских (К. Тимирязева, Д. Прянишникова) и французских (Ж.-Б. Буссенго, Л. Пастера) ученых, исследования которых служили на благо человечества, и призвал всех присутствующих следовать их примеру³⁴.

По возвращению в СССР, 10 сентября 1954 г. академик выступил с отчетным докладом о поездке на заседании Президиума АН СССР. Он отметил успех делегации, сделав акцент на том, что советские ученые свои доклады посвятили более крупным и значимым для развития науки исследованиям, в отличие от большинства участников из других стран. Кроме того, делегатам из СССР удалось завязать личные контакты со многими специалистами мирового уровня³⁵.

После Ботанического конгресса между советскими (А.Л. Курсанов, Н.С. Петин, А.А. Ничипорович и др.) и французскими физиологами растений (П. Прево, П. Шуар, П. Лекат, А. Моиз и др.) началась оживленная переписка, в которой происходило обсуждение визитов ученых, обмен информацией о научных изданиях и ожидаемых специализированных мероприятиях. В дальнейшем стали чаще происходить личные встречи ученых, что неминуемо вело к укреплению сотрудничества.

Весной 1956 г. профессор П. Прево из Научно-исследовательского института масел и масличных культур и его коллега Т. Вормер совершили двухнедельную поездку в СССР, в ходе которой посетили различные научные учреждения Москвы и Ленинграда, занимавшиеся исследованиями в области физиологии растений. Ученые побывали в лабораториях ИФР, посетили кафедру физиологии растений МГУ имени М.В. Ломоносова, познакомились со структурой Ботанического института имени В.Л. Комарова АН СССР и других научно-исследовательских учреждений. По возвращении во Францию был подготовлен отчет под названием «Mission Prévot et Wormer à Moscou et Leningrad» («Командировка Прево и Вормера в Москву и Ленинград»). Изданный в виде небольшой брошюры из 42 страниц, он стал очередным шагом в укреплении связей научных сообществ двух стран³⁶. В 1958 г. приезжали профессор П. Шуар (генеральный секретарь VIII Ботанического конгресса) и профессор А. Моиз из Национального центра научных исследований в Жив-сюр-Иветте. Французские ученые пребывали в приятном удивлении после посещения СССР. Эти факты отражены в письмах А.Л. Курсанову. В письме 1957 г.

³² Gemmell A. The International Botanical Congress in Paris // *Nature* 174. 1954. P. 717–718.

³³ Ковалев М.В. Советские ученые на VIII Международном ботаническом конгрессе во Франции (1954) // *Историко-биологические исследования*. 2023. № 4. С. 122–141.

³⁴ Андрей Львович Курсанов... С.132–133.

³⁵ Ковалев М.В. Советские ученые на VIII Международном ботаническом конгрессе во Франции (1954) // *Историко-биологические исследования*. 2023. № 4. С. 122–141.

³⁶ Сатарова Н.А. Французские ученые П. Прево и М. Вормер о своей командировке в Москву и Ленинград // *Физиология растений*. 1957. Т. 4. Вып. 1. С. 110–111.

П. Прево, впечатленный поездкой, выразил «глубокое восхищение сенсационными достижениями страны»³⁷, в письме от 16 ноября 1959 г. Шуар писал:

...я хочу еще раз поблагодарить за ту замечательную встречу, которая была нам оказана в Москве³⁸.

В свою очередь, и советские ученые стали чаще выезжать во Францию. В сентябре 1957 г. профессор А.А. Ничипорович участвовал в работе Международной конференции в Париже по применению изотопов в научных исследованиях и промышленности с лекцией «Метод меченых атомов и проблема фотосинтеза». В отчете о поездке было отмечено, что методы и приборы, используемые при исследованиях французскими специалистами, могли бы применяться и в работах советских ученых³⁹.

В связи с укреплением международного сотрудничества в одном из выпусков «Физиологии растений» за 1956 г. впервые была опубликована статья французских ученых П. Прево и М. Олланье⁴⁰. В целях привлечения иностранных авторов с 1958 г. стала выходить англоязычная версия журнала – «Soviet Plant Physiology», благодаря чему информация о достижениях советских специалистов стала доступнее за рубежом⁴¹.

К концу 1950-х гг. международному взаимодействию между физиологами растений из разных стран стали уделять больше внимания. В записке о развитии физиологии растений во Франции от 15 апреля 1959 г., предоставленной в Бюро отделения биологических наук АН СССР, отмечалось, что Институтом физиологии растений ведется сотрудничество с несколькими научными центрами Франции. Согласно документу, в этой стране «существует ряд научных учреждений, где физиология растений занимает ведущее место, а также ряд исследований, проводящихся под руководством французских ученых». Наибольший интерес для физиологов растений СССР представляли работы

профессора Моиза из Института фотосинтеза при национальном центре научных исследований в г. Жив-сюр-Иветт; работы доктора Прево по изучению масличных культур; исследования профессора Готре по культуре растительных тканей в стерильных условиях⁴².

В последующие десятилетия связи с французскими учеными, сложившиеся в 1950-х гг., продолжали развиваться. Этому способствовали и изменения в отношениях между СССР и Францией.

В 1960 г. Париж посетила советская делегация во главе с Н.С. Хрущевым. Во время визита президент Франции Ш. де Голль провел переговоры с советским лидером, в ходе которых проявилось стремление к сближению двух стран. Это знаковое событие повлекло за собой и изменения в советско-французском научном сотрудничестве⁴³. В 1960-е гг. произошел рост числа научных командировок ученых из двух стран. Советские специалисты все чаще стали выезжать за границу, получая многочисленные приглашения на международные мероприятия. Наибольшее значение во время поездок имели посещения советскими учеными лабораторий и научных учреждений Франции. Часто такие визиты проходили в рамках международных конгрес-

³⁷ Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 390. Оп. 3. Д. 159. Л. 41.

³⁸ Там же. Д. 192. Л. 2–3.

³⁹ Там же. Д. 165. Л. 87.

⁴⁰ Прево П., Олланье М. Применение листовой диагностики // Физиология растений. 1956. Т. 3. Вып. 6. С. 554–573.

⁴¹ История и современное состояние физиологии растений в Академии наук / отв. ред. А.Л. Курсанов. М., 1967. С. 231.

⁴² АРАН. Ф. 390. Оп. 3. Д. 177. Л. 15–17.

⁴³ Dominique S. Claude Debru (dir.), Les sciences en guerre froide (1946-1991): France-Union soviétique et pays de l'Est // Revue des études slaves. XCIV-4. 2023. P. 658–660.

сов и симпозиумов, во время которых имелась возможность не только увидеть зарубежные лаборатории, но и установить личные контакты с иностранными исследователями. В первой половине 1960-х гг. среди сотрудников ИФР во Францию выезжали О.А. Павлинова (июль 1960 г.), А.А. Ничипорович и В.Е. Семенов (сентябрь 1961 г.)⁴⁴. С мая по август 1962 г. во Франции находился руководитель лаборатории биофизики и изотопов при АН БССР, биохимик и физиолог растений А.А. Шлык⁴⁵. В отчете о международных связях Института физиологии растений за первую половину 1961 г. было отмечено, что в работу внедрены иммунологические методы анализа белковых веществ, разработанных в Институте Пастера. В свою очередь, ознакомление со строившимся во Франции фитотроном «помогло при налаживании работы ряда установок» в советском фитотроне⁴⁶. Таким образом, спустя неполное десятилетие с начала сближения с французскими научными центрами появился практический результат в развитии исследований советских физиологов.

Осенью 1967 г. во Франции побывал директор Института фотосинтеза АН СССР, доктор биологических наук В.Б. Евстигнеев. Основной целью его поездки было ознакомление с тематикой исследований, научным оборудованием ряда научных учреждений Франции, занимавшихся вопросами фотосинтеза. Согласно отчету главное впечатление на ученого произвело технологическое оснащение лабораторий. Безусловный интерес вызвал метод изучения хлорофилла с помощью электронной микроскопии и метод микрокалориметрии⁴⁷. Для развития исследований нового подразделения ИФР – группы культуры тканей и морфогенеза, французские научные учреждения в 1967 г. посетила Р.Г. Бутенко⁴⁸. В августе 1968 г. состоялась поездка П.А. Генкеля в Париж на XII Международный симпозиум по истории науки⁴⁹.

В свою очередь, французские специалисты посещали научные учреждения СССР. В 1962 г. Советский Союз посетили директор Марсельского ботанического сада, вице-президент Французского ботанического общества А. Прат⁵⁰; в 1964 г. – К. Кост, прибывший в СССР для ознакомления с работами в области изучения водного режима растений⁵¹. В 1967 г. профессор фармакологии и медицины, специалист в области физиологически-активных веществ Р.А. Гарестье также совершил поездку в СССР. Его интересовали исследования в области гормонов цветения, клеточного деления и покоя семян⁵².

Безусловно, важную роль в развитии и поддержании взаимосвязи между учеными играл А.Л. Курсанов. Он регулярно выезжал в научные командировки, посещал международные мероприятия, проводил личные встречи с иностранными гостями. Со временем у него сложились дружеские отношения с французскими коллегами. Тексты писем Курсанова к П. Шуару, П. Прево постепенно стали менее официальными, в них появлялись дружеские поздравления с праздниками, сожаления о несостоявшихся встречах, приветствия членам семьи. З.М. Курсанова (супруга А.Л. Курсанова) вспоминала, как дочь профессора А. Моиза «провела целый месяц» в их семье⁵³. Тесные и даже дружеские отношения, сложившиеся между учеными, продолжились и в 1970-е гг.

⁴⁴ История и современное состояние... С. 236.

⁴⁵ Шлык А.А. Отчет о командировке во Францию. М., 1962.

⁴⁶ АРАН. Ф. 390. Оп. 3. Д. 194. Л. 27

⁴⁷ Евстигнеев В.Б. Отчет о командировке во Францию. М., 1968.

⁴⁸ АРАН. Ф. 390. Оп. 3. Д. 298. Л. 8.

⁴⁹ Там же. Д. 271. Л. 39–42.

⁵⁰ Там же. Д. 205. Л. 3.

⁵¹ Там же. Д. 224. Л. 74–75.

⁵² Там же. Д. 256. Л. 1–7.

⁵³ Андрей Львович Курсанов жизнь и творчество... С. 61.

Необходимо отметить, что если до 1973 г. сотрудничество с французскими физиологами происходило в основном в форме обмена научной информацией, то в последующий период оно стало более многообразным⁵⁴. В 1970-е гг. во Францию физиологи растений выезжали по научному обмену по несколько раз в год. Среди тем, интересовавших ученых, можно выделить изучение фотосинтеза, культуры растительных тканей в стерильных условиях, кислородного обмена растений и др. Также с 1976 г. началось активное сотрудничество в направлении экофизиологии, в рамках которого был организован советско-французский проект «Водоросли»⁵⁵.

Значимым событием для всего научного сообщества стало проведение 3–10 июля 1975 г. в Ленинграде XII Международного ботанического конгресса, проходившего под девизом «Ботаника на службе человечества». На конгресс поступили тезисы для публикации от 171 французского специалиста, а сама делегация от Франции состояла из 149 человек, трое из которых были в числе гостей АН СССР (среди них – профессор П. Шуар, сотрудничавший с советскими учеными с 1950-х гг.)⁵⁶.

Подводя итог, важно отметить, что одним из результатов развития советско-французских научных связей в послевоенное время стало признание заслуг отечественных ученых, некоторые из которых становились членами различных иностранных обществ и академий. Так, действительным членом Сельскохозяйственной академии Франции в 1964 г. стал физиолог растений А.Л. Курсанов⁵⁷.

Выводы

Взаимодействие российских и советских ученых с их французскими коллегами на протяжении нескольких десятилетий пережило взлеты и падения. Оно носило взаимовыгодный характер, и оказало значимое влияние на развитие научных знаний по физиологии растений в нашей стране. Сотрудничество с французскими исследователями способствовало становлению таких известных русских ученых как А.С. Фаминцын, К.А. Тимирязев, Д.Н. Прянишников, внесших неоценимый вклад в развитие мировой науки. Несмотря на разрыв международных контактов в связи с двумя мировыми войнами, политическими ограничениями в межвоенное время, ученые двух стран всегда стремились поддерживать научные связи. С 1950-х гг. советские исследователи, продолжая традиции российской науки, не только возродили профессиональное взаимодействие с французскими коллегами, но и смогли расширить спектр сотрудничества новой проблематикой, обогатив тем самым мировое научное знание в области физиологии растений.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.08.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.10.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.10.2024

References

Aleksandrov, D.A. “Pochemu sovetskiie uchenyye perestali pechatatsia za rubezhom: stanovleniie samodostatochnosti i izolirovannosti otechestvennoy nauki, 1914–1940” [Why Soviet Scientists Stopped Publishing Abroad: The Establishment of Self-Sufficiency and Isolation of Domestic Science, 1914–1940]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no. 3 (1996): 3–24 (in Russian).

⁵⁴ АРАН. Ф. 390. Оп. 3. Д. 423. Л. 18.

⁵⁵ Там же. Л. 28–29.

⁵⁶ Отчет о подготовке и проведении XII Международного ботанического конгресса. Ленинград, 3-10 июля 1975 г. / Ботан. ин-т им. В.Л. Комарова АН СССР. Ленинград, 1975. С. 55–60.

⁵⁷ *Comptes rendus des séances de l'Académie d'agriculture de France // Académie d'agriculture de France*. 1964. Vol. 50. № 18. P. 1312.

- Dominique, S. “Les sciences en guerre froide (1946–1991): France-Union soviétique et pays de l’Est.” *Revue des études slaves* 4 (2023): 658–660 (in French).
- Evstigneev, V.B. *Otchet o komandirovke vo Frantsiiu* [Report on a business trip to France]. Moscow: VINITI Publ., 1968 (in Russian).
- Fando, R.A. *Sovetsko-frantsuzskiiye nauchnyie svyazi (1920–1930-ye gg.)* [Soviet-French scientific relations (1920–1930s)]. Moscow: Janus-K Publ., 2023 (in Russian).
- Gemmell, A. “The International Botanical Congress in Paris.” *Nature* 174 (1954): 717–718.
- Genkel, P.A. *Sabinin Dmitriy Anatolyevich* [Sabinin Dmitry Anatolievich]. Moscow: Nauka Publ., 1980 (in Russian).
- Gruzdinskaya, V.S. “French science through the eyes of Soviet scientists: the experience of business trips abroad in the 1920–1930s.” *Russia and the Contemporary World*, no. 3 (2023): 148–162 (in Russian), <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.03.10>
- Khablova, E.S. “The visits of Soviet crop breeders to France during the Interbellum.” *Studies in the History of Biology*. 2023. № 4. С. 193–206 (in Russian), <https://doi.org/10.24412/2076-8176-2023-4-193-206>
- Kovalev, M.V. “Soviet scientists at the VIII International Botanical Congress in France (1954).” *Studies in the History of Biology*, no. 4 (2023): 122–141 (in Russian), <https://doi.org/10.24412/2076-8176-2023-4-122-141>
- Kursanov, A.L. *O Frantsii i Zapadnoi Afrike* [About France and West Africa]. Moscow: Geografiz Publ., 1956 (in Russian).
- Kuznetsov, V.I., and Shevyakova, N.I. *Boginya flory v Moskve (Proshloie i nastoyashcheie Instituta rastenii im. K.A. Timiryazeva Rossiyskoi akademii nauk)* [Goddess of flora in Moscow (Past and present of the K.A. Timiryazev Institute of Plants of the Russian Academy of Sciences)]. Moscow: GEOS Publ., 2003 (in Russian).
- Lyubina, G.I. *Rossii i Frantsii. Istoriia sotrudnichestva russkikh i frantsuzskikh uchenykh* [Russia and France. History of cooperation between Russian and French scientists]. Moscow: Janus Publ., 1996 (in Russian).
- Manoylenko, K.V. *Andrey Sergeevich Famintsyn* [Andrey Sergeevich Famintsyn]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2016 (in Russian).
- Prevost, P., and Ollagnier, M. “Primeneniye listovoi diagnostiki” [Application of leaf diagnostics]. *Fiziologiya rastenii* 3, no. 6 (1956): 554–573 (in Russian).
- Pryanishnikov, D.N. *Moi vospominaniia* [My memories]. Moscow: Selkhozgiz Publ., 1961 (in Russian).
- Pryanishnikov, D.N. *Sobraniie state i nauchnykh rabot. Yubileinyi sbornik* [Collection of articles and scientific works. Anniversary collection]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniia Publ., 1927 (in Russian).
- Satarova, N.A. “Frantsuzskiiye uchenyye P. Prevo i M. Vormer o svoiei komandirovke v Moskvu i Leningrad [French scientists P. Prevost and M. Wormer about their business trip to Moscow and Leningrad].” *Fiziologiya rastenii* 4, no. 1 (1957): 110–111 (in Russian).
- Shlyk, A.A. *Otchet o komandirovke vo Frantsiiu* [Report on a business trip to France]. Moscow: VINITI Publ., 1962 (in Russian).
- Van-Tieghem, F.E. *Obshchaia botanika (morfologiya, anatomiia i fiziologiya rastenii)* [General Botany (Morphology, Anatomy and Physiology of Plants)]. Moscow: N.I. Mamontov Publ., 1895 (in Russian).
- Vasilyeva, E.V. “Isolationism of the Soviet Science in 1920–1950: the Center and the Far East.” *The Problems of Scientist and Scientific Groups Activity*, no. 2 (2016): 108–122 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Мария Викторовна Малунова, научный сотрудник Отдела истории биологических и химических наук, Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН; 125315, Россия, Москва, ул. Балтийская, д. 14; malunova@ihst.ru.; <https://orcid.org/0009-0003-3556-9475>; SPIN: 9809-5886.

Maria Viktorovna Malunova, Researcher of the Department of History of Biological and Chemical Sciences, S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences; 14, Baltiyskaya Str., Moscow, 125315, Russia; malunova@ihst.ru; <https://orcid.org/0009-0003-3556-9475>; SPIN: 9809-5886.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-501-518>
EDN: PWICFT

Научная статья / Research article

Конъюнктурная природа советской еврейской политики

Борис Николаевич Миронов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉ mironov1942@yandex.ru

Аннотация: Еврейская политика советского руководства была непоследовательной, осторожной, двойственной, исходила прежде всего из практических соображений и конкретных обстоятельств. Подозрительное, недоверчивое или настороженное отношение к евреям со стороны неевреев было распространено на протяжении всего советского периода. Но, как правило, это не являлось антисемитизмом, русофобией или какой-либо этнофобией в чистом виде. Евреи попадали под дискриминацию в довоенное время, в первую очередь по причине жесткой борьбы за власть в верхах, а в послевоенное время – вследствие перехода значительной части еврейской диаспоры в оппозицию к советскому режиму и стремления эмигрировать. Бытовой антисемитизм вступал в противоречие с филосемитской политикой руководства. Между интенсивностью политических репрессий и степенью участия евреев в управлении отсутствовала согласованность. В 1926–1935 гг. (во время всесоюзной партийно-государственной кампании против антисемитизма, направленной на защиту евреев) они подвергались репрессиям больше, чем в 1948–1953 гг. (во время всесоюзных партийно-государственных кампаний против космополитов и националистов, направленных в значительной степени против евреев). В то же время представительность евреев во властных структурах в 1920–1945 гг. росла, а в 1948–1953 гг., признанных «черными годами» советского еврейства, они оставались в управлении и элите сверхпредставленными. Автор приходит к выводу, что антисемитизм не являлся принципом советской национальной политики, которая была принципиально конъюнктурной и не исключала евреев из общественной жизни, из элиты и управления обществом, а, напротив, имела целью эффективно использовать их человеческий капитал в интересах государства.

Ключевые слова: СССР, евреи в управлении, политические репрессии, антикосмополитическая и антинационалистическая кампании, антисемитизм, ксенофобия

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-09-00353.

Для цитирования: *Миронов Б.Н.* Конъюнктурная природа советской еврейской политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 501–518. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-501-518>

The Opportunistic Nature of Soviet Jewish Policy

Boris N. Mironov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

✉ mironov1942@yandex.ru

Abstract: The Jewish policy of the Soviet leadership was inconsistent, cautious, ambivalent, and it was based primarily on practical considerations and specific circumstances. Suspicious, distrustful or wary attitudes towards Jews on the part of non-Jews were widespread throughout the entire Soviet period. However, as a rule, this was not the result of official antisemitism, Russophobia or any ethnophobia in its pure form. Jews were discriminated against in the pre-war period, primarily due to the

fierce struggle for political power at the top, and in the post-war period – due to the transition of a significant part of the Jewish diaspora into opposition to the Soviet regime and a continued desire to emigrate. Everyday anti-Semitism came into conflict with the philo-Semitic policies of the leadership; there was no consistency between the intensity of political repression and the extent of Jews' participation in government. In 1926–1935 (during the all-Union party-state campaign against anti-Semitism, aimed at protecting Jews), Jews were subjected to more repression than in 1948–1953 (during the all-Union party-state campaigns against cosmopolitans and nationalists, directed largely against Jews). At the same time, with the representation of Jews in power structures in 1920–1945 grew, and in 1948–1953 (the “dark years” of Soviet Jews), they remained statistically overrepresented in management and the elite. The author concludes that anti-Semitism was not a principle of Soviet national policy which was not fundamentally anti-Jewish but was fundamentally opportunistic; this policy did not exclude Jews from public life, or from the elite and management of society, but, on the contrary, it had the goal of effectively using the fruits of their human capital in the interests of the state.

Keywords: USSR, Jews in government, political repression, anti-cosmopolitan and anti-nationalist campaigns, anti-Semitism, xenophobia

Funding: The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (RSF), project No. 20-09-00353.

For citation: Mironov, B.N. “The Opportunistic Nature of Soviet Jewish Policy.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 501–518 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-501-518>

Введение

Актуальность. Положение еврейских граждан в СССР является актуальной проблемой в историографии. Это обусловливается исключительным значением межэтнических отношений для многонационального государства, с одной стороны, и большой ролью еврейского этноса в советской истории – с другой. Евреи сыграли важную роль как в становлении Советского Союза, так и в его дезинтеграции¹. В 1997 г. премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт на торжественной церемонии, посвященной 40-летию начала борьбы советских евреев за право эмиграции в Израиль в 1957 г., благодарил советских евреев за развал СССР:

Это не пустое бахвальство. Советский режим не смог устоять перед мужественными евреями, борющимися за свое основное право – жить в стране своих предков. На требование выезда в Израиль советских евреев вдохновила «великая победа Израиля» в Шестидневной войне 1967 г. против арабских стран, снабженных лучшим советским оружием. Она «привела к подъему национальной гордости среди советских евреев, чью национальную самоидентификацию безуспешно пытался стереть тоталитарный режим... Многочисленные демонстрации евреев, прошедшие в разных странах, а также протесты, заявленные многими правительствами на Западе, оказали давление на советский режим и принудили его облегчить процесс получения разрешений на выезд. <...> Это облегчение доказало активистам-правозащитникам и другим противникам режима в Советском Союзе, что даже если невозможно победить систему на этом этапе, можно ее расшатать и приблизить ее конец. Таким образом, борьба за выезд в Израиль стала главным элементом развала советского режима².

Степень изученности проблемы. В современной отечественной историографии апологетические работы о советской национальной политике вышли из практики, преобладают взвешенные исследования, свидетельствующие о циклическом характере дискриминации еврейских граждан – периоды ее ослабления и ужесточения чередовались; признается, что наблюдались и филосемитские периоды³. Не-

¹ Миронов Б.Н. Участие еврейского этноса в управлении СССР // Новейшая история России. 2024. Т. 14. № 2. С. 154–167.

² Ольмерт Э. Советские евреи развалили СССР. URL: <https://oper.ru/news/read.php?t=1051610228> (дата обращения: 17.02.2024).

³ Пример такого подхода встречаем в многочисленных исследованиях ведущего отечественного эксперта по истории антисемитизма в СССР Г.В. Костырченко, в частности в его монографии «Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм». М., 2001.

смотря на определенные достижения российской иудаики в постсоветский период, антисемитизм в СССР изучен недостаточно⁴.

Цель исследования. Настоящая статья продолжает опубликованное в «Вестнике РУДН» исследование⁵. Она ставит целью, опираясь на массовые статистические данные о репрессиях, рассмотреть в сравнительном ключе еврейскую политику СССР, отношение властей и населения к евреям, затронувшие их политические кампании.

Источниковая база исследования. Собран значительный материал, как опубликованный, так и архивный, о численности и этническом составе осужденных советских граждан, в том числе по политическим мотивам, за 1926–1953 гг. (за более раннее время сведения отсутствуют)⁶. Поскольку среди них на долю «политических», задержанных органами государственной безопасности, приходилось около 60 % от общего количества арестованных⁷, статистика осужденных отражает преследования по преимущественно политическим мотивам (с точки зрения карательных органов).

Методика исследования. Для оценки уровня репрессивности в отношении этноса обычно используется процент этого этноса в общей численности репрессированных. Однако этот показатель, важный сам по себе, недостаточен. Чтобы правильно оценить репрессивность, следует вычислить отношение между процентами евреев среди осужденных и во всем населении страны – назовем его индексом репрессивности. Применительно к евреям, если индекс больше единицы, то евреи репрессировались выше среднего уровня, если меньше единицы – то ниже среднего уровня, если же индекс равен единице, то евреи подвергались репрессиям как все другие народы в среднем. Опираясь на индекс, можно получить более информативную картину.

Конъюнктурный характер еврейской политики

Еврейская политика Советского государства отличалась непоследовательностью и противоречивостью; она не была принципиально *антиеврейской*, а являлась принципиально *конъюнктурной*. Евреи попадали под дискриминацию в довоенное время, в первую очередь, по причине жесткой борьбы за власть в верхах, а в послевоенное время – вследствие перехода значительной части еврейской диаспоры в оппозицию к советскому режиму и стремления эмигрировать. После возникновения Государства Израиль в 1948 г. и одержанных им побед советские евреи из самых лояльных, какими они в большинстве являлись в довоенное время, постепенно превратились в самых оппозиционных граждан СССР.

Политическая конъюнктурность еврейской политики хорошо просматривается по динамике этнического состав репрессированных за 1926–1953 гг. (табл. 1; рисунок).

⁴ Историографию вопроса см.: *Миронов Б.Н.* Бытовой антисемитизм в СССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 216–231.

⁵ Там же.

⁶ *Мозохин О.Б.* Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918–1953 гг.). М., 2018; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: в 5 т. М., 2006. Т. 5, кн. 2; Количество арестованных за время с 1 января 1936 г. по 1 июля 1938 г. по национальному составу. Из сводки 1 спецотдела НКВД СССР «О количестве арестованных и осужденных органами НКВД СССР за время с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г.» // Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ЦА ФСБ РФ). Ф. 3. Оп. 5. Д. 572. URL: <https://istmat.org/node/14956> (дата обращения: 04.10.2023).

⁷ *Мозохин О.Б.* Репрессии в цифрах и документах... С. 44–45. Этнический профиль репрессированных включает более 30 национальностей, рамки статьи позволяют проанализировать только евреев и русских.

Доля русских и евреев среди арестованных НКВД в 1926–1953 гг.

Год	Всего, чел.	Русские			Евреи		
		Кол-во, чел.	Доля, %	Индекс репрессивности	Кол-во, чел.	Доля, %	Индекс репрессивности
1926	62817	32 534	45,5	0,86	11896	16,7	9,16
1927	76983	60 875	69,1	1,28	8942	10,1	5,54
1928	111 879	83 463	56,0	1,02	11681	7,8	4,28
1929	207 212	122 496	55,7	0,99	8696	4,0	2,20
1930	378 539	247 946	62,1	1,09	8079	2,0	1,10
1932	499 249	275 641	56,7	0,98	22111	4,5	2,47
1936–1938*	1435614	657 799	45,8	0,76	305421	21,3	11,95
1939	145 407	13 613	44,5	0,76	2969	9,7	5,46
1940	203 806	30 554	32,8	0,56	23538	25,2	15,75
1941	160 882	70 101	59,7	1,05	4617	3,9	2,79
1942	238 631	120 837	65,9	1,18	3344	1,8	1,38
1943	178 973	88 915	66,3	1,21	1602	1,2	1,00
1944	122 112	30 870	33,1	0,61	1138	1,2	1,09
1945	142 640	29 707	28,9	0,54	714	0,7	0,70
1946	117 025	29 069	35,2	0,65	806	1,0	1,00
1947	93 740	16 709	28,5	0,53	451	0,8	0,80
1948	81 818	16 664	27,1	0,50	956	1,6	1,60
1949	80 277	19 475	31,3	0,58	1979	3,2	2,91
1950	65 749	14 478	27,9	0,51	1232	2,4	2,18
1951	54 814	11 885	29,6	0,54	1079	2,7	2,45
1952	21 686	4 212	29,2	0,54	352	2,4	2,18
1953	16 495	2 941	30,9	0,57	405	4,3	3,91
В среднем		62 999	43,6	0,79	5552	5,1	3,33

Примечание: *01.01.1936–01.07.1938.

Источники: *Мозохин О.Б.* Репрессии в цифрах и документах... С. 104, 110, 125, 139, 146, 161, 2016, 215, 223, 230–231, 239, 248, 259, 267–268, 278–279, 292, 306, 319, 332, 343, 353; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Т. 5, кн. 2. С. 156–164 (за 1931, 1933–1935 гг. сведения без указания национальности); Количество арестованных за время с 1 января 1936 г. по 1 июля 1938 г. по национальному составу. Из сводки 1 спецдела НКВД СССР «О количестве арестованных и осужденных органами НКВД СССР за время с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г.» // ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 572. Л. 36–43, 46–48, 55, 69.

Таблица 1 содержит данные по годам о численности и проценте арестованных органами НКВД русских и евреев в 1926–1953 гг. (за более раннее время сведения отсутствуют). Эти данные проанализированы с помощью индекса репрессивности относительно евреев и русских. Расчеты показали, что среди арестованных в 1926–1932 гг. процент евреев превышал их долю в составе населения в 4,2 раза, в 1936–1938 гг. – в 11,9 раз, в 1946–1953 гг. – в 1,8 раза. Напротив, удельный вес русских среди репрессированных в 1926–1932 гг. был равен их проценту в составе населения, а во все последующие годы – ниже (даже в годы Большого террора он был в 1,25 раза ниже среднего). И в целом за 1926–1953 гг. среди репрессированных доля евреев превысила их долю в составе населения в 9,2 раза, а среди русских процент репрессированных равнялся их проценту в населении⁸. Это свидетельствует о хронич-

⁸ Предположение, что чистки затронули евреев сильнее (чем русских и другие этносы) вследствие их большого присутствия в органах управления, не подтверждается имеющимися данными. Процент репрессированных евреев был выше их доли среди управленцев в 1926 г. в 4,6 раза, в 1939 г. – 2,5 раза, в 1952 г. – в 1,85 раза, русских, наоборот, – в 1,2 раза ниже.

чески повышенной репрессивности властей против евреев. Они подвергались наказаниям в большей степени, чем русские и другие этносы, как до, так и после войны, несмотря на то что с 1917 до 1939 гг. их роль в органах управления республиканского и всесоюзного уровня повышалась, а государственную политику в отношении их можно считать филосемитской. За арестами часто стояли доносы. Кто их писал (сослуживцы, соседи, родственники, знакомые) и по каким причинам (сведение счетов, месть, конкуренция, зависть, желание завладеть квартирой) – не так важно. Важно другое: за большими цифрами репрессированных скорее всего скрывалось недоброжелательство к евреям со стороны других этносов, т.е. бытовой антисемитизм.

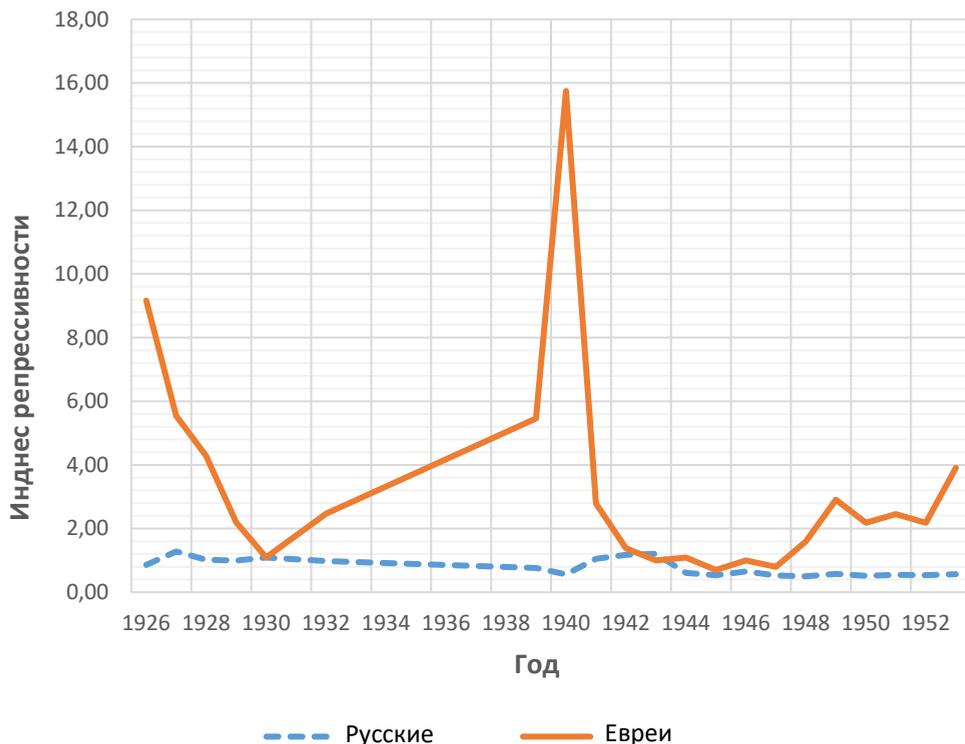

Рис. Индекс этнополитической репрессивности русских и евреев в 1926–1953 гг.

Примечание: График составлен на основе показателей табл. 1.

Динамика индекса репрессивности показывает, что резкие подъемы преследований евреев приходилось на те годы, когда происходило обострение борьбы группировок в партийном и государственном руководстве за власть между приверженцами И.В. Сталина и их противниками, лидерами которых являлись выдающиеся еврейские деятели (Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Л. Каменев, Г. Сокольникова, К. Радек, М. Лашевич и др.). В 1926–1927 гг. эта борьба велась с «объединенной оппозицией» (троцкистско-зиновьевским блоком), в 1928 г. – с «правой оппозицией», в 1936 г. – с «Антисоветским объединенным троцкистско-зиновьевским центром». Но Сталин боролся с ними не как с евреями, а как со своими политическими конкурентами в борьбе за власть, выдавая это за принципиальную борьбу с идейными противниками. Аналогично старые большевики и революционеры-ветераны также представляли угрозу сталинским сторонникам как потенциальные соперники.

Крупномасштабная чистка ВКП(б), судя по числу репрессированных, фактически продолжавшаяся до начала войны и получившая название «Большой террор» (1936–1940),

была направлена главным образом против конкурентов И. Сталина и старых большевиков, в которых он видел потенциальных соперников. Сталин чистил госпартаппарат и силовые структуры, в которых важную роль играли евреи, и поэтому они пострадали (если ориентироваться на индекс репрессивности) в 12 раз больше других этносов! Но опять же не по причине своего антисемитизма и еврейского происхождения конкурентов велась эта борьба, а потому, что они мешали генсеку быстро обновить аппарат за счет своих сторонников, менее способных и компетентных, зато верных и надежных. Например, в руководстве ОГПУ в 1936 г. процент евреев доходил до 34, а к 1939 г. уменьшился до 6 процентов. В НКВД в целом на 1 января 1938 г. евреи возглавляли более 50 % основных структурных подразделений центрального аппарата, а к 1 января 1939 г. – лишь 6 %⁹. Несмотря на то, что евреи по факту оказались наиболее пострадавшими, российские и зарубежные исследователи (Г. Костырченко, Р. Медведев, Э. Радзинский, Д. Вейдлингер, Д. Пристленд и др.)¹⁰ единодушно утверждают, что чистки не были специально нацелены на евреев как этническую группу, а значит, не носили антисемитской направленности. Евреи попали под раздачу потому, что их было много в органах власти. Регулирование этнического состава кадров приобрело систематический, рутинный характер в конце 1940-х гг., после провозглашения в 1948 г. независимости Государства Израиль и его победы в Арабо-израильской войне 1948 г. и принятия в 1949 г. в ООН¹¹. Приобретение кадровой политикой антиеврейской направленности в 1948–1953 гг. Г. Костырченко справедливо связывает с обострением советско-американских противоречий, вызванных тем, что сионизм и Государство Израиль рассматривались Сталиным в качестве «ударной силы империализма США» против СССР¹².

Политические кампании, которые признаются в историографии антисемитскими, на самом деле также не носили специально или исключительно антиеврейской направленности. Они задумывались как многоцелевые мероприятия, и евреям в них отводилась роль мальчика для битья, отвлекающего маневра, прикрытия или провокации, и самое главное – кампании служили средством борьбы за власть и влияние, способом перенаправить недовольство широких масс населения, возникшее вследствие тяжелого положения в стране, с реальных виновников, как правило правящего класса, на евреев, снимая таким образом с себя вину и ответственность. Об этом древнем «механизме козла отпущения» вспоминали И.А. Бунин и М.А. Горький в годы Гражданской войны:

«Левые» все «эксцессы» революции валят на старый режим, черносотенцы – на евреев, – записал Бунин в своем дневнике 1918–1920 гг. – А народ не виноват! Да и сам народ будет впоследствии валять все на другого – на соседа и на еврея: «Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жида на все это дело подбили...»¹³.

И не впервые еврей будет поставлен виновником всех бед русской жизни, – заявлял Горький в 1919 г., – он уже не однажды являлся козлом отпущения за грехи наши, уже платил имуществом и жизнью за то, что помогал нам в судорожном нашем стремлении к свободе¹⁴.

⁹ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. С. 210–211.

¹⁰ Там же. С. 209–218; Радзинский Э. Сталин. М., 1997. Гл. 24; Medvedev R. Let history judge: The origins and consequences of Stalinism. New York, 1989. P. 562–563; Priestland D. The red flag: A history of Communism. New York, 2009. P. 282; Veidlinger J. The Moscow State Yiddish Theater: Jewish culture on the soviet stage. Bloomington, Indiana, 2000. P. 10–11.

¹¹ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. С. 559.

¹² Там же. С. 694.

¹³ Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990. С. 96.

¹⁴ Горький М. О евреях. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/22118778/26119100/&art=22118778&user=1112382998&uilang=ru&catalit2&track_reading (дата обращения: 09.10.2023).

В 1926–1934 гг. руководство страны провело *широкую и успешную пропагандистскую кампанию против антисемитизма*. Официально она имела целью преодолеть недружелюбие и зависть в отношении евреев и объяснить причины особого, привилегированного места евреев в советском обществе. Кроме того, кампания являлась частью политики коренизации, развития интернационализма, но прежде всего – средством борьбы за власть сторонников И. Сталина с оппозицией (подробнее об этом см. ниже). Кампания реально привела к снижению антисемитских настроений, о чем свидетельствуют почти все авторы воспоминаний о жизни интеллигенции в 1930-е гг.¹⁵

Борьба с космополитизмом – массовая политическая кампания, проводившаяся в СССР в 1948–1953 гг., была направлена против скептических и прозападных настроений среди советской интеллигенции, которые рассматривались как «антипатриотические», а в качестве мальчика для битья выбрали евреев – их виктимизация являлась давней европейской традицией. Кампания сопровождалась обвинениями советских евреев в «безродном космополитизме», враждебности к патриотическим чувствам советских граждан, а также увольнениями с работы и арестами. Однако сводить ее исключительно к антисемитизму вряд ли правильно. Она сочеталась с борьбой за русские и советские приоритеты в области науки и техники, критикой ряда научных направлений (генетики, кибернетики, экологии, социологии, политологии, психоанализа), административными мерами против лиц, заподозренных в космополитизме и «низкопоклонстве перед Западом», независимо от национальной принадлежности. На основе контент-анализа публикаций в 56 всесоюзных советских периодических изданиях за 1948–1953 гг. можно сделать вывод, что среди представителей интеллигенции, обвиненных в космополитизме, евреи преобладали (71 %), однако удельный вес представителей других народов был также значительным – 29 %¹⁶, на что указал сам автор подсчетов и другие исследователи¹⁷. Характерно, что размах кампании придавала инициатива снизу. Из страха, карьерных побуждений или антиеврейских мотивов многие поддерживали кампанию, писали доносы и участвовали в организации травли ее жертв¹⁸.

Если антикосмополитическая кампания в своем антисемитском аспекте имела объектом преимущественно ассимилированную часть советского еврейства, то развернувшаяся одновременно с нею борьба с «буржуазным национализмом» в своем антиеврейском направлении ориентировалась на носителей традиционной еврейской (идишской) культуры и национального самосознания. Центральным пунктом кампании стали репрессии в отношении сионистов, Еврейского антифашистского комитета и «дело врачей». Буржуазные еврейские националисты рассматривались как агенты, реальные или *потенциальные*, западных спецслужб, ведущих вместе с мировым еврейством разведывательную, сепаратистскую и другую подрывную работу против СССР. «Космополитов» не обвиняли в покушении на советскую государственность, потому что их активность находилась в рамках советской культурно-интеллектуальной сферы¹⁹.

¹⁵ Слезкин Ю.Л. Эра Меркурия. С. 325; Шварц С.М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952. С. 107–108.

¹⁶ Pinkus B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. London; Cambridge, 1988. P. 155–160; Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. С. 349–350.

¹⁷ Struve G. Soviet Russian Literature 1917–50. Norman, 1951. P. 344; Vickery W. Zhdanovism: 1946–1953 // Literature and revolution in Soviet Russia, 1917–62: A symposium / ed. by Max Hayward and L. Labedz. Conference on Soviet Literature 1917–1962. London, 1962. P. 17–18.

¹⁸ Азадовский К., Егоров Б. Космополиты // Новое литературное обозрение. 1999. № 2. С. 86–135.

¹⁹ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. С. 336–337.

Борьба с «буржуазным национализмом» также была направлена не только против еврейского, а против всякого национализма, включая русский (как он понимался советскими идеологами), который в 1946–1953 гг., действительно, вновь стал актуальной проблемой. По сути продолжилась довоенная кампания против руководящих работников национальных республик, обвинявшихся в «национал-уклонизме»²⁰. После войны на присоединенных западных территориях бывшие политические элиты словом и делом развернули борьбу за независимость и реставрацию довоенных режимов, опираясь на украинских, белорусских, латвийских и эстонских националистов²¹. В качестве жертвы «показательной порки» власти также избрали евреев, не имевших возможности защититься по причине их дисперсного расселения и малочисленности.

Как ни парадоксально, еврейские граждане не являлись самыми пострадавшими во время политических кампаний 1946–1953 гг. Среди всех осужденных органами государственной безопасности их насчитывалось 7260 чел. (1,4 %), русских 115 433 чел. (21,7 %), других национальностей – 408 911 чел. (76,9 %)²². Украинцы, белорусы, немцы, литовцы, латыши и эстонцы претерпели больше. Масштабы репрессий в отношении евреев в 1946–1953 гг. были в 7 раз ниже, чем в 1926–1940 гг., – среднегодовое число осужденных в 1926–1940 гг. равнялось 5222 чел., в 1946–1953 гг. – 726 чел.

Кроме того, антикосмополитическая и антинационалистическая кампании не привели к полному вытеснению евреев из управления. Это говорит о том, что руководство страны и не ставило такой цели, хотя обладало возможностями не только репрессировать, но даже депортировать евреев, о чем по стране ходили упорные слухи. С 1945 г. по 1952 г. доля еврейского этноса во всех властных структурах понизилась с 2,96 до 1,12 %, но в значительной степени по причине сокращения численности евреев. Процент евреев среди управленцев с 1939 г. по 1952 г. уменьшился с 2,96 до 1,12, или в 2,6 раза, а в населении с 1,78 до 0,80²³, или в 2,2 раза. То есть холокост объясняет около 85 % (2,2:2,6 × 100) падения роли евреев в управлении, а снижение их представительности – 15 % (100–85). Индекс представительности евреев (отношение доли этноса в управлении к его доле в населении) во всех органах управления с 1945 по 1953 гг. упал с 3,70 до 1,40, или в 2,6 раза, но евреи все равно оставались сверхпредставленными в органах власти вплоть до 1989 г. (табл. 2).

Таблица 2

Индекс представительности русских и евреев в органах управления Российской империей в 1897 г. и СССР в 1926–1989 гг.

Этнос	1897	1926	1939	1945	1952	1959	1979	1989
Русские	1,43	1,17	1,16	1,14	1,07	1,06
Евреи	0,17	2,00	2,17	3,70	1,40	1,78	1,39	1,13
Нерусские	0,61	0,79	0,85	0,84	0,91	0,93
Все этносы	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00

Источник: Таблица составлена на основе материала, опубликованного в статье: Мironov B.N. Участие еврейского этноса в управлении СССР // Новейшая история России. 2024. Т. 14. № 2. С. 346–376.

²⁰ Грошев И. И. Борьба партии против национализма. М., 1974. С. 3–127; Жвания Г.К. О так называемом «национал-уклонизме». Тбилиси, 1990. 3–93.

²¹ НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сб. документов / сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М., 2008. С. 3–7.

²² Мозохин О.Б. Репрессии в цифрах... С. 44–45.

²³ Данные о численности евреев на 1952 г. экстраполированы на основе переписи 1959 г., когда их доля в наличном населении составляла 1,09 %, а в занятом – 1,04 %.

Потери евреев в отдельных сферах управления были различными. Если на начало 1945 г. они занимали 12,9 % руководящих кадров в центральном аппарате министерств и ведомств СССР и РСФСР, то к 1 января 1952 г. их доля снизилась до 3,9 %, среди руководящих кадров предприятий истроек – с 11,2 % до 4,6 %, НИИ, КБ и проектных организаций – с 10,8 % до 2,9 %, в центральной печати – с 26 % до 5,4 %, в вузах и партшколах – с 10,9 % до 3,1 %²⁴. В перечисленных сферах, несмотря на падение их роли, евреи остались сверхпредставленными. Но *в высшем партийном аппарате и в Верховном Совете СССР они впервые стали недопредставленными*. Среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик их доля уменьшилась с 1,3 % до 0,1 %²⁵, среди депутатов Верховного Совета СССР (с 1937–1946 гг. до 1950–1954 гг.) – с 4,1 % до 0,60 %²⁶. Индекс их представительности упал в аппарате с 1,63 до 0,13 и в Верховном Совете – с 2,32 до 0,75²⁷. Стоит подчеркнуть, что понижение роли евреев в управлении являлось проявлением политики нивелирования политических статусов народов СССР. Такое выравнивание часто казалось проявлениями антисемитизма, несмотря на то что представительность евреев в органах республиканского и всесоюзного управления всегда была выше их доли в населении. Характерно, что понижение роли русских в структурах власти, или, что то же самое, выравнивание статуса русских с нерусскими не считалось евреями, как, впрочем, и другими этносами, дискриминацией русских, даже если их участие в управлении было ниже демократической нормы.

Таким образом, наблюдалась парадоксальная ситуация: во время кампании против антисемитизма в 1926–1935 гг., направленной на защиту евреев, они подвергались репрессиям больше, чем во время кампаний против космополитов и националистов в 1948–1953 гг., направленных в значительной степени против евреев. В то же время до войны (при филосемитской политике сверху и антиеврейских настроениях внизу) представительность евреев во властных структурах росла, а в годы, признанных «черными годами» советского еврейства, 1948–1953 гг., они оставались в управлении и элите сверхпредставленными. Бытовой антисемитизм вступал в противоречие с филосемитской политикой руководства, а между интенсивностью политических репрессий и участием в управлении отсутствовала корреляция, что свидетельствует о конъюнктурном, а не антисемитском характере еврейской политики.

О негативном отношении к евреям в обществе

Негативное отношение к евреям существовало в российском обществе со времени вхождения евреев в состав Российского государства. До революции 1917 г. простой народ называл их врагами Христа и православных, а самого Христа, Пресвятую Богородицу и всех апостолов, как свидетельствует митрополит Антоний (Храповицкий), считал русскими:

Скажите нашему крестьянину: не брани евреев, ведь Пресвятая Богородица и все апостолы были евреями. Что он ответит? «Неправда, – скажет он, – они жили тогда, когда евреи были русскими»²⁸.

²⁴ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина... С. 514–515.

²⁵ Там же.

²⁶ Константинов В. Еврейское население бывшего СССР в XX веке. Иерусалим, 2007. С. 250.

²⁷ Миронов Б.Н. Бытовой антисемитизм...

²⁸ Антоний (Храповицкий), митр. Молитва русской души / сост., предисл. Т.А. Соколовой. М., 2006. С. 120–136.

Запрет на въезд евреев в Российское государство был введен еще Иваном Грозным, но строго он не соблюдался. При Петре I еврейским специалистам разрешили официально приезжать, а некоторых даже приглашали на службу в России. Однако Елизавета Петровна изменила еврейскую политику. Набожная императрица в 1742 г. издала указ, повелевающий выслать

как из великороссийских, так и из малороссийских городов, сел и деревень, всех жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением за границу и о непускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять христианскую веру греческого вероисповедания²⁹.

Советники убеждали императрицу оставить евреев в России или хотя бы не запрещать купцам-евреям въезд в страну, поскольку они приносят огромную выгоду государственной казне. Но она осталась непреклонной – «от врагов христовых не желаю интересной прибыли»³⁰. Можно подумать, что это был в чистом виде пиар-ход. Ведь всякий именной указ по закону зачитывался священниками во всех церквях, и следовало ожидать, что данный указ представит царицу перед народом благочестивой, добродетельной и непримиримой защитницей православия. Однако Елизавета была на самом деле глубоко уверена в том, что совершает богоугодный поступок, и так же думало огромное большинство российских православных из простонародья вплоть до 1917 г. В 1915 г. М. Горький опубликовал анкету, посвященную еврейскому вопросу, на которую поступило множество ответов со всей России. Большинство корреспондентов обнаружило антиеврейские установки, объясняя их тем, что

врожденный, жестокий, последовательный эгоизм еврея всюду берет верх над добродушным, малокультурным, доверчивым русским крестьянином, пребывающем «в зачаточном развитии, детском периоде»³¹.

Подобные представления, по-видимому, служили питательной почвой для сохранения негативизма в отношении евреев и в СССР³².

Вспышка бытового антисемитизма в СССР в 1920-е гг. и кампания против него позволяют понять причины кризиса. В первой половине 1920-х гг. в советском обществе наблюдался подъем антипатии к евреям. Оппозиционные политики и ученые, высланные из Советской России в 1922 г., обратили на это пристальное внимание. По их наблюдениям, антиеврейскими настроениями были охвачены «самые широкие слои населения» (Е.Д. Кускова). «Юдофобство в современной России – везде» (С.С. Маслов), в средних слоях города, в среде рабочих, студентов, членов компартии и комсомола, а также и в быту (С.М. Шварц)³³. Его проявления набирали силу и иногда доходили до серьезных эксцессов – вроде погрома еврейских лавок,

²⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 11. 1740–1743. № 8673. Именной указ от 2 декабря 1742 г. СПб., 1830. С. 727–728.

³⁰ Число евреев, выдворенных из России в царствование Елизаветы, оценивается от 142 человек до 35 тыс. Указ Елизаветы остался неисполненным или мало исполненным, как и предыдущие подобные. См.: *Солженицын А.И.* Двести лет вместе... Ч. 1. С. 27–30.

³¹ *Горький М.* Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос / под ред. М. Агурского и М. Шкловской. Jerusalem, 1986. С. 190–202; Незначительное число корреспондентов-марксистов восхищались евреями за их силу и иконоборчество, за то, что они много сделали для пришествия современного века.

³² *Слезкин Ю.Л.* Эра Меркурия... С. 435–436; *Zaslavsky V., Brym R.J.* Soviet Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy. London, 1983. P. 106–107.

³³ *Кускова Е.Д.* Кто они и как быть? // Еврейская трибуна. 1922. 19 окт. (№ 144). С. 1–2; *Маслов С. С.* Россия после четырех лет революции: в 2-х ч. Париж, 1922. Ч. 2. С. 41; *Шварц С. М.* Антисемитизм в Советском Союзе. С. 7, 17, 25, 29, 39.

устроенного допризывниками Могилева в 1928 г. Академик В.И. Вернадский в 1927 г. в частном письме товарищу по кадетской партии И. И. Петрункевичу писал:

Москва – местами Бердичев; сила еврейства ужасающая – а антисемитизм (и в коммунистических кругах) растет неудержимо³⁴.

Поначалу это явление в советских СМИ замалчивалось. Но в 1926 г. оно приняло такой размах, что игнорировать его стало опасно. Согласно записке Агитпропа, поданной в секретариат ЦК ВКП(б) в августе 1926 г., враждебные элементы прививают трудовым массам представление о том, что «советская власть мирволит евреям», что она «жидовская власть», что из-за евреев выросли безработица и жилищная нужда, возникла нехватка мест в вузах, растут розничные цены и спекуляция. «Не встречая никакого сопротивления, антисемитская волна грозит в самом недалеком будущем предстать перед нами в виде серьезного политического вопроса», – отмечалось в Информационном бюллетене³⁵. В том же году руководство страны развернуло широкую пропагандистскую кампанию против антисемитизма, ставшую частью политики «коренизации» и «интернационализма». Кампания имела целью преодолеть недружелюбие и зависть в отношении евреев и объяснить причины особого места евреев в советском обществе. Устно и письменно разъяснялось, что антисемитизм есть унаследованный от царского режима пережиток, привнесенный в город отсталыми крестьянами, который несовместим ни с советской моралью, ни с интернационализмом. Большая роль евреев в общественных организациях объяснялась их высоким уровнем культуры и свойственными им организаторскими способностями, чувством солидарности, целеустремленностью, готовностью идти на жертвы ради общего блага, активностью, инициативностью. Эти ценные качества, необходимые для руководства революционной и общественной деятельностью, выработались у них вследствие особенно тяжелой жизни при старом режиме и в ходе борьбы с ним. Данные преимущества евреев, разъясняли пропагандисты и агитаторы, – временные; перечисленными качествами вскоре будут обладать и все нееврейские трудящиеся благодаря росту образования, активному участию в экономической и общественной жизни³⁶.

Кампания продолжалась до 1934 г., когда антисемитизм явно ослаб, достигнув «низшей точки за все годы советской власти»³⁷. Кампания сыграла свою роль в ослаблении антиеврейских настроений. Ее успех объяснялся двумя факторами. Во-первых, к 1934 г. сторонники Сталина одержали полную победу над своими соперниками и устранили евреев, претендовавших на высшую власть в стране; оппозиция была разгромлена, ее лидеры оказались в заключении, казнены, высланы или эмигрировали из страны. Во-вторых, в 1930-е гг. изменилась социально-экономическая ситуация в стране, прошла коллективизация, привязавшая крестьян к колхозам и позволившая государству решить продовольственную проблему в городе за счет колхозников. Под влиянием бурной индустриализации в СССР удалось минимизировать безработицу, ликвидировать евреев-нэпманов, раздражавших население. Большинство советских историков именно так и объясняли пароксизм антиеврейских настроений в 1920-е гг.

³⁴ Письмо В.И. Вернадского И.И. Петрункевичу от 14 июня 1927 // Новый мир. 1989. № 12. С. 219.

³⁵ *Тепцов Н.* Монархия погибла, а антисемитизм остался (документы Информационного отдела ОГПУ 1920-х гг. // Неизвестная Россия. XX век: Архивы. Письма. Мемуары: в 4 кн. М., 1993. Кн. 3. С. 324–358.

³⁶ *Ларин Ю.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л., 1929. С. 115, 131, 260, 262–265; *Слезкин Ю.Л.* Эра Меркурия... С. 321–326; *Шварц С.М.*: 1) Антисемитизм в Советском Союзе. С. 13–68; 69–109; 2) Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965). Нью-Йорк, 1966. С. 3–12.

³⁷ *Шварц С.М.* Антисемитизм в Советском Союзе... С. 107–108.

Однако существует и другая точка зрения, в соответствии с которой рост антисемитских настроений в обществе был спровоцирован значительной ролью евреев в органах управления, поддержкой последних со стороны руководства страны, которое их защищало и на них в значительной мере опиралось. В широких кругах советскую власть стали отождествлять с евреями и называть «жидовской». В 1924 г. один внимательный наблюдатель констатировал следующее:

Теперь еврей – во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона <...> Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом; он встречает на каждом шагу евреев, не коммунистов, а таких же обездоленных, как он сам, но все же распоряжающихся, делающих дело советской власти <...> Неудивительно, что русский человек, сравнивая прошлое с настоящим, утверждает в мысли, что нынешняя власть еврейская³⁸.

Филосемитская политика вызывала массовое недовольство среди русского, украинского, белорусского населения, пробуждала ревность среди рядовых функционеров других национальностей и способствовало росту бытового антисемитизма. В ходивших анекдотах в интеллигентной среде ЦИК расшифровывался как «zehn Juden Kommando» («отряд десяти евреев» (*нем.*))³⁹, а в народе СССР – как «Сруль, Сруль, Сруль и один Русский, да и тот позади всех»⁴⁰.

Действительно, после революции 1917 г. началась массовая миграция евреев из местечек черты оседлости в большие города. Как писал в 1929 г. знаток положения евреев в СССР 1920-х гг. Ю. Ларин:

Еврейская интеллигенция пошла в то время на службу к победившей революции охотно, целыми массами, [видя] доступ к закрытой прежде государственной службе⁴¹.

Ввиду значительной эмиграции дореволюционных служащих существовала острая потребность в грамотных чиновниках⁴². Политическое управление Красной Армии в 1921 г. разослало по воинским частям прокламацию, в которой разъясняло, почему в госаппарате много евреев:

Когда российскому пролетариату понадобилась своя интеллигенция и полуинтеллигенция, кадры административных и технических работников, то неудивительно, что оппозиционно настроенное еврейство пошло ему навстречу... Пребывание евреев на административных постах новой России совершенно естественная и исторически неизбежная вещь⁴³.

Еврейские граждане проникали в наиболее престижные и доходные сферы занятости, куда до революции доступ им был закрыт или затруднен, вытесняли русских и быстро делали карьеру, что встретило сопротивление со стороны русского населения, прежде всего интеллигенции, студенчества и госслужащих. Можно предположить, что безработица и жесткая конкуренция заставили многих людей изменить свое лояльное отношение к евреям. Недовольство миллионов безработных, нуждающихся, обедневших и неустроенных людей, попавших в тяжелое по-

³⁸ Бикерман И.М. Россия и русское еврейство // Россия и евреи. Сборник первый. Берлин, 1924. С. 22–23.

³⁹ Солоневич И.Л. Россия, революция и еврейство // Белая империя. Статьи 1936–1940. М., 1997. С. 192.

⁴⁰ Бейзер М. Евреи Ленинграда. 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. М.; Jerusalem, 1999. С. 104.

⁴¹ Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л., 1929. С. 73.

⁴² Мирский Б. Черная сотня // Еврейская трибуна. 1924. 1 февраля. № 58. С. 3.

⁴³ Цит. по: Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. 2. С. 227.

ложение, было канализировано по привычному руслу антисемитизма, когда евреи в очередной раз стали «козлами отпущения»⁴⁴.

Антиеврейские чувства подогревали мероприятия советских властей, в которых заметную роль играли коммунисты еврейского происхождения, как то: реквизиция церковных ценностей в 1922 г.; волна переименований городов и улиц в больших городах в честь еврейских революционеров (например, Екатеринбург – в Свердловск, Елизаветграда – в Зиновьевск, Павловска – в Слуцк, Гатчины – в Троцк и т. д.); антирелигиозное движение⁴⁵, возглавленное Е. Ярославским, и др. Борьба с оппозицией, в особенности с «объединенной оппозицией» (1926 г.), в которую входило немало выдающихся еврейских политиков, также способствовала нагнетанию антисемитских настроений среди коммунистов и комсомольцев, полагавших, что И. Сталин стремится освободить страну от еврейского засилья.

По утверждению Л.Д. Троцкого, между 1923 и 1926 гг. Сталин и его сторонники поощряли развитие антиеврейских настроений, а затем воспользовались этим в борьбе с оппозицией. Поначалу «игра на струнах антисемитизма» проходила очень осторожно и «носила скрытый характер». Но в 1926 г. травля оппозиции приняла откровенно антисемитский характер – агитаторы говорили о ее сторонниках: «Бунтуют евреи». Со второй половины 1927 г. лозунг «Бей оппозицию» часто принимал вид старого лозунга «Бей жидов, спасай Россию». По словам Троцкого,

Сталин был вынужден выступить с заявлением, в котором говорилось: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, но потому, что они оппозиционеры» и т. д.⁴⁶

Троцкий понял эти слова однозначно:

Каждому политически мыслящему человеку было совершенно ясно, что эта сознательно двусмысленная декларация, направленная против эксцессов антисемитизма, в то же время совершенно преднамеренно питала их. Не забывайте, что лидеры оппозиции – евреи. Таково было значение заявления Сталина опубликованного в советском журнале⁴⁷.

Высокая конкурентная способность евреев также многое объясняет в недружественном отношении к ним со стороны других этносов. С.Н. Булгаков полагал, что «антисемитизм есть сублимированная зависть к еврейству и соревнование с ним»⁴⁸, а А.М. Горький утверждал, что антисемиты не любят еврея только за то, что «он лучше, ловчее, трудоспособнее их»⁴⁹. В 1926 г. на 1-м съезде Общества землеустройства еврейских трудящихся М.И. Калинин не только объяснял волну антисемитизма социально-экономической конкуренцией, в особенности в среде интеллигенции, но и призывал евреев не переезжать в большие города, т. к. там им грозит полная ассимиляция⁵⁰. Хороший пример подобной конкуренции дает кампания 1920-х гг. по переселению евреев в Крым и на юг Украины для приобщения их

⁴⁴ Этот механизм тщательно исследован французским социальным антропологом Рене Жирамом в книге «Козел отпущения». СПб., 2010.

⁴⁵ В 1925 г. руководитель антирелигиозной пропаганды в СССР Е. М. Ярославский основал Союз воинствующих безбожников, но православие для большинства населения не являлось предрассудком, что и вызвало недовольство: *Миронов Б. Н.* Народ-богоносец или народ-атеист? // Родина. 2001. № 3. С. 52–58.

⁴⁶ В собрании сочинений Сталина это заявление не обнаружено.

⁴⁷ *Троцкий Л. Д.* Термидор и Антисемитизм // The New International. 1941. May. URL: <https://1917.com/XML/dApYGURf1Nk2286oLVRdfVvJ8CE> (дата обращения: 27.07.2023).

⁴⁸ *Булгаков С. Н.*, протоиерей. Христианство и еврейский вопрос. Paris, 1991. С. 83, 84, 117, 137, 140.

⁴⁹ *Горький М.* Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. Пг., 1918. С. 115.

⁵⁰ Первый Всесоюзный Съезд Советов в Москве. Стенографический отчет. М., 1927. С. 66–67.

к земледельческому труду, которая породила слухи о том, что евреям выделяют лучшие земли, и вызвала протесты украинского и русского крестьянства. Благодаря образованию, деловитости, организаторским и предпринимательским способностям советские евреи фактически превратились в *привилегированную этносоциальную группу*: они были сверхпредставлены во власти, имели более высокие доходы и социально-профессиональный статус сравнительно со всем населением, что вызывало неудовольствие и ревность.

А.И. Солженицын объяснял антисемитизм «неполной заинтересованностью» евреев в стране проживания⁵¹, соглашаясь с известным историком-иудаистом С.Л. Лурье, который один из главных источников антисемитизма усматривал в том, что «еврей, живущий в стране, принадлежит не только этой стране – и потому его чувства неизбежно дwoятся»⁵².

Недоверие со стороны властей к евреям часто объяснялось их негативным отношением к существующему режиму и активным участием в оппозиционном движении. Во второй половине XIX – начале XX в. еврейский народ являлся самым нелояльным из всех народов Российской империи. С.Ю. Витте в 1903 г. утверждал, что евреи дают 50 % революционеров. По сведениям командующего Сибирским военным округом Н.Н. Сухотина, на 1 января 1905 г. среди 4526 политических поднадзорных во всей Сибири на долю евреев приходилось 37 %, русских – 41,9 %, поляков – 13,8 %, кавказских народов – 3,2 %, прибалтийских народов – 1,9 %, прочих – 2,2 %⁵³. Отсюда и антиеврейская политика правительства. В 1920–1930-е гг. евреи превратились в исключительно лояльных режиму граждан, и политика была филосемитской. В послевоенное время, особенно в последней трети XX в., многие еврейские интеллигенты перешли в явную или скрытую оппозицию, соответственно еврейская политика также изменила вектор. На взгляд канадских историков В. Заславского и Р.Дж. Брима:

В 1920-е годы считалось, что евреи исключительно лояльны режиму, в 1970-е годы появился другой удобный миф – о врожденной политической неблагонадежности евреев. Оба содержали в себе элементы самореализующегося пророчества⁵⁴.

С ними солидарен Ю.Л. Слэзкин:

В послевоенном Советском Союзе евреи были не просто аналогом оппозиционной интеллигенции – они были ядром оппозиционной интеллигенции⁵⁵.

Еврейский этнос в Советском Союзе находился *де-факто в привилегированном положении*: он имел высокий этнополитический и самый высокий социально-профессиональный статус, самое высокое образование и самые высокие доходы среди других этносов⁵⁶. Несмотря на это, евреи не были удовлетворены своим положением. Такую парадоксальную ситуацию бывший советский еврей, ставший известным американским историком, Ю.Л. Слэзкин со знанием дела – и, на наш взгляд, правильно – объясняет *относительной депривацией*:

⁵¹ Солженицын А.И. Двести лет вместе... Ч. 2. С. 380–381.

⁵² Лурье С.Л. Антисемитизм в древнем мире. Тель-Авив, 1976. С. 77.

⁵³ Из истории борьбы с революцией в 1905 г. // Красный Архив. 1929. Т. 32. С. 229.

⁵⁴ Слэзкин Ю.Л. Эра Меркурия... С. 438–439; Zaslavsky V., Brym R.J. Soviet Jewish Emigration... P. 109.

⁵⁵ Слэзкин Ю.Л. Эра Меркурия... С. 437.

⁵⁶ Константинов В. Еврейское население. С. 298; Мironov B.N. Этнический статус еврейского народа в СССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 3. С. 774–800. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.314>

На закате царской России евреи жили – по целому ряду экономических и культурных показателей – лучше, чем многие другие группы населения, но они были радикальнее всех остальных, поскольку судили о своем положении с точки зрения строжайшей меритократии (а не в сравнении с ламанстами или крестьянами), считали себя способными подняться на самый верх (и имели на это очень хорошие основания) и исходили из того, что официальная политика по отношению к ним этически несостоятельна. <...> На закате Советской империи евреи не были задавлены в большей мере, чем остальное население, но они ощущали себя более униженными» по нескольким причинам: «масштаб еврейского успеха и опасность потери статуса были несравненно большими», существовали завуалированная государственная дискриминация и открытый массовый антисемитизм, который питался традиционной русской враждебностью к рациональному мышлению, порядку, логике, благоразумию и «желанием части новопеченных технократов из числа коренного населения избавиться от своих более успешных конкурентов». Иными словами, советские евреи были недооценены и не могли полностью себя реализовать, потому что «официально провозглашенные принципы меритократии и равноправия должным образом не соблюдались»⁵⁷.

Подозрительное, недоверчивое или настороженное отношение к евреям со стороны гоев было распространено на протяжении всего советского периода (как, впрочем, и евреев к русским⁵⁸). Но, как правило, это не являлось антисемитизмом, русофобией или какой-либо этнофобией в чистом виде. Сталин боролся с Троцким, Зиновьевым, Каменевым и другими видными оппозиционерами не как с евреями, а как со своими соперниками, и если бы на их месте были японцы, чукчи или эфиопы, то он бы боролся с ними точно также. Подобная мысль неоднократно высказывалась в литературе. По мнению Э. Паина, сталинская политика в одинаковой мере «предполагала возможность репрессий против любой этнополитической группы, включая и русских националистов»⁵⁹. Я. Кедми московский эмигрант, хорошо знавший советские реалии, руководитель службы «Натив» (1992–1999), координировавшей на постсоветском пространстве борьбу евреев за репатриацию и выезд в Израиль, отметил в своих мемуарах:

Сталинский режим был в той же степени антисемитским, в какой – антинемецким, античеченским, антитатарским и т. п. И антирусским он тоже был, ибо уничтожал и ссылал русское крестьянство. А репрессированным по Ленинградскому делу вменялась в вину попытка создания отдельной компартии РСФСР⁶⁰.

Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко справедливо подчеркнули значение групповых интересов и внутрипартийной борьбы в еврейском вопросе:

Еврейский вопрос возник не столько вследствие присущего Сталину антисемитизма, сколько в результате стремления еврейских общественных деятелей добиваться самостоятельных политических и геополитических целей внутри партийно-государственной номенклатуры. Еврейский вопрос был в значительной степени не еврейским, а номенклатурным вопросом <...> Шла напряженная борьба групп интересов в иерархической системе власти за место под солнцем социализма⁶¹.

Бытованию антисемитизма способствовали также социально-экономическая ревность, конкуренция, цивилизационная специфика (менталитет, культура, религия, система ценностей и норм поведения, национальный характер), а также возни-

⁵⁷ Слезкин Ю.Л. Эра Меркурия... С. 436.

⁵⁸ Солженицын А.И. Двести лет вместе... Ч. 2. С. 435–436.

⁵⁹ Пайн Э. Историческое ослабление антисемитизма в России и его кратковременная актуализация в дискурсе современных русских националистов // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 2. С. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.08>. EDN: NTQMLB.

⁶⁰ Кедми Я.И. Безнадежные войны: [мемуары]. М., 2012. URL: <http://www.rulit.me/books/beznadezhnyevojny-read-283883-23.html> (дата обращения: 12.10.2023)

⁶¹ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 1. Ч. 1. С. 61; № 2. Ч. 2. С. 151.

кающая время от времени потребность любого социума в наличии в кризисный момент мальчика для битья, или козла отпущения, чтобы перенаправить на него коллективное недовольство.

Выводы

Таким образом, антисемитизм в СССР не являлся принципом национальной политики, которая на самом деле была принципиально конъюнктурной. Как писал А.И. Солженицын, «политика советского правительства к евреям была и непоследовательной, и осторожной, и оглядливой, и двойственной»⁶². Евреи попадали под дискриминацию в довоенное время, в первую очередь, по причине жесткой борьбы за власть в верхах, а в послевоенное время – вследствие перехода значительной части еврейской диаспоры в оппозицию к советскому режиму и стремления эмигрировать. О конъюнктурности антисемитизма красноречиво говорит то, что бытовой антисемитизм вступал в противоречие с филосемитской политикой руководства, что между интенсивностью политических репрессий против евреев и их участием в управлении отсутствовала согласованность. Во время кампании против антисемитизма в 1926–1935 гг., направленной на защиту евреев, они подвергались репрессиям больше, чем во время кампаний против космополитов и националистов в 1948–1953 гг., направленных в значительной степени против еврейских граждан. В то же время до войны (при филосемитской политике сверху и антиеврейских настроениях внизу) представительность евреев во властных структурах росла, а в признаваемых «черными годами» советского еврейства, 1948–1953 гг., они оставались в управлении и элите сверхпредставленными.

Антиеврейские настроения среди населения и правящего класса не исключали евреев из общественной жизни, из элиты и управления обществом. На протяжении всего советского периода руководство страны эффективно использовало человеческий капитал еврейской диаспоры в интересах государства.

Поступила в редакцию / Submitted: 05.02.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 22.03.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 24.08.2024

References

- Anthony (Khrapovitsky). *Molitva russkoi dushi* [Prayer of the Russian Soul]. Moscow: Sretenskii Monaster' Publ., 2006 (in Russian).
- Azadovsky, K., and Egorov, B. "Kosmopolity [Cosmopolitans]." *Novoie literaturnoie obozreniie*, no. 2 (1999): 86–135 (in Russian).
- Batygin, G.S., and Deviatko, I.F. "Evreiskii vopros: khronika sorokovykh godov [The Jewish Question: Chronicle of the Forties]." *Vestnik RAN* 63, no. 1 (1993): 61–72 (in Russian).
- Beizer, M. *Evrei Leningrada. 1917–1939: Natsionalnaia zhizn i sovetizatsiia* [The Jews of Leningrad. 1917–1939: National Life and Sovietization]. Moscow: Bridges of Culture Publ.; Jerusalem: Gesharim Publ., 1999 (in Russian).
- Bikerman, I.M. I.M. "Rossiia i russkoe evreistvo [Russia and Russian Jewry]." In *Rossiia i evrei. Sbornik pervyi* [Russia and the Jews. Collection One], 24–45. Berlin: Osnova Publ., 1924 (in Russian).
- Bulgakov, S.N. *Khristianstvo i evreiskii vopros* [Christianity and the Jewish Question]. Paris: YMCA-press Publ., 1991 (in Russian).
- Bunin, I.A. *Okaiannye dni* [Cursed Days]. Moscow: Soviet Writer Publ., 1990 (in Russian).
- Girard, R. *Kozel otpushcheniia* [The Scapegoat]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 2010 (in Russian).

⁶² Солженицын А.И. Двести лет вместе... Ч. 2. С. 426–427.

- Gorky, M. *Iz literaturnogo nasledii: Gorkii i evreiskii vopros* [From the literary heritage: Gorky and the Jewish question]. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem. Center for the Study and Documentation of East European Jewry Publ., 1986 (in Russian).
- Gorky, M. *Nesvoievremennye mysli: Zametki o revoliutsii i kulture* [Untimely Thoughts: Notes on Revolution and Culture]. Petrograd: Culture and Freedom Publ., 1918 (in Russian).
- Groshev, I.I. *Borba partii protiv natsionalizma* [The Party's Struggle Against Nationalism]. Moscow: Politizdat Publ., 1974 (in Russian).
- Konstantinov, V. *Evreiskoe naselenie byvshego SSSR v XX veke* [Jewish population of the former USSR in the XX century]. Jerusalem: Lira Publ., 2007 (in Russian).
- Kostyrchenko, G.V. *Tainaia politika Stalina: Vlast i antisemitizm* [Stalin's secret policy: power and anti-semitism]. Moscow: International Relations Publ., 2021 (in Russian).
- Kuskova, E.D. "Kto oni i kak byt?" [Who are they and what to do?]. *Evreiskaia Tribuna*, no. 144 (1922): 1–2 (in Russian).
- Larin, Yu. *Evrei i antisemitizm v SSSR* [Jews and Anti-Semitism in the USSR]. Moscow: State Publ.; Leningrad: State Publ., 1929 (in Russian).
- Lurye, S.L. *Antisemitizm v drevnem mire* [Anti-Semitism in the Ancient World]. Tel Aviv: Sova Publ., 1976 (in Russian).
- Maslov, S.S. *Rossia posle chetyrekh let revoliutsii* [Russia after four years of revolution]. Paris: Russian Printing Publ., 1922 (in Russian).
- Medvedev, R. *Let history judge: The origins and consequences of Stalinism*. New York: Columbia University Press, 1989.
- Mironov, B.N. "Everyday Anti-Semitism in the USSR." *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (2024): 216–231 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-216-231>
- Mironov, B.N. "Narod-bogonosets ili narod-ateist? [A God-bearing people or an atheist people?]." *Rodina*, no. 3 (2001): 52–58 (in Russian).
- Mironov, B.N. "Participation of the Jewish Ethnicity in the Governance of the USSR." *Modern Russian History* 14, no. 2 (2024): 346–376 (in Russian).
- Mironov, B.N. "The Ethnic Status of the Jewish People in the Soviet Union." *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 69, no. 3 (2024): 774–800 (in Russian), <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.314>
- Mirsky, B. "Chernaia sotnya [Black Hundreds]." *Evreiskaia Tribuna*, no. 58 (1924): 2–9 (in Russian).
- Mozokhin, O.B. *Repressii v tsifrakh i dokumentakh. Deiatel'nost organov VCHK – OGPU – NKVD – MGB (1918–1953 gg.)* [Repressions in figures and documents. Activities of the Cheka – OGPU – NKVD – MGB (1918–1953)]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2018 (in Russian).
- Pain, E.A. "The Historical Weakening of Anti-Semitism in Russia and its Short-Term Actualization in the Discourse of Modern Russian Nationalists." *Bulletin of Liberal Arts University* 12, no. 2 (2024): 131–147 (in Russian), <https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.08>.
- Pinkus, B. *The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority*. London; Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Priestland, D. *The red flag: A history of Communism*. New York: Grove Press, 2009.
- Radzinsky, E. *Stalin*. Moscow: Vagrius Publ., 1997 (in Russian).
- Schwartz, S.M. *Antisemitizm v Sovetskom Soiuze* [Anti-Semitism in the Soviet Union]. New York: A.P. Chekhov Publishing House Publ., 1952 (in Russian).
- Slezkin, Yu.L. *Era Merkuriia* [Age of Mercury]. Moscow: AST Publ., 2022 (in Russian).
- Solonevich, I.L. "Rossia, revoliutsiia i evreistvo [Russia, Revolution and Jewry]." In *Belaia imperiia. Statii 1936–1940* [White Empire. Articles 1936–1940], 189–197. Moscow: Moskva Publ., 1997 (in Russian).
- Solzhenitsyn, A.I. *Dvesti let vmeste...* [Two hundred years together...]. Moscow: Prozaik Publ., 2019 (in Russian).
- Struve, G. *Soviet Russian Literature 1917–1950*. Norman: University of Oklahoma, 1951.
- Teptsov, N. "Monarkhiia pogibla, a antisemitizm ostalsia (dokumenty Informatsionnogo otdela OGPU 1920-kh gg.) [The monarchy perished, but anti-Semitism remained (documents of the Information Department of the OGPU of the 1920s)]." In *Neizvestnaia Rossiia XX vek: Arkhivy. Pisma. Memuary* [Unknown Russia XX century: Archives. Letters. Memoirs], 324–358. Moscow: Istoricheskoe nasledie Publ., 1993 (in Russian).
- Veidlinger, J. *The Moscow State Yiddish Theater: Jewish culture on the soviet stage*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 2000.
- Vickery, W. "Zhdanovism: 1946–1953." In *Literature and revolution in Soviet Russia, 1917–62: A symposium. Conference on Soviet Literature 1917–1962*, 17–18. London: Oxford University Press, 1962.

Vladimirtsev, N.I., and Kokurin, A.I. *NKVD – MVD SSSR v borbe s banditizmom i vooruzhennym natsionalisticheskim podpoliem na Zapadnoi Ukraine, v Zapadnoi Belorussii i Pribaltike (1939–1956): sbornik dokumentov* [NKVD – MVD of the USSR in the fight against banditry and armed nationalist underground in Western Ukraine, Western Belarus and the Baltics (1939–1956): collection of documents]. Moscow: United Editorial Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2008 (in Russian).

Zaslavsky, V., and Brym, R.J. *Soviet Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy*. London: Springer, 1983.

Zhvania, G.K. *O tak nazyvaiemom 'natsional-uklonizme'* [On the so-called 'national deviationism']. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo Publ., 1990 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Борис Николаевич Миронов, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; mironov1942@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8559-0019>; SPIN: 7919-3929.

Boris Nikolaevich Mironov, Dr. Habil. History, Professor of the Department of Source Studies of Russian History, St Petersburg State University; 5, Mendeleevskaya Line Str., St. Petersburg, 199034, Russia; mironov1942@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8559-0019>; SPIN: 7919-3929.